А. Л. БЛОКЪ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ РОССІИ И О РОССІИ.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ КУРСЪ РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА.

Въ надеждѣ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни....
Пушкинъ.

БИБЛІОТЕКА
Ленингр. отделения
Коммунист. Академии
при ЦИК СССР

ВАРШАВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НОСКОВСКАГО
Маховецкая N. 11.

1884.

ПРОВ. 1958

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ Н. Лавровскій.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

232
13

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Это „Вступленіе" назначалось сперва только для моихъ слушателей — студентовъ Императорскаго варшавскаго университета, довольно многочисленныхъ вообще. Но потомъ я рѣшился представить его, въ нѣсколько дополненномъ видѣ, и на судъ другихъ, постороннихъ читателей. Если такіе читатели найдутся, то заранѣе прошу ихъ имѣть въ виду основное назначеніе моей книжки и судить о ней преимущественно съ этой точки зрѣнія. Тогда объяснится многое — и можетъ быть не въ одной только „книжкѣ", которая была обдумана, отчасти даже прочувствована авторомъ при своеобразныхъ и въ своемъ родѣ поучительныхъ жизненныхъ условіяхъ. Пользуясь указаніями литературы, я хотѣлъ именно *объяснить* кое-что и въ самой жизни, объяснить по возможности научнымъ образомъ.

Для интересующихся дѣлами русской государственной науки прилагаю въ концѣ программу спеціальнаго курса, который впрочемъ не разъ измѣнялся мною и подлежитъ еще дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Программы нѣкоторыхъ прежнихъ моихъ курсовъ (двухъ общихъ и одного спеціальнаго) были уже напечатаны въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ" 1879 и 1882 годовъ.

Ал. Блокъ.

Октябрь 1884.

ВСТУПЛЕНІЕ

ВЪ КУРСЪ

РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА.

ВАРШАВА 1883/4.

Изученіе русской государственной жизни представляетъ для насъ не только ближайшій практическій, но и чрезвычайно высокій *теоретическій* интересъ. Тутъ мы вступаемъ въ новый для нашей науки политическій міръ, имѣющій свою исторію и свои крупныя особенности, чѣмъ и оправдывается отчасти принятое у насъ отдѣленіе этого спеціальнаго курса отъ такъ называемаго „общаго государственнаго права." Но такое внѣшнее отдѣленіе не нарушаетъ внутренняго единства самой науки, тѣмъ болѣе, что оба предмета излагаются однимъ и тѣмъ-же преподавателемъ. Если-бы мы „общее государственное право" изучали по однимъ западноевропейскимъ образцамъ, то здѣсь намъ пришлось-бы примѣнять и къ славяно-русскому міру понятія, выработанныя пока преимущественно лишь для романо-германскихъ народовъ,—или-же, отказавшись отъ всякихъ общихъ понятій, ограничиться одною фактическою стороною дѣла. Къ счастью однако намъ вовсе не нужно прибѣгать къ подобнымъ мало научнымъ пріемамъ. Дѣло въ томъ, что уже въ общемъ нашемъ курсѣ, при изложеніи т. н. „теоріи

государственнаго права" или вѣрнѣе „политики", всегда имѣлась въ виду не только западная, но и лично мнѣ болѣе знакомая и болѣе близкая восточная Европа. Этимъ отчасти объясняются тѣ весьма значительныя теоретическія отступленія, которыми отличались мои лекціи отъ разныхъ заграничныхъ руководствъ по тому-же предмету, обыкновенно игнорирующихъ міръ славянскій вообще и Россію въ особенности. Зато всѣ основныя понятія, уже приложенныя нами къ т. н. „государственному праву важнѣйшихъ иностранныхъ державъ", почти одинаково могутъ относиться и къ нашей, русской государственной жизни. Нынѣшній спеціальный курсъ составляетъ во многихъ отношеніяхъ лишь дальнѣйшее развитіе прежнихъ общихъ темъ. Мы и въ немъ будемъ руководиться тѣмъ-же научнымъ направленіемъ, тѣми-же методами и по возможности тою-же системою изложенія, которыхъ держались въ общемъ нашемъ курсѣ.

Въ настоящемъ вступленіи я намѣренъ сдѣлать небольшой очеркъ того, что́ можно назвать *политическою литературою въ Россіи и о Россіи*. Это еще не разборъ разныхъ учебниковъ и монографій по русскому государственному праву, которые будутъ разсмотрѣны уже въ самомъ курсѣ и во введеніи къ нему. Прежде чѣмъ такъ или иначе судить о *правѣ*, надо вникнуть поглубже въ духъ самой *жизни* и слѣдовательно обратиться къ литературнымъ трудамъ, ею непосредственно навѣяннымъ. Такими трудами являются напримѣръ сочиненія нѣкоторыхъ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи и писавшихъ о ней, преимущественно для своихъ соотечественниковъ. Въ нихъ выставлены на первый планъ тѣ черты русскаго государственнаго быта, которыя наиболѣе отличаютъ его отъ западноевропейскаго и потому наиболѣе важны для людей, мало знакомыхъ съ восточною Европою. Но къ сожалѣнію такое малое знакомство обнаруживаютъ нерѣдко и сами авторы этихъ сочиненій, даже вполнѣ добросовѣстные. Притомъ иностранцамъ, особенно французамъ, трудно отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ предвзятыхъ идей, мѣшающихъ вѣрно разглядѣть и оцѣнить русскую дѣйствительность. Въ видѣ примѣра укажемъ

на извѣстное сочиненіе *Леруа-Больё* [1]), съ которымъ очень не мѣшаетъ вообще познакомиться, но которое не можетъ удовлетворить насъ вполнѣ. Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что его „любопытство" привлекли не только „колоссальные размѣры", многомилліонное „населеніе" и будущая „великая роль" Имперіи „на нашемъ старомъ континентѣ", но и „загадочный характеръ (le caractère énigmatique) ея жителей, родъ тайны, витающей надъ Россіей и надъ ея судьбами (l'espèce de mystère qui plane sur la Russie et sur ses destinées), а сверхъ того и самая трудность узнать и понять ее." Нельзя сказать однако, что французскому публицисту удалось разрѣшить эту задачу и разгадать „тайну" Россіи, въ которую, по словамъ извѣстнаго поэта Тютчева, не можетъ проникнуть „гордый взоръ иноплеменный." Впрочемъ наблюденія его сравнительно довольно объективны, и м. б. именно потому, что у него нѣтъ опредѣленной философской или соціологической „доктрины", за что́ онъ такъ осуждается однимъ критикомъ [2]). Но мало быть только объективнымъ: отъ его живой наблюдательности не укрылись многія внѣшнія черты или такъ сказать „контуры" русской жизни,— зато внутренній духъ почти ускользнулъ, какъ и у другихъ иностранныхъ изслѣдователей. Говоря о политическихъ дѣлахъ и отношеніяхъ въ Россіи, Леруа-Больё невольно становится на свою, наименѣе тутъ умѣстную буржуазно-либеральную точку зрѣнія, съ которой позволяетъ себѣ нѣсколько какъ-бы снисходительно-сочувственно относиться къ „судьбамъ" современнаго русскаго общества. Кромѣ того у него недостаетъ знакомства съ нѣкоторыми основными источниками (напримѣръ хоть съ текстомъ важнѣйшихъ русскихъ законовъ), вслѣдствіе чего трудъ его во многихъ частяхъ носитъ характеръ довольно праздныхъ разсужденій о русскихъ порядкахъ вообще.

---

[1]) *L'Empire des Tsars et les Russes*, par Anatole *Leroy-Beaulieu*. Tome I: Le pays et les habitants. 1881. Tome II: Les institutions. 1882. Нѣкоторые дальнѣйшіе этюды автора о Россіи печатались, какъ и предъидущіе, въ журналѣ „Revue des deux mondes."

[2]) Ср. статью г. *Вырубова* въ журналѣ „La philosophie positive": juillet-août 1881.

Такъ какъ мы—по крайней мѣрѣ не иностранцы, то для насъ гораздо поучительнѣе другіе, менѣе систематическіе, но болѣе глубокіе литературные труды, навѣянные тою-же русскою жизнью на *русскихъ* писателей. Сюда относятся преимущественно разныя журнальныя статьи, старыя и новыя, изъ которыхъ потомъ составлялись цѣлые сборники сочиненій. При всей отрывочности этихъ статей, посвященныхъ большею частью лишь отдѣльнымъ вопросамъ и писанныхъ обыкновенно по какимъ нибудь спеціальнымъ поводамъ,—въ нихъ и именно въ нихъ заключается дѣйствительное, главное пока „откровеніе" русской жизни. Онѣ-то и составляютъ настоящую „политическую литературу въ Россіи и о Россіи." Конечно авторы ихъ во многомъ ошибались и ошибаются относительно своего отечества. Но и въ самыхъ ошибкахъ своихъ они невольно на каждомъ шагу выдаютъ истинную сущность народнаго духа, ибо не только пишутъ, но и думаютъ, а часто и чувствуютъ при этомъ именно *по русски*. Это далеко еще не „строгая наука", а только журналистика или „публицистика" въ широкомъ смыслѣ слова, составляющая лишь зародышъ будущей русской науки, которая отчасти уже и теперь къ ней примыкаетъ и должна пользоваться ею, какъ главнымъ идейнымъ матерьяломъ, выработаннымъ самою жизнью. Хотя до послѣдняго времени литература наша черпала многія свои идеи изъ западноевропейскихъ источниковъ [3]), но она успѣла проявить значительную самостоятельность уже въ процессѣ усвоенія, разработки и примѣненія этихъ чуждыхъ идей, перенесенныхъ на московско-петербургскую почву и ставшихъ лицомъ къ лицу съ русскою дѣйствительностью. Тутъ именно сложились тѣ оригинальныя литературно-политическія направленія, которыя рѣзко обозначились уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія [4]),

---

[3]) Исторія этихъ заимствованій очерчена въ недавно вышедшей брошюрѣ г. А. К. *Веселовскаго*: „Иностранное вліяніе въ русской литературѣ." Ср. также статьи г. *Скабичевскаго* въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1870 года.

[4]) О дѣятеляхъ этой эпохи см. напр. книгу П. В. *Анненкова*: „Замѣчательное десятилѣтіе"; „Жизнь и переписку Бѣлинскаго", соч.

долго потомъ раздѣляли нашихъ писателей на враждебные лагери и теперь еще опредѣляютъ собою главныя теченія общественной мысли въ Россіи. Мы говоримъ о двухъ направленіяхъ: „славянофильскомъ" и „западническомъ" [5]). Они и составятъ ближайшій предметъ настоящаго очерка. Оба они дадутъ намъ не только матерьялъ для научной критики, но и поводъ къ тому, чтобы высказать нѣкоторыя общія мысли о коренныхъ основахъ, историческомъ развитіи и современномъ характерѣ русской государственной жизни, причемъ выяснится отчасти и то „великое будущее", въ которомъ не отказываютъ Россіи даже наименѣе доброжелательные изъ иностранцевъ.

Къ *славянофиламъ* причисляются прежде всего нѣкоторые, преимущественно московскіе писатели сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, частью уже давно умершіе, частью же и потомъ еще продолжавшіе свою дѣятельность. Таковы извѣстные толкователи русской народности, братья Кирѣевскіе: Иванъ и Петръ Васильевичи; затѣмъ Алексѣй Степ. Хомяковъ—патріотическій философъ, богословъ и поэтъ (изъ бывшихъ офицеровъ); двое Аксаковыхъ: Константинъ — авторъ многихъ талантливыхъ, хотя и односторонніхъ статей по русской исторіи, скончавшійся въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и Иванъ Сергѣевичъ—издатель славянофильскихъ журналовъ, въ томъ числѣ и нынѣшней „Руси"; Юрій Ѳед. Самаринъ († 1876)—ученый публицистъ, написавшій между прочимъ замѣчательное

А. Н. *Пыпина*; біографію Грановскаго, составленную *Станкевичемъ*; и мн. др.

[5]) Названія славянофиловъ (сначала просто „славянъ") и западниковъ даны были въ насмѣшку надъ литературными противниками. Потомъ они утвердились за извѣстными партіями, но сохраняли свой ироническій смыслъ. Кажется до послѣдняго времени ни одинъ русскій писатель *самъ* себя не считалъ (по крайней мѣрѣ серьёзно) ни „славянофиломъ", ни „западникомъ."

сочиненіе объ „Окраинахъ Россіи"; А. Ѳ. Гильфердингъ [6]); и другіе. У современныхъ литературныхъ и научныхъ дѣятелей данное направленіе проявляется довольно рѣдко и далеко уже не въ первоначальномъ своемъ чистомъ видѣ [7]).

Несмотря на общую патріотическую тенденцію, повидимому враждебную всякому иностранному вліянію, само славянофильство въ сущности представляло собою лишь нѣкоторое своеобразное отраженіе западноевропейскихъ ученій, преимущественно философіи Шеллинга и Гегеля. Оно перенесло разныя, большею частью только воображаемыя свойства „германскаго духа" на духъ „славянскій" и въ свою очередь провозгласило его первенство во всемірной исторіи. По своимъ практическимъ выводамъ эта доктрина всего ближе, хотя и не вполнѣ, какъ увидимъ дальше, подходитъ къ тому весьма распространенному на европейскомъ Западѣ складу политической мысли, который можно назвать *національно-консервативнымъ*. Она имѣла въ свое время довольно благотворное значеніе, въ смыслѣ нравственной реакціи противъ распространеннаго и у насъ, особенно въ первой половинѣ XIX столѣтія, поверхностнаго, „салоннаго" космополитизма, граничащаго съ полнымъ равнодушіемъ къ общественнымъ дѣламъ. Но такая *реакція*, какъ и всякая другая, доходила до нѣкоторыхъ крайностей и имѣла свою вредную сторону, что́ впрочемъ не мѣшаетъ намъ принять во вниманіе и хорошую.

---

[6]) Собранія сочиненій Хомякова, К. Аксакова, Гильфердинга и Самарина составляютъ каждое по нѣскольку томовъ, причемъ не всѣ еще изданы. Нѣкоторыя славянофильскія произведенія, въ томъ числѣ и „Окраины Россіи", издавались за границею, такъ какъ не подходили подъ требованія нашихъ законовъ о печати. Вообще славянофильство, какъ и западничество, далеко не всегда совпадало съ „оффиціознымъ", а тѣмъ болѣе съ „оффиціальнымъ" направленіемъ мысли въ Россіи.

[7]) См. напр. сочиненіе Н. Я. Данилевскаго: „Россія и Европа", 1871 г.; книгу В. И. Ламанскаго: „Объ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ", 1871 г.; нѣкоторыя статьи Н. Н. Страхова, О. Ѳ. Миллера и др.

Мы остановимся только на нѣкоторыхъ главныхъ пунктахъ славянофильскаго ученія, такъ какъ подробную его критику я считаю здѣсь почти излишнею, особенно послѣ того, что уже было сказано въ общемъ нашемъ курсѣ по поводу подобныхъ-же политическихъ теорій въ западной Европѣ [8]). Ученіе это, выразившееся не только въ теоріи, но отчасти и на практикѣ, само такъ сказать говоритъ за себя и—противъ себя. Наиболѣе искренніе его представители (а бываютъ иногда и совсѣмъ неискренніе, съ которыми мы не споримъ) начинаютъ обыкновенно съ рѣзкаго осужденія всей западноевропейской цивилизаціи. Затѣмъ, когда уже „язвы" послѣдней достаточно обнажены, тогда имъ противополагаются разныя высокія преимущества Россіи и „Славянства" вообще,—пріемъ, какъ видите, довольно простой, но зато и довольно неосновательный, для людей мало вѣрующихъ совсѣмъ даже неубѣдительный. Съ принятой нами общей реально-эволюціонной точки зрѣнія въ наукѣ такое *противоположеніе* было-бы пожалуй и вѣрно, если-бы только относилось къ возможному въ настоящемъ и будущемъ развитію народныхъ силъ, а не къ готовымъ уже плодамъ этого развитія. Притомъ и „готовые плоды" должны приписываться не столько какимъ нибудь высшимъ или низшимъ способностямъ данныхъ народовъ, сколько мѣсту, времени и другимъ обстоятельствамъ ихъ появленія на всемірно-историческомъ поприщѣ. Сравнительно „молодое" (въ историческомъ смыслѣ) русское общество призвано во многихъ отношеніяхъ лишь продолжать предшествующую эволюцію человѣчества, пользуясь всѣми его болѣе ранними пріобрѣтеніями, а также и опытомъ всѣхъ прежнихъ его неудачъ. Оно дѣйствительно свободно отъ многихъ золъ и бѣдствій, созданныхъ „старою" европейскою культурою, но пока еще свободно также и отъ многихъ ея по-

---

[8]) Въ книгѣ А. Н. *Пыпина*: „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ" можно найти обстоятельную оцѣнку славянофильства, но съ чисто „западнической" точки зрѣнія, мною не раздѣляемой. См. также статью того-же автора о К. Аксаковѣ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1884 г. (№№ 3 и 4).

ложительныхъ достоинствъ, заслуживающихъ полнаго признанія. Между тѣмъ славянофилы повидимому пренебрегаютъ этими достоинствами и не безъ извѣстнаго преувеличенія подчеркиваютъ одни только недостатки и пороки „гнилого Запада", часто даже мнимые пороки. Самыя похвалы отечеству отличаются у нихъ по крайней мѣрѣ нѣкоторою безтактностью: они хвалятъ именно не то, что́ можно, должно и нужно хвалить во имя общаго прогресса, а какъ разъ все такое, чего особенно мало въ нашей современности, не предвидится и въ будущемъ, да и вообще ни для кого уже не требуется. Иногда это какіе нибудь жалкіе остатки далекой старины, осужденной всѣмъ позднѣйшимъ развитіемъ, но имъ все еще драгоцѣнной. Вотъ почему они такъ охотно обращаютъ взоры въ болѣе или менѣе отдаленное прошлое своей родины и стараются отыскать въ немъ не только истинную основу русской „самобытности", но и великое „новое слово", которое должна повѣдать Россія Европѣ и всему міру. Однако и тутъ дѣло не обходится безъ очевидныхъ натяжекъ и пристрастнаго искаженія отечественной исторіи. Отсюда та идеализація давно минувшаго, которая всего больше препятствуетъ вѣрной оцѣнкѣ настоящаго и грядущаго величія.

Да, славянофилы, именно славянофилы,—эти повидимому столь безупречные „патріоты своего отечества", — слишкомъ мало оцѣнили, едва-ли даже не совсѣмъ упустили изъ виду дѣйствительное величіе Россіи! Посмотримъ, въ чемъ собственно полагаютъ они самобытныя черты русскаго народа и на чемъ основываютъ всемірно-историческое значеніе русскаго государства? — Во первыхъ они постоянно ссылаются на разныя національныя особенности, свойственныя только *славянскому* племени [9]). Нѣкоторые изъ нихъ прямо относятъ всю Россію къ такъ называемому „греко-славянскому міру", который пре-

---

[9]) Одну изъ слабѣйшихъ сторонъ славянофильскаго ученія составляетъ довольно обычное, отмѣченное нами и у западныхъ мыслителей смѣшеніе, если не прямое отождествленіе національности или „народности" съ племеннымъ происхожденіемъ.

увеличенно рѣзкою чертою отдѣляется отъ міра германо-романскаго, будто-бы населяющаго одну западную Европу и имѣющаго свою особую, совершенно чуждую для нашего Востока цивилизацію. Все это далеко не точно какъ съ этнографической, такъ и съ культурно-исторической точки зрѣнія. Положимъ, что Россія прежде всего страна славянская по преимуществу, что судьба ея долго и тѣсно была связана съ судьбою древней греческой Византіи. Но вѣдь ни славянскіе элементы населенія, сами по себѣ довольно разнообразные, ни византійское вліяніе, сильное лишь въ извѣстную эпоху, не исчерпываютъ и даже не опредѣляютъ собою всего содержанія русскаго государственнаго міра ни въ настоящемъ, ни даже въ прошедшемъ. Міръ этотъ издавна отличается чрезвычайно сложнымъ племеннымъ составомъ и не менѣе сложнымъ процессомъ общественнаго развитія, обусловленнымъ самыми многосторонними воздѣйствіями съ востока и съ запада. Мы не станемъ здѣсь перечислять хотя-бы названія разныхъ сибирскихъ, кавказскихъ, литовскихъ и другихъ „инородцевъ", которые до сихъ поръ сплошными массами занимаютъ цѣлыя области Имперіи и которымъ посвящается особый отдѣлъ нашего курса. Говоря о важнѣйшихъ иноплеменныхъ примѣсяхъ и культурно-политическихъ придаткахъ къ чистому славянству, достаточно упомянуть по крайней мѣрѣ о финнахъ, татарахъ и нѣмцахъ, о вліяніи ихъ, прямомъ и косвенномъ, на государственный бытъ Россіи. Можно сказать даже, что послѣдній или вовсе-бы не сложился или сложился-бы въ другой, менѣе устойчивой формѣ, если-бы не данное вліяніе.

Неоднократные историческіе опыты показали, что славянскія народности сами по себѣ неспособны къ образованію сильныхъ и прочныхъ государствъ. Это объясняется отчасти уже присутствіемъ въ нихъ такихъ высшихъ духовныхъ инстинктовъ, которые повидимому имѣютъ мало общаго съ болѣе грубыми, чисто политическими „доблестями", всегда почти предполагающими нѣкоторое нравственное „несовершенство." Въ богато вообще одаренной натурѣ славянина слишкомъ много тонкой впечатлительности, широкой гуманности и умственной не-

зависимости. А для государственной жизни требуется и нѣчто совсѣмъ другое, часто несовмѣстимое съ только-что указанными свойствами. Вотъ почему напримѣръ извѣстное финнское „упрямство", татарская „безчеловѣчность" и нѣмецкая „выдержка" должны были играть немалую роль въ судьбѣ нашей могущественной Имперіи. Они были нужны по крайней мѣрѣ какъ нѣкоторая „лигатура" или твердая примѣсь къ мягкому „благородному металлу", изъ котораго иначе нельзя сдѣлать ничего прочнаго. — Но если такъ, то историческую, а тѣмъ болѣе современную Россію конечно нельзя считать чисто славянскимъ произведеніемъ. Русская общественность, какъ и русская государственность, давно уже возвышается надъ узкими сферами и тѣсными рамками отдѣльныхъ національностей, а о полномъ преобладаніи одного какого нибудь племени тутъ не можетъ быть и рѣчи. Въ этомъ неплеменномъ, ненаціональномъ, скорѣе *международномъ* характерѣ заключается одна изъ тѣхъ дѣйствительно самобытныхъ чертъ, которыя всего менѣе цѣнятся славянофилами и которыя однако особенно глубоко и притомъ выгодно отличаютъ нашу восточную Европу отъ западной. Отсутствіе рѣзкихъ племенныхъ признаковъ у самой главной, господствующей народности, въ связи съ нѣкоторыми другими условіями, приводитъ къ тому, что на обширныхъ пространствахъ Россійской Имперіи могутъ сравнительно хорошо уживаться, взаимно приспособляться и отчасти сливаться, ассимилироваться между собою многіе весьма разнородные, даже прямо враждебные другъ другу элементы государственнаго общества. Въ сложномъ, медленномъ процессѣ такого объединенія народностей и племенъ должны постепенно вырабатываться новые, болѣе широкіе интеллектуальные типы людей, приближающіеся уже къ общему, „всероссійскому" типу, отъ котораго недалеко пожалуй и до „всечеловѣчества"... Разумѣется послѣднее пока есть только идеалъ, съ которымъ мы отнюдь не смѣшиваемъ окружающую насъ дѣйствительность.

Итакъ истинная русская „самобытность" состоитъ вовсе не въ сознаніи своей принадлежности къ той или другой пле-

менной группѣ, даже къ той или другой отдѣльной національности въ западноевропейскомъ смыслѣ этого слова. Но она не зависитъ также отъ какой нибудь опредѣленной формы религіознаго сознанія. Славянофилы всегда пріурочивали ее только къ *восточному* православію, какъ къ чистѣйшему выраженію христіанской религіи, исключающему всякія иныя вѣрованія и настроенія. Церковными и богословскими вопросами особенно усердно занимался Хомяковъ. Значительная часть (цѣлые два тома) его сочиненій посвящена толкованію разныхъ православныхъ каноновъ, въ связи съ тѣмъ, что́ принято называть полемическимъ или „обличительнымъ" богословіемъ. Тутъ между прочимъ „обличались" и западныя религіозныя міросозерцанія: католицизмъ и протестантизмъ [10]). Приведемъ отсюда нѣкоторыя выдержки [11]). „Государство отъ міра сего, говоритъ авторъ, заняло мѣсто христіанской церкви. Единый, живой законъ единенія въ Богѣ вытѣсненъ былъ частными законами, носящими на себѣ отпечатокъ утилитаризма и юридическихъ отношеній. Раціонализмъ развился въ формѣ властительскихъ опредѣленій; онъ изобрѣлъ чистилище, чтобы объяснить молитвы за усопшихъ; установилъ между Богомъ и человѣкомъ балансъ обязанностей и заслугъ; началъ прикидывать на вѣсы грѣхи и молитвы, проступки и искупительные подвиги; завелъ переводы съ одного человѣка на другого, узаконилъ обмѣнъ мнимыхъ заслугъ; словомъ, онъ перенесъ въ святилище вѣры полный механизмъ банкирскаго дома. Единовременно церковь-

---

[10]) Достойно замѣчанія, что и эти „обличенія" должны были въ свое время печататься за границей, именно въ Прагѣ чешской.

[11]) За неимѣніемъ подъ рукой всѣхъ подлинныхъ славянофильскихъ трудовъ, я почерпаю эти и другія изъ нихъ выдержки въ книгѣ проф. А. Д. *Градовскаго*: „Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ", хотя самая точка зрѣнія почтеннаго автора на „первыхъ славянофиловъ" (весьма вообще сочувственная) значительно расходится съ моею собственною. Для сравненія см. еще статью О. Ѳ. *Миллера*: „Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ" („Русская Мысль" 1880 года), очеркъ г. *Панова*: „Славянофильство какъ философское ученіе" („Журналъ Мин. Нар. Просв." за 1880 годъ), и проч.

государство вводила государственный языкъ—языкъ латинскій; потомъ она привлекла къ своему суду дѣла мірскія; затѣмъ взялась за оружіе и стала снаряжать сперва нестройныя полчища крестоносцевъ, впослѣдствіи постоянныя арміи—рыцарскіе ордена, и наконецъ, когда мечь былъ вырванъ изъ ея рукъ, она выдвинула въ строй вышколенную дружину іезуитовъ." Все это относится къ римскому „католичеству", а въ „протестантствѣ" тотъ-же авторъ видитъ „законное, по своему происхожденію, хотя и непокорное исчадіе романизма", не совладавшаго съ „человѣческимъ разумомъ", который наконецъ гордо „воспрянулъ", нарушая прежнее „единство" вѣры и „негодуя на произвольныя оковы." Такая, нѣсколько напыщенная вообще характеристика западныхъ церковныхъ началъ въ сущности довольно основательна и отчасти вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что говорилось по этому поводу и въ нашемъ общемъ курсѣ. Но славянофилы ставятъ въ упрекъ католической и протестантской Европѣ многое такое, чего въ своемъ родѣ не лишена была и православная Россія. Такъ напримѣръ, указывая на разныя „властительскія опредѣленія" католицизма, не слѣдовало забывать хоть то, что русская церковь всегда допускала широкое вмѣшательство свѣтскихъ властей въ свои внутреннія дѣла. Кое-что можно было-бы замѣтить также при разсужденіяхъ объ „утилитаризмѣ" или о „механизмѣ банкирскаго дома", перенесенномъ „въ святилище вѣры"... Затѣмъ, осуждая протестантское возстаніе „человѣческаго разума", Хомяковъ долженъ былъ припомнить, что у насъ подобный-же раціонализмъ проявился еще сильнѣе и такъ сказать „почище" не только въ извѣстномъ интеллигентномъ „невѣріи", но и въ формѣ церковнаго „раскола" съ его разнообразнымъ сектантствомъ [12]), которое и другіе славянофилы слишкомъ часто старались обходить въ своихъ церковно-историческихъ изслѣдованіяхъ.

---

[12]) Кромѣ нѣкоторыхъ общихъ сочиненій, относящихся къ этимъ мало еще изслѣдованнымъ предметамъ, см. напр. статью г. *Пругавина*: „Запросы и проявленія умственной жизни въ расколѣ" („Русская Мысль" 1884 года).

Если имѣть въ виду не чисто византійское, а то болѣе русское православіе, которое дѣйствительно установилось въ Россіи, то за нимъ придется признать иныя, уже вполнѣ самобытныя особенности и, скажемъ прямо, нравственныя преимущества предъ другими религіозными настроеніями. Удовлетворяя кореннымъ духовнымъ потребностямъ народа, оно почти свободно отъ того схоластическаго догматизма, который сдавливаетъ самый умъ вѣрующаго и потому не обходится безъ извѣстной іезуитской морали. Съ другой стороны и въ явныхъ уклоненіяхъ своихъ отъ основного источника оно рѣдко останавливается на филистерскомъ полуотрицаніи, логически непослѣдовательномъ и даже не всегда искренномъ. Вообще это религія, сравнительно мало стѣснительная для человѣческой совѣсти и вслѣдствіе того наиболѣе „откровенная" во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. Но именно въ силу такого высшаго нравственнаго склада самая церковь православная не пользовалась въ Россіи глубокимъ политическимъ вліяніемъ, а собственно культурное ея значеніе едва-ли не исчерпывалось однимъ истребленіемъ прежняго „язычества." Трудно отыскать другую страну, въ исторіи которой чисто церковный элементъ игралъ-бы еще менѣе значительную общественную роль, даже въ смыслѣ внѣшняго обузданія страстей. Изъ множества историческихъ фактовъ, прямо и косвенно подтверждающихъ эту мысль [13]), я укажу здѣсь въ видѣ примѣра только на одинъ, который бросаетъ яркій свѣтъ на всю духовную жизнь бывшей Московской Руси, извѣстной впрочемъ своею наружною „богомольностью." Въ актахъ происходившаго въ 1551 году Стоглаваго Собора находится между прочимъ такое заявленіе царя Ивана Грознаго: „Въ церквахъ Божіихъ, соборныхъ и приходныхъ, стоятъ якоже на торжищи, или на позорищи, или на пиру, или яко въ корчемницы: и говоръ, и ропотъ, и бесѣды срамные сло-

---

[13]) Такіе факты въ изобиліи встрѣчаются въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" *Соловьева*, а также напр. въ большой книгѣ г. *Знаменскаго*: „Приходское духовенство въ Россіи."

вѣса" [14]). Надо замѣтить, что, по свидѣтельству недавно умершаго митрополита Макарія (въ VIII томѣ его „Исторіи церкви"), самъ Грозный держалъ себя вообще довольно неприлично во время богослуженія, а потому онъ и къ другимъ не могъ быть въ этомъ отношеніи особенно требовательнымъ и взыскательнымъ. Какъ бы то ни было, но и въ XVI вѣкѣ, когда вся западная Европа была еще сильно настроена на церковно-религіозный ладъ и даже предавалась нѣкоторымъ излишествамъ въ этомъ духѣ,—русскіе люди повидимому не вполнѣ раздѣляли подобное внутреннее настроеніе, хотя и усердно исполняли разные внѣшніе обряды. И конечно только при такомъ отсутствіи всякаго фанатизма, только при такомъ сравнительно равнодушномъ, спокойномъ, а потому и трезвомъ отношеніи къ дѣлу религіи могла сложиться въ самомъ народѣ русскомъ извѣстная широкая вѣротерпимость, перешедшая отчасти и въ законодательство, о чемъ будетъ подробно сказано въ своемъ мѣстѣ. Слабою воспріимчивостью къ церковнымъ вліяніямъ объясняется и позднее относительно культурное развитіе Россіи, которое на первыхъ порахъ не располагало такимъ могущественнымъ орудіемъ, какимъ являлся напримѣръ западный католицизмъ. Зато наша поздняя культура есть конечно наиболѣе *свѣтская* изъ всѣхъ культуръ, а вырабатываемыя ею въ отдѣльныхъ людяхъ нравственныя убѣжденія имѣютъ самую широкую, „разумную" и потому уже до извѣстной степени прочную, непоколебимую основу—не въ вѣрѣ только, но и въ знаніи. Можетъ быть именно тутъ и заключается одно изъ тѣхъ „новыхъ словъ", которыя несетъ съ собою будущая Россія.

Въ высшей степени важный нравственный вопросъ, здѣсь затронутый, встрѣтится намъ еще разъ, когда мы будемъ разбирать нѣкоторыя мнѣнія русскихъ западниковъ. Что касается

---

[14]) Эту и нѣкоторыя еще дальнѣйшія цитаты я заимствую изъ ученой статьи проф. И. И. *Дитятина*: „Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами" и „народомъ"? („Русская Мысль" 1881 г., ноябрь, и 1882 г., мартъ).

славянофиловъ, то они много вообще толковали о „русскомъ просвѣщеніи", но въ сущности проглядѣли и небывалую еще высоту и громадную трудность этой задачи. Нѣчто подобное замѣчается и въ отношеніи ихъ къ другимъ „проклятымъ вопросамъ", выдвигаемымъ жизнью на первый планъ, именно къ вопросамъ экономическимъ и соціальнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Наши первые славянофилы, какъ люди не только просвѣщенные, но большею частью и вполнѣ „обезпеченные", привыкли смотрѣть на нихъ нѣсколько какъ-бы свысока́, что́ называется „по барски", и потому представляли себѣ многое въ довольно-таки туманномъ свѣтѣ. Стараясь опредѣлить главную особенность въ цѣломъ складѣ русскихъ общественныхъ отношеній, они указывали съ одной стороны на западную Европу, гдѣ видѣли торжество „личнаго начала" или крайняго индивидуализма, а съ другой стороны на славянство, съ которымъ соединялось чрезвычайно возвышенное понятіе объ „общинномъ бытѣ", какъ о коллективномъ, „хоровомъ" или „соборномъ" *единствѣ* всей жизни. Такъ именно изображалъ дѣло Константинъ Аксаковъ, положившій это понятіе въ основу своихъ историческихъ изысканій. Въ большой статьѣ „о древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности" (Сочиненія, томъ I), онъ даетъ между прочимъ слѣдующія основныя опредѣленія. „Община, говоритъ онъ, есть союзъ людей, отказывающихся отъ своего эгоизма, отъ личности своей и являющихъ общее согласіе .... Община представляетъ такимъ образомъ нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется голосъ, но, подчиняясь общему строю, слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ,—такъ и въ общинѣ не теряется личность, но, отказываясь отъ своей исключительности для согласія общаго́, она находитъ себя въ высшемъ, очищенномъ видѣ, въ согласіи равномѣрно самоотверженныхъ личностей." Этотъ идеалъ истинно-христіанскаго „смиренномудрія" всецѣло переносился на далекое и даже не особенно далекое прошедшее русской общественной жизни. Подобнымъ-же образомъ идеализировалась и славянская „семья", которая какъ-то удивительно должна была гармонировать съ отказомъ отъ всякой „исключительно-

сти". Исключался только „родовой бытъ", а общинное „согласіе" даже основывалось нашимъ авторомъ на согласіи семейномъ. Такого гармоническаго общежитія мы конечно не встрѣтимъ не только въ новѣйшей, но и въ древней Россіи, гдѣ общинный бытъ не составлялъ даже народной особенности, такъ какъ и западноевропейскіе народы въ свое время придерживались той-же формы землевладѣнія. У насъ эта форма долго сохранялась и отчасти создавалась правительствомъ ради фискальныхъ цѣлей [15]), причемъ самое внутреннее устройство сельскихъ общинъ не вполнѣ удовлетворяло естественнымъ и крайне разнообразнымъ народнымъ потребностямъ. Послѣднее замѣчаніе относится и къ нынѣшней организаціи крестьянской жизни, съ ея „міроѣдствомъ", „кулачествомъ", „снохачествомъ" и иными бѣдствіями [16]). Конечно общинное владѣніе землею, съ надѣломъ для каждаго крестьянина, есть нѣкоторая гарантія противъ безземельнаго пролетаріата, разлагающаго всю соціальную жизнь западной Европы и *почти* немыслимаго при данныхъ условіяхъ русскаго или по крайней мѣрѣ великорусскаго деревенскаго быта. Но этимъ отрицательнымъ послѣдствіемъ кажется исчерпываются пока благодѣянія того оффиціальнаго общиннаго устройства, въ которомъ и славянофилы приняли довольно дѣятельное участіе. Существующія поземельныя отношенія далеко не соотвѣтствуютъ всѣмъ нуждамъ, а совмѣстныя, мало разграниченныя права и повинности скорѣе лишь пуще разъединяютъ, чѣмъ сколько нибудь объединяютъ разнородные хозяйственные интересы мелкихъ общественныхъ группъ и отдѣльныхъ людей, связанныхъ между собою только внѣшнимъ, искусственнымъ образомъ.

---

[15]) Въ доказательствѣ этого положенія заключается едва-ли не важнѣйшая услуга, оказанная русской наукѣ бывшимъ московскимъ профессоромъ г. *Чичеринымъ*. См. особ. его „Опыты по исторіи русскаго права", изд. 1858 года. О томъ-же предметѣ ср. также „Крестьянское землевладѣніе на Сѣверѣ" г-жи А. *Ефименко*.

[16]) Вопросы русскаго крестьянскаго быта особенно усердно разсматривались и обсуждались на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ".

Фундаментальная
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Такъ было и прежде, и во всемъ такъ было. Въ сущности общественная рознь, семейныя неурядицы, личныя недоразумѣнія и проч. нигдѣ не достигали такой глубины, такихъ широкихъ размѣровъ, какъ именно въ Россіи. Здѣсь почти никогда не было особенно прочныхъ сословныхъ, партейныхъ, традиціонныхъ, корпоративныхъ и т. п. связей: все это держалось болѣе или менѣе „на пескѣ" и часто разрѣшалось въ столкновеніе и борьбу индивидуальныхъ силъ, обнаруживавшихъ при этомъ все великое разнообразіе своего внутренняго психическаго содержанія. Недаромъ еще извѣстный историкъ Погодинъ замѣтилъ, что „русская исторія есть курсъ психологіи въ лицахъ": тутъ именно „психологія", хотя и мало еще разработанная, а не одна только „соціологія" или просто „политическая экономія", грозящая охватить постепенно всѣ явленія западноевропейской жизни, гдѣ, по словамъ философа Дж. Стюарта Милля [17]), „скученная посредственность (conglomerated mediocrity)" уже подавляетъ собою всякое рѣзкое проявленіе человѣческой индивидуальности. Вспомнимъ трагическую судьбу лорда Байрона, возбудившаго противъ себя англійское „общественное мнѣніе", а также слова нѣмецкаго поэта Генриха Гейне, что въ Англіи „машины дѣйствуютъ какъ люди, но зато и люди дѣйствуютъ какъ машины". Нѣтъ, въ этой машинообразной средѣ слишкомъ даже мало остается простора для настоящаго *индивидуализма*, котораго пожалуй всего больше именно „у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности"! Вѣдь они меньше всѣхъ „отказываются отъ личности своей", хотя-бы ради корыстныхъ цѣлей, и меньше всѣхъ „являютъ общее согласіе", какъ въ мнѣніяхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. И не только въ т. н. „образованномъ обществѣ", но и въ массѣ народа нашего господствуетъ такое „личное начало", которое весьма послѣдовательно проводится напримѣръ во всякой „артельной" организаціи, основанной на народныхъ обычаяхъ и свободной отъ посторонних вліяній. Оно выражается и въ по-

---

[17]) Въ извѣстномъ сочиненіи „On liberty (О свободѣ)", переведенномъ и на русскій языкъ.

0074

словицахъ: у насъ „сколько головъ—столько умовъ", „на вкусъ и цвѣтъ—товарища нѣтъ", „всякъ молодецъ—на свой образецъ", а „что́ ни городъ—то но́ровъ, что́ деревня—то обычай". Въ этомъ крайнемъ разнообразіи личныхъ настроеній и создаваемыхъ ими мѣстныхъ условій, въ этомъ отсутствіи нѣкоторыхъ „стадныхъ" или „органическихъ" свойствъ состоитъ одна изъ величайшихъ, но также незамѣченныхъ славянофилами особенностей „русскаго духа" вообще. Она представляетъ собою лучшій залогъ для будущаго полнаго торжества высшей справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ. Ибо такая высшая справедливость или *правда* достигается на землѣ не „равномѣрнымъ самоотверженіемъ" людей во имя какихъ-нибудь „общихъ интересовъ", часто только призрачныхъ или сознательно-фиктивныхъ, а напротивъ—равномѣрнымъ проявленіемъ и взаимнымъ лишь ограниченіемъ всѣхъ отдѣльныхъ, частныхъ стремленій, даже „эгоизмовъ" человѣческихъ [18]). Тѣмъ-то и велика наша великорусская поземельная община, что, несмотря на разныя случайности податного обложенія, несмотря на обязательную „круговую поруку", допускаетъ особенно безобидное, правильное, доходящее иногда до мельчайшихъ подробностей распредѣленіе всѣхъ мірскихъ тягостей и выгодъ между отдѣльными участниками. И семья русская, построенная на полной раздѣльности имуществъ, предоставляетъ наибольшую самостоятельность своимъ членамъ, въ томъ числѣ и женщинамъ. Отсюда въ ней возможность постоянныхъ внутреннихъ раздоровъ, но отсюда-же часто и невозможность того безспорнаго юридическаго перевѣса, даже того односторонняго нравственнаго давленія, которые, вмѣстѣ съ лицемѣріемъ и прочею фальшью, составляютъ довольно обычную подкладку разныхъ „патріархальныхъ" согласій или супружескихъ „идиллій" въ семейныхъ союзахъ какой-нибудь архиевропейской „Эльзасъ-Лотарингіи".

---

[18]) Мысль эта не разъ проводилась и въ общемъ курсѣ, по разнымъ поводамъ. Болѣе спеціально она была высказана мною въ статьѣ „*Новое нравственно-юридическое міросозерцаніе*", помѣщенной въ „Журналѣ гражд. и угол. права" за 1881 годъ (мартъ и апрѣль).

Чѣмъ сильнѣе разъединеніе общественныхъ элементовъ, тѣмъ болѣе оно затрудняетъ общее политическое развитіе народа, задача котораго тогда необыкновенно усложняется. Но такое усложненіе влечетъ за собою и новое расширеніе данной задачи, что́ особенно поражаетъ въ Россіи, осуществляющей „идею государства" въ самыхъ крупныхъ размѣрахъ, самыми обширными средствами и съ самыми возвышенными цѣлями. Однако и эту *идею* не съумѣли или не захотѣли оцѣнить славянофилы въ своемъ отечествѣ, все внѣшнее и внутреннее величіе котораго приписывалось ими одной только „землѣ", какъ совокупности *земскихъ* элементовъ общества, будто-бы непричастныхъ политикѣ. Подобный взглядъ нашелъ себѣ наиболѣе ревностнаго выразителя въ лицѣ Константина Аксакова, который даже въ „Запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи", поданной имъ еще въ 1855 году покойному Императору Александру Николаевичу, только что вступившему тогда на престолъ, назвалъ русскій народъ „народомъ негосударственнымъ" [19]). Подтвержденіе этого взгляда онъ находилъ уже въ „самомъ началѣ русской исторіи", когда „земля призываетъ государство" только для внѣшняго порядка, котораго ей недоставало. Въ цитированной уже выше статьѣ „О древнемъ бытѣ" авторъ соглашается, что „князь (власть государственная), добровольно призванный, сталъ необходимостью для народа", что „даже Новгородцы безъ князя обойтись не могутъ." Но тутъ-же оказывается, что „при этой власти князей община живетъ полною жизнью, думаетъ, совѣщается." Еще раньше „Славяне, Кривичи и Чудь совѣщаются между собою и на совѣщаніи рѣшаютъ призвать Рюрика съ братьями". Положимъ, что все это основано на лѣтописяхъ и даже вѣрно фактически: спрашивается однако, какой внутренній смыслъ имѣли эти „думы" и „совѣщанія", особенно если принять во вниманіе извѣстныя слова лѣтописца о томъ, какъ „не бѣ въ нихъ правды, и въста

---

[19]) Эта пространная „Записка", вмѣстѣ съ „дополненіемъ" къ ней того-же автора, была напечатана въ журналѣ „Русь" 1881 года (№№ 26—28).

родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся", чѣмъ и объясняется самый актъ „призванія" или вѣрнѣе мирнаго покоренія? Очевидно, что только власть могла придать „совѣщаніямъ" разрозненныхъ племенъ сколько нибудь общее значеніе. Она-же съ самаго начала и потомъ еще долгое время служила главнымъ, если не единственнымъ предметомъ общихъ „думъ". Значитъ дѣло было не въ одномъ только установленіи внѣшняго „порядка". Многое надо было не только упорядочить, но и вновь создать. Вокругъ государственной власти впервые складывались и группировались разные отдѣльные элементы будущаго государственнаго общества, а впослѣдствіи ей-же пришлось и „собрать русскую землю", которая безъ нея даже не существовала какъ таковая. Тутъ уже правительству, обремененному множествомъ новыхъ заботъ, стало не до прежнихъ „думъ" и „совѣщаній": послѣднія получаютъ болѣе случайный характеръ и возобновляются скорѣе для противодѣйствія нѣкоторымъ сословнымъ вліяніямъ. Иначе полагаетъ К. Аксаковъ, впадающій при этомъ уже въ прямыя фактическія неточности. „Какъ скоро только Русская земля собралась вся воедино, говоритъ онъ, и подъ единою властью государственнаго Царя, такъ сейчасъ былъ собранъ земскій соборъ. Первый Царь созываетъ земскій соборъ." Замѣтимъ, что этотъ соборъ 1548 года былъ также „первымъ" по счету, а между тѣмъ объединеніе собственно тогдашней Руси успѣло уже почти завершиться гораздо раньше. Далѣе выходитъ, что въ Царскомъ или Московскомъ періодѣ „земля и государство стали въ ясныя отношенія другъ къ другу, поняли взаимные свои предѣлы и значеніе", которые состоятъ въ томъ, что „право духовной свободы, другими словами, свобода мысли и слова, есть неотъемлемое право земли; только при немъ никакихъ политическихъ правъ она не хочетъ, предоставляя государству неограниченную власть политическую." Это также не совсѣмъ точно, потому что въ Смутное время и послѣ него были, какъ извѣстно, серьёзныя попытки со стороны московскаго боярства ограничить власть царей въ свою пользу. Слѣдовательно и „земля", въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, проявила несомнѣнное желаніе

имѣть „политическія права", хотя и не могла удержать ихъ за собою. Кромѣ того странно даже заговаривать о какой-то „свободѣ мысли и слова" и вообще о какихъ-бы то ни было „неотъемлемыхъ правахъ земли" въ этомъ Царскомъ періодѣ русской исторіи. Но Аксакову понадобилось еще и повторять свое мнѣніе по данному вопросу. „Сила нравственная, заключаетъ онъ, въ томъ-же мѣстѣ, эта свобода мысли и слова, есть тотъ элементъ, въ которомъ живетъ и движется земля." И все это говорилось о томъ Московскомъ Царствѣ, которое, по словамъ Н. И. Костомарова, состояло только „изъ холоповъ, сиротъ и богомольцевъ единодержавнаго Царя"! Мы думаемъ, что подобные „богомольцы" и „сироты", заслуживаютъ нѣкотораго вниманія со стороны нынѣшняго историка именно потому, что они вообще умѣли въ свое время подчиняться и всячески содѣйствовать власти, т. е. составляли уже въ этомъ смыслѣ вполнѣ *государственное* общество. Во всякомъ случаѣ у нихъ не было ничего „негосударственнаго", кромѣ развѣ какихъ нибудь соловецкихъ, коломенскихъ и иныхъ мѣстныхъ бунтовъ, которые впрочемъ плохо вяжутся со славянофильскою теоріею о полномъ „единеніи земли и государства".

Почему-же наконецъ русскій народъ долженъ считаться „народомъ негосударственнымъ"? Не онъ-ли вынесъ на мощныхъ плечахъ своихъ огромную Имперію, все могущество которой въ немъ-же и почерпается? Не онъ-ли отстаивалъ эту свою Имперію въ гигантской борьбѣ за существованіе съ своими-же внѣшними и внутренними врагами? И развѣ великая Всероссійская Имперія не дала ему вмѣстѣ съ тѣмъ громаднаго значенія хотя-бы въ дѣлѣ постепеннаго очеловѣчиванія разныхъ дикихъ, полудикихъ и даже нѣкоторыхъ совсѣмъ не дикихъ народностей, раздѣляющихъ съ нимъ общую государственную жизнь? Развѣ самая политика русская, раскидываясь и распространяя свое вліяніе въ двухъ частяхъ свѣта, не создаетъ для русскаго народа еще другого, высшаго и уже всемірно-историческаго призванія — быть самостоятельнымъ посредникомъ между просвѣщеннымъ европейскимъ Западомъ и варварскимъ азіатскимъ Востокомъ? Но именно къ такому культурно-поли-

тическому призванію Россіи наши славянофилы относятся крайне скептически. Они негодуютъ на Петра Великаго за насильственное „раздвоеніе земли и государства", за отдѣленіе „командующихъ классовъ" или, какъ выражался К. Аксаковъ, „почтеннѣйшей публики" отъ „православнаго народа". Затѣмъ весь Императорскій или т. н. *Петербургскій* [20]) періодъ русской исторіи представляется имъ только „рабскимъ подражаніемъ гнилому Западу", только пустымъ „европейничаньемъ", въ смыслѣ „безплодной погони за европейскимъ просвѣщеніемъ", и т. п. Въ этихъ упрекахъ справедливо лишь кое-что, а все прочее находитъ себѣ полное оправданіе не только въ соображеніяхъ общественной и государственной пользы, но и въ исторической преемственности цивилизацій, умственнаго развитія вообще. Всякое созданіе новой, высшей культуры предполагаетъ болѣе или менѣе полное воспріятіе, усвоеніе себѣ культуръ предшествующихъ. Такую необходимую предварительную школу проходили въ своемъ развитіи всѣ самобытнѣйшія національности, которыми занимается „всеобщая исторія". Древніе Греки первоначально просвѣтились отъ древнѣйшаго Востока, классическій Римъ—отъ Греціи, средневѣковые Германцы—отъ Римлянъ, а новые германскіе народы много и долго поучались у родственныхъ имъ отчасти народностей романскихъ. Подобнымъ-же образомъ и Россія должна была перенимать свое просвѣщеніе отъ просвѣщеннѣйшей западной Европы, поучаться у ученѣйшихъ шведовъ и нѣмцевъ. Ея „высшая школа"—конечно самая трудная, самая длинная, но зато и далеко не „безплодная"! Отвергать въ этомъ смыслѣ значеніе и пользу русскаго „европейничанья" значило-бы то-же, что напримѣръ вычеркивать изъ жизни отдѣльнаго человѣка его молодые, „университетскіе" годы. Даже относительная бѣдность и нѣкоторая поверхностность нашего просвѣщенія не должны смущать и разочаровывать истинныхъ патріотовъ. Общество, переживающее періодъ усиленнаго умственнаго роста, не въ состо-

---

[20]) Терминъ этотъ также принадлежитъ К. Аксакову.

яніи еще проявлять всѣ свои творческія способности, которыя съ тѣмъ бо́льшимъ напряженіемъ могутъ обнаружиться впослѣдствіи. Въ сравнительномъ недостаткѣ широкой и самостоятельной производительности выражается историческая „юность" Россіи, открывающая передъ нею особенно долгую будущность. А въ настоящемъ она повидимому еще очень далека отъ того неизбѣжнаго упадка, къ которому до сихъ поръ клонились всѣ общества, достигавшія высшихъ культурныхъ степеней и вмѣстѣ съ тѣмъ высшей своей оригинальности. Многія черезчуръ поспѣшныя и потому не всегда удачныя заимствованія оправдывались необходимостью поскорѣе *догнать* своихъ западноевропейскихъ „сосѣдей", чтобы не сдѣлаться жертвою ихъ военныхъ, промышленныхъ или научныхъ успѣховъ. Понятно, что въ такихъ, преимущественно только техническихъ „подражаніяхъ" не было ничего унизительнаго, а тѣмъ болѣе „рабскаго": напротивъ, ими обусловливалась отчасти и политическая и иная независимость по отношенію къ Европѣ. Вообще приходилось до извѣстной степени соблюдать русскую пословицу: „съ волками жить—по волчьи выть", примѣняя ее и къ внѣшнимъ и къ внутреннимъ врагамъ Россіи.

Но главное оправданіе всей „Петербургской" политики лежитъ въ ея общихъ результатахъ для нашего общественнаго развитія. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какъ и почему за прежнимъ, Царскимъ закрѣпощеніемъ послѣдовало новѣйшее, Императорское *раскрѣпощеніе* всѣхъ сословій [21]). Здѣсь, въ спорѣ съ славянофилами, мы имѣемъ въ виду указать лишь на одинъ, но уже вполнѣ „самобытный" результатъ, совсѣмъ не „юридическаго" свойства. Несомнѣнно, что не въ одной только „Петровской", а и въ допетровской Россіи существовали т. н. „командующіе классы", отдѣленные отъ „наро-

[21]) Весь этотъ процессъ подробно изображенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обобщенъ въ „Началахъ русскаго государственнаго права" проф. А. Д. *Градовскаго*. Мы также очертимъ его въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ курса.

да" въ тѣсномъ смыслѣ слова [22]). Безъ нихъ не обходится вообще никакое государство въ мірѣ, ибо всякая государственная жизнь, какъ таковая, сводится къ „господству людей надъ людьми" [23]). Важно однако опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, *кто* и *какъ* господствуетъ надъ обществомъ, потому что и цѣли и характеръ господства могутъ быть весьма разнообразны—отъ самыхъ низменныхъ до самыхъ возвышенныхъ. Съ этой стороны нашъ Петербургскій періодъ русской исторіи по крайней мѣрѣ не уступаетъ Московскому. И въ послѣднемъ напримѣръ „служилые" люди пользовались привилегированнымъ положеніемъ, даже „верстались" помѣстьями, „чтобы было имъ съ чего свою Государеву службу служити". Но, по словамъ извѣстнаго Котошихина („О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича"), „Царь жаловалъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, а по великой породѣ", вслѣдствіе чего они оказывались „грамотѣ неучены и не студерованые". Между тѣмъ великій Петръ рѣшительно потребовалъ отъ нихъ научнаго образованія, подъ вліяніемъ котораго смягчились потомъ и формы сословнаго господства. Конечно это произошло и могло произойти не очень скоро: охраняемое по необходимости даже великою Екатериною потомство „начальствовавшихъ въ древности мужей" [24]) не сейчасъ согласилось лишиться своихъ прежнихъ привилегій и сдѣлаться просто „почтеннѣйшею публикою". Зато оно еще раньше само положило начало другому, впослѣдствіи оттѣснившему его, оригинальнѣйшему явленію русской жизни, имя которому—*интеллигенція*. Несмотря на свою иностранную кличку, явленіе это всего болѣе чуждо именно „гнилому Западу". Мы говоримъ о цѣломъ обществен-

---

[22]) Доказательство этого положенія составляетъ основное содержаніе указанной выше статьи проф. И. И. *Дитятина*, направленной противъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ славянофильскихъ мнѣній.

[23]) Опредѣленіе австрійскаго ученаго Л. *Гумпловича*, принятое съ нѣкоторыми поправками и дополненіями въ нашемъ общемъ курсѣ.

[24]) Выраженіе „Жалованной Грамоты" дворянству 1785 г., перешедшее и въ Сводъ Законовъ.

номъ классѣ, принадлежность къ которому основывается не на рожденіи, не на особенныхъ правахъ или повинностяхъ, не на богатствѣ, не на имущественныхъ отношеніяхъ вообще, а *только* на образованіи и на порождаемыхъ имъ умственныхъ потребностяхъ. Тутъ уже въ извѣстной степени могутъ объединяться самые разнородные элементы общества. Съ одной стороны интеллигентные люди служатъ „государству" и по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ примыкаютъ отчасти къ т. н. „командующимъ классамъ." Съ другой стороны они своими высшими духовными стремленіями, а также интересами своего матерьяльнаго благосостоянія [25]) связываются съ „землею", съ *народомъ*, съ тою „меньшею братіею", по отношенію къ которой они способны быть не только какими нибудь феодальными „господами" или буржуазными „хозяевами", но и просвѣщенными руководителями, наставниками, учителями, врачами и т. п., иногда съ безкорыстнѣйшими, чистѣйшими и возвышеннѣйшими намѣреніями... Все это пока еще болѣе мечта, чѣмъ дѣйствительность,— но для насъ важно уже то обстоятельство, что и мечты такія возможны именно лишь на почвѣ нашего „петербургскаго періода", въ которомъ славянофилы желаютъ видѣть только „раздвоеніе земли и государства", только отдѣленіе интеллигенціи отъ народа. Не сочувствуя великому настоящему и еще болѣе великому будущему, они продолжаютъ искать свои идеалы въ давно прошедшихъ эпохахъ русской исторіи, когда Россія была даже всего менѣе „самобытна". Вздыхая по излюбленномъ ими Московскомъ Царствѣ, они забываютъ, что исторія великаго народа не должна по крайней мѣрѣ повторяться,—да и не повторяется вообще.

Одинъ изъ поэтовъ этого направленія недаромъ сказалъ, что „умомъ Россіи не понять", что „въ Россію можно только

---

[25]) Объ этихъ интересахъ см. напримѣръ помѣщенную въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1884 г., № 2) статью: „Капитализмъ и рабочая интеллигенція", г. *В. В.*, автора сочиненія о „Судьбахъ капитализма въ Россіи" (СПБ. 1882).

вѣрить". Трудно дѣйствительно „понять", т. е. совершенно оправдать (ибо, по извѣстному французскому изреченію, „все понять значитъ все простить") *такую*, славянофильскую Россію. Но и искренно „вѣрить" въ нее было-бы довольно мудрено, даже вполнѣ русскому человѣку. Примѣръ славянофиловъ показываетъ, до какихъ безъисходныхъ противорѣчій не только съ потребностями своего народа, но даже и съ своими собственными стремленіями могутъ доходить иные русскіе люди, когда они становятся на мало свойственную имъ и слишкомъ для нихъ узкую *національную* точку зрѣнія. Сами теоретики славянофильства повидимому носили въ душѣ болѣе свѣтлыя и широкія стремленія, чѣмъ тѣ, которыя непосредственно вытекали изъ ихъ ученій и иногда проводились въ практической жизни ихъ послѣдователями. Такъ Хомяковъ, будучи не только мыслителемъ, но отчасти и поэтомъ, не разъ старался выразить свою *высшую вѣру* въ стихотворной и большею частью аллегорической формѣ. Въ одномъ изъ туманнѣйшихъ, но глубочайшихъ по идеѣ стихотвореній онъ говоритъ напримѣръ о живомъ духовномъ „ключѣ", бьющемъ въ груди Россіи. Этотъ ключъ, мечтается ему, „водоема въ тѣсной чашѣ не вѣчно будетъ заключенъ:

Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй, и краше,
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ —
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.

Смотрите, мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли."

Тутъ сквозь нѣкоторую національную гордость пробивается у автора широкая и свѣтлая идея всенароднаго общенія. Она-же составляетъ главную мысль другого, болѣе художественнаго по формѣ стихотворенія, посвященнаго судьбамъ древнихъ „Израильтянъ" и весьма характернаго, даже поучительнаго во многихъ отношеніяхъ, ибо здѣсь уже прямо осуждаются противоположныя тенденціи. Поэтъ изображаетъ сначала узкую племенную и религіозную исключительность „дѣтей Сіона", считавшихъ себя „родомъ избраннымъ" и навлекшихъ на себя гнѣвъ Божій,—а затѣмъ дѣлаетъ общій выводъ или „нравоученіе", въ соотвѣтствующемъ самому сюжету мистическомъ духѣ:

„Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
—Мы соль земли, мы столбъ святыни,
Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!
. . . . . .
. . . . . .
Онъ съ тѣми, кто духа и свободы
Ему возноситъ фиміамъ:
Онъ съ тѣмъ, кто *всѣ* зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ!".

Тотъ-же Хомяковъ и въ философскихъ статьяхъ своихъ называлъ народность „началомъ общечеловѣческимъ, облеченнымъ въ живыя формы народа". Это начало „выражается то въ Фидіи и Платонѣ, то въ Рафаэлѣ и Вико, то въ Беконѣ и Шекспирѣ, то въ Гегелѣ и Гёте"; оно „богатитъ собою все человѣчество" и „принимаетъ въ себя все человѣческое", только „отстраняя чужеродное своею неподкупною критикою". Подобная постановка вопроса встрѣчается и у Ивана Кирѣевскаго,

по словамъ котораго „разумное развитіе народа есть возведеніе его до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго быта". — Отсюда уже видно, что славянофильская философія не была проявленіемъ извѣстнаго „квасного патріотизма". Напротивъ, идея національности, столь узко и столь конкретно понимаемая многими европейскими умами, получила въ ней болѣе широкій и отвлеченный смыслъ, допускавшій довольно различные практическіе выводы въ отдѣльныхъ случаяхъ. Сошлемся здѣсь на мнѣнія разныхъ славянофиловъ о русско-польскихъ отношеніяхъ [26]). Что касается такъ называемаго „панславизма", то онъ отличался всегда самыми мирными, „братскими" наклонностями, а объяснялся преимущественно въ стихахъ. Притомъ общія доброжелательныя чувства не всегда ограничивались даже предѣлами „греко-славянскаго міра". „Да здравствуетъ каждая народность!", смѣло восклицалъ напримѣръ Константинъ Аксаковъ. Впрочемъ къ такимъ восторженнымъ восклицаніямъ, туманнымъ философскимъ формуламъ и неопредѣленнымъ поэтическимъ образамъ, навѣяннымъ высокими и гуманными идеалами, всего менѣе примѣнимо вѣрное вообще замѣчаніе новѣйшаго писателя, что славянофильство „подѣйствовало не только на *сознаніе* извѣстнаго круга людей, но и на *инстинкты* значительной массы общества" [27]). Скорѣе можно сказать наоборотъ, что широкіе *общечеловѣческіе* идеалы, какъ наиболѣе *самобытная* черта первыхъ славянофиловъ, были отраженіемъ въ ихъ ученіи русскаго *народнаго* характера, которому оставалась чуждою грубая національная, а тѣмъ паче вѣроисповѣдная исключительность. Вотъ почему эти усердные блюстители православія отвергали въ принципѣ всякую вообще клерикальную политику. По мнѣнію Ю. Самарина, согласному съ мыслями самого

---

[26]) Мнѣнія эти собраны и изложены въ обширной статьѣ А. Н. *Пыпина*: „Польскій вопросъ въ русской литературѣ" („Вѣстникъ Европы" за 1880 годъ).

[27]) См. А. Д. *Градовскаго:* Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ, стр. 218.

Хомякова, „церковь предлагаетъ только вѣру, вызываетъ въ душѣ человѣка только вѣру и меньшимъ не довольствуется; иными словами: она принимаетъ въ свое лоно только *свобод* кто приноситъ ей рабское подчиненіе, не вѣря въ нее, тотъ не въ церкви и не отъ церкви."— То-же слѣдуетъ замѣтить относительно узко-аристократическихъ тенденцій, соединявшихся на Западѣ съ консервативнымъ національзмомъ и составлявшихъ часто его главную практическую подкладку. Замѣтимъ, что у насъ напримѣръ Аксаковы и Самарины, при всемъ своемъ „барствѣ", являлись нѣкогда ревностными охранителями не дворянскихъ или помѣщичьихъ, а только крестьянскихъ земельныхъ интересовъ. Они мало походили и на новѣйшихъ „національ-либераловъ", порожденныхъ буржуазною Европою. Вообще они видѣли главную основу народности именно въ низшихъ, „простонародныхъ", а не въ высшихъ или „среднихъ" классахъ общества [28]). К. Аксаковъ утверждалъ даже, что „русскій крестьянинъ есть лучшій человѣкъ въ русской землѣ", съ чѣмъ соглашались и другіе. Сравнительная независимость ихъ сужденій о политикѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію.— Въ виду всего сказаннаго я и считаю московское славянофильство оригинальнымъ направленіемъ политической мысли, сложившимся подъ прямымъ и косвеннымъ вліяніемъ русской жизни. Такой оригинальности было пожалуй еще больше въ другомъ, не менѣе *русскомъ* и по преимуществу уже „петербургскомъ" направленіи, къ которому мы теперь переходимъ и разборъ котораго долженъ ближе познакомить насъ съ общими условіями государственнаго быта въ Россіи.

И *западники*, подобно славянофиламъ, находились подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, овладѣвшей столь многими вы-

---

[28]) Въ духѣ, противномъ всякому аристократизму, высказывается и Н. Я. *Данилевскій* въ своемъ сочиненіи „Россія и Европа": ср. стр. 202 сл., 274 сл., 290 сл., 305 сл., 523 сл. и др.

дающимися умами въ первой половинѣ нашего столѣтія. Но по своимъ тенденціямъ они примыкали скорѣе къ такъ называемой „лѣвой сторонѣ" Гегелевской школы, къ извѣстному *космополитическому либерализму*, легко переходившему и въ нѣкоторый „соціализмъ", иногда довольно отвлеченнаго и потому невиннаго свойства. Вообще въ нихъ преобладало критическое, отрицательное отношеніе къ дѣйствительности, не только настоящей, текущей, но и прошедшей, исторической. Несомнѣнны также и нѣкоторыя французскія вліянія, отчасти книжныя, отчасти и непосредственныя. А еще несомнѣннѣе вліяніе всей окружавшей жизненной обстановки, которое собственно и придавало цѣлому направленію болѣе или менѣе серьёзный практическій смыслъ. Русское западничество пережило не одно поколѣніе и имѣло разнообразные оттѣнки, такъ что отдѣльные представители его сходятся между собою только въ самыхъ общихъ положеніяхъ, и то не всегда, какъ увидимъ при дальнѣйшемъ разборѣ нѣкоторыхъ мнѣній.

Первымъ значительнымъ представителемъ этого направленія въ литературѣ считается извѣстный еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія свѣтскій человѣкъ и разочарованный мечтатель П. Я. Чаадаевъ, о которомъ Пушкинъ сказалъ, что „онъ въ Римѣ былъ-бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ", но которому пришлось только въ молодости послужить въ гусарахъ и затѣмъ выразить свои мысли въ надѣлавшемъ тогда много шуму „Философическомъ письмѣ о Россіи" [29]). Къ тому-же поколѣнію принадлежалъ и Николай Ивановичъ Тургеневъ († 1871) — нѣкогда убѣжденный бюрократъ и оффиціальный сотрудникъ Сперанскаго при Императорѣ Александрѣ I, а потомъ членъ тайнаго „Сѣвернаго общества", эмигрантъ и авторъ изданнаго за границею трехтомнаго сочиненія „La Russie et les

---

[29]) Это „Письмо" было напечатано въ журналѣ „Телескопъ" 1836 года. Вскорѣ послѣ этого авторъ полуоффиціально объявленъ былъ помѣшаннымъ, и ему запрещено было писать для печати вообще.

Russes". Главными журнальными дѣятелями позднѣйшей эпохи являются знаменитые литературные критики и публицисты: умершій еще въ 1848 году Виссаріонъ Григ. Бѣлинскій (прозванный за нѣкоторую пылкость своихъ убѣжденій „неистовымъ Виссаріономъ"), Александръ Ив. Герценъ (извѣстный также подъ псевдонимомъ „Искандера", † 1870), Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ († 1864) и другіе [30]). Наконецъ отдѣльныя, далеко не всѣ однако черты прежняго западничества воспроизводились — отчасти и съ разными новыми оттѣнками — въ трудахъ современныхъ ученыхъ, писавшихъ для русскихъ журналовъ статьи литературно-политическаго характера [31]). Во всѣхъ сферахъ умственной жизни это общее направленіе до сихъ поръ имѣло гораздо больше приверженцевъ, чѣмъ противоположное ему славянофильство, и мы должны нѣсколько прилежнѣе заняться его критикою, впрочемъ не излагая съ излишнею подробностью тѣхъ мнѣній, которыя и безъ того достаточно распространены.

Въ основѣ русскаго западничества, теоретическаго и практическаго, также лежало извѣстное противоположеніе „Россіи и Европы". Но послѣдняя являлась тутъ во образѣ уже не „гнилого", а скорѣе „просвѣщеннаго", „гуманнаго", „цивилизованнаго" Запада, въ сравненіи съ которымъ много проигрывали наши „жестокіе нравы", наша „дикость", наше „варварство"

---

[30]) Сочиненія Бѣлинскаго уже давно изданы въ 12-ти, а сочиненія Добролюбова—въ 4-хъ томахъ. Обширная автобіографія и другія произведенія Герцена печатались, за немногими исключеніями, только за границей, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ переводились и на иностранные языки,—гдѣ самъ авторъ провелъ послѣднія двадцать слишкомъ лѣтъ своей жизни.

[31]) Таковы напримѣръ многія статьи К. Д. Кавелина, А. Н. Пыпина, В. Д. Спасовича и нѣк. др., помѣщавшіяся преимущественно въ „Вѣстникѣ Европы" и составившія потомъ цѣлыя книги. Сюда-же можно отнести отчасти разныя статьи Н. К. Михайловскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ", вошедшія и въ собраніе его сочиненій (5 томовъ).

и т. д. Во всѣхъ этихъ выводахъ слишкомъ мало было научнаго реализма и еще менѣе — философскаго эволюціонизма. Подобныя *сравненія* вообще довольно поучительны, если только основываются хоть на нѣкоторой „статистикѣ". Мы сами отъ нихъ очень не прочь, но думаемъ, что для полной поучительности слѣдуетъ принять во вниманіе и тѣ особенныя условія, въ которыхъ развивалось русское общество, и возможное для него будущее развитіе. Тогда и выводы получатся нѣсколько иные, чѣмъ у западниковъ, болѣе или менѣе ослѣпленныхъ своими европейскими кумирами и потому часто не понимавшихъ своего отечества. Чтобы лучше и вѣрнѣе оцѣнить *современную* Россію, переживающую одинъ изъ труднѣйшихъ, „переходныхъ" моментовъ своей исторической жизни, надо сравнивать ее не съ нынѣшнею, а съ прежнею, полуфеодальною и полубуржуазною, полуреволюціонною и полуреакціонною Европою, гдѣ было поменьше, чѣмъ у насъ, мягкости и широкой человѣчности во всѣхъ вообще жизненныхъ отношеніяхъ. Отчасти это можетъ относиться и къ настоящему времени. Нельзя не упомянуть хоть о такихъ крупныхъ явленіяхъ, какъ клерикализмъ, аристократизмъ и капитализмъ, со всѣми ихъ соціальными послѣдствіями и цѣлою сѣтью общественныхъ предразсудковъ, отъ которыхъ немало терпѣли и донынѣ еще терпятъ западные европейцы, но которыхъ почти не знало и не знаетъ русское общество. У насъ *православная церковь* не могла соперничать съ государствомъ, далеко опередившимъ ее въ своемъ историческомъ образованіи и развитіи. Наше *дворянство* всегда много „служило", отчасти еще „кормилось" отъ своихъ помѣстій, но относительно весьма мало „господствовало", а олигархическія его попытки уже въ XVIII столѣтіи „подали въ народѣ довольную смѣха матерію", по выраженію извѣстнаго Ѳеофана Прокоповича. Наши *городскіе обыватели* не только юридически, но и фактически лишены были того соціальнаго и политическаго первенства, которымъ они такъ злоупотребляли и въ древнемъ классическомъ мірѣ, и въ новѣйшей западной Европѣ; „отличное состояніе", признанное Екатерининскою „Городовою Грамотою" за „оными среднимъ родомъ людей",

имѣло и тогда и потомъ лишь второстепенное значеніе. Наши *крестьяне-собственники* даже въ эпоху крѣпостной зависимости не теряли сознанія о принадлежности имъ земли, а послѣ своего освобожденія были избавлены отъ европейской „свободы умирать съ голоду" [32]) и уже почти не сохранили въ себѣ и нравственныхъ слѣдовъ, оставляемыхъ вѣковымъ рабствомъ въ другихъ народахъ. Наконецъ *интеллигенція* наша, поддерживаемая всѣмъ государственнымъ строемъ, какъ-бы возвышается надъ разными сословными рамками и отличается сравнительно большою независимостью по отношенію къ „капиталу", потому что два главныхъ источника общественной силы—образованіе и богатство — издавна не сосредоточиваются у насъ, какъ на Западѣ, въ однихъ и тѣхъ-же рукахъ, въ рукахъ буржуазнаго меньшинства [33]). Вообще въ русской жизни и въ русскихъ людяхъ всего менѣе именно этой „буржуазности" или по́-просту „мѣщанства", которое понимается у насъ скорѣе какъ нѣчто даже унизительное для человѣческаго достоинства. Подобное-же отношеніе давно замѣчается въ разныхъ слояхъ общества къ привилегированному „духовному званію", и это кажется единственный прочно установившійся у насъ сословный предразсудокъ.

Повидимому западники должны были-бы цѣнить въ Россіи хоть то, что́ дѣйствительно сближаетъ Востокъ и Западъ, что́ такъ или иначе соотвѣтствуетъ ихъ „европейскимъ" вкусамъ и тенденціямъ, — именно русское *просвѣщеніе* въ широкомъ смыслѣ слова. Но и этого они не оцѣнили по достоинству. Нѣкоторые изъ нихъ настаивали даже на природной неспособности русскаго общества къ усвоенію западной цивилизаціи. Та-

---

[32]) Выраженіе Луи Блана о французскихъ рабочихъ.

[33]) Здѣсь я только мимоходомъ отмѣчаю всѣ эти важныя соціальныя явленія, которыя подробнѣе разсматриваются въ ученіи о русскомъ „государственномъ обществѣ", составляющемъ значительную часть нашего курса. Тамъ-же указывается и спеціальная литература этихъ вопросовъ.

кое мнѣніе высказано было напримѣръ крайнимъ пессимистомъ Чаадаевымъ въ его мрачномъ „Философическомъ письмѣ", изъ котораго я приведу здѣсь слѣдующій небольшой обращикъ [34]). „Мы, говоритъ авторъ о своихъ соотечественникахъ, живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и безъ будущаго. Если-же иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлью достигнуть истиннаго, существенно нужнаго и приличнаго намъ блага; а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія ... Мы не имѣемъ ничего индивидуальнаго, на что́ могла бы опереться мысль наша ... Не знаю—въ крови у насъ что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію.—Послѣ этого скажите, справедливо-ли у насъ почти общее предположеніе, что мы можемъ усвоить европейское просвѣщеніе?" Конечно такое „предположеніе" достаточно оправдывалось и во времена Чаадаева. Отчасти оно было даже черезчуръ скромнымъ въ сравненіи съ дѣйствительными успѣхами русскаго общества въ подражаніи иностраннымъ образцамъ. Дѣло въ томъ, что тогда уже во многихъ отношеніяхъ миновала для Россіи эпоха „пустого, рабскаго, слѣпого подражанья", о которомъ писалъ Грибоѣдовъ, — что существовали не одни только буквальные „списки" или блѣдныя копіи съ западныхъ „оригиналовъ", — что иное „европейское" у насъ не только удачно перенималось, не только входило въ плоть и кровь, но и самостоятельно переработывалось, получало вполнѣ своеобразное выраженіе. Можетъ быть потому-то западники и не узнавали или не хотѣли (были и такіе, которые именно не хотѣли, изъ „практическихъ" видовъ) узнавать въ образованной Россіи свою-же, любезную имъ „Европу"—Европу, кой въ чемъ исправленную и дополненную, иногда даже какъ-бы возведенную

---

[34]) Другіе обращики можно найти у г. *Пыпина*, въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній", гдѣ „Письмо" Чаадаева слишкомъ даже подробно цитируется.

въ квадратъ. Этимъ они доказывали свое непониманіе какъ истинно русскаго, такъ и истинно европейскаго величія, которое ускользнуло отъ ихъ слишкомъ пристрастныхъ взоровъ, устремленныхъ на Западъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ собственно велика была эта великая западная Европа въ разные моменты своей великой исторіи? Прежде всего конечно тѣми широкими *міровыми стремленіями*, которыя выводили ее изъ области узко-племенныхъ инстинктовъ, наполняющихъ жизнь иныхъ восточныхъ, азіатскихъ напримѣръ народовъ, и влекли къ постепенному объединенію человѣчества на почвѣ общихъ интересовъ и идей. Самыя національности европейскія являлись не простыми этнографическими единицами, а болѣе или менѣе сложными культурными группами, обобщавшими въ себѣ естественныя свойства различныхъ племенъ. Россія, какъ намъ уже извѣстно, призвана идти еще дальше по пути такого обобщенія. Ей приходится до нѣкоторой степени объединять не только отдѣльныя племена, но и цѣлыя народности, связанныя между собою новымъ, громаднымъ историческимъ процессомъ. Процессъ этотъ далеко не достигъ еще ни крайнихъ своихъ предѣловъ, ни даже высшаго своего напряженія, но въ основѣ его уже лежатъ новыя, широчайшія міровыя стремленія, которыя повидимому исключаютъ Чаадаевское „равнодушіе ко всему" и „тѣсный горизонтъ". Рядомъ съ большою терпимостью русское общество проявляетъ на каждомъ шагу и поразительную воспріимчивость къ чужимъ нравамъ, обычаямъ и культурамъ. Нигдѣ напримѣръ такъ легко и такъ успѣшно не усвоивается столько иностранныхъ языковъ, какъ именно у насъ, и если принять во вниманіе слова нѣмецкаго лингвиста Макса Мюллера, что „каждый языкъ есть своего рода міросозерцаніе", то отсюда получится довольно благопріятный выводъ о свойствахъ нашего „полиглотнаго" образованія, давно уже возвышающагося надъ тѣмъ исключительно „профессіональнымъ" направленіемъ, съ которымъ оно нѣкогда перешло къ намъ отъ Запада. Русскіе образованные люди всего чаще могутъ доказывать и на дѣлѣ, что „ничто человѣческое имъ не чуждо". Въ нихъ встрѣчается не простой „интересъ",

а иногда и самое живое, самое притомъ безкорыстное участіе къ инымъ явленіямъ, происходящимъ гдѣ нибудь на отдаленнѣйшихъ концахъ земного шара. Даже патріотизмъ, въ полномъ отсутствіи котораго несправедливо упрекали наше общество, отличается у многихъ русскихъ людей совершенно не мѣстнымъ, а скорѣе какимъ-то отвлеченнымъ, міровымъ характеромъ. Недаромъ еще Гоголь, въ своемъ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 1847 года, жаловался на то, что „мы летаемъ мысленно по всѣмъ землямъ, говоря о Россіи". Такая способность *„летать"* есть однако рѣдкая и великая способность, неоцѣнимая особенно въ области творческой мысли. У нѣкоторыхъ представителей русскаго художественнаго творчества она выражалась въ необыкновенно вѣрномъ пониманіи и воспроизведеніи разныхъ чужеземныхъ особенностей, — оригинальнѣйшая черта, которою уже немало обогатилась и наша изящная литература. Эту черту хорошо оцѣнилъ другой извѣстный писатель-художникъ, Ѳ. М. Достоевскій — въ рѣчи, произнесенной имъ на Пушкинскомъ праздникѣ 1880 года въ Москвѣ. Тутъ Пушкинъ выставлялся какъ „народный поэтъ" по преимуществу,—народный потому, что въ немъ особенно сильно сказалась „главнѣйшая способность нашей національности", именно „способность всемірной отзывчивости", высочайшій даръ „воплощать въ себѣ геній другого народа, духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія" [35]). Въ видѣ примѣровъ указывалось на „Сцену изъ Фауста", на „Скупого рыцаря", на Донъ-Жуана въ „Каменномъ гостѣ", на происходящій въ Англіи „Пиръ во время чумы", на „Подражанія корану", на „Египетскія ночи" и на другія Пушкинскія произведенія, сюжеты которыхъ были взяты изъ западноевропейской и иной, болѣе еще далекой отъ насъ жизни. Замѣтимъ, что бо́льшая часть этихъ произведеній относится къ послѣднему, самому зрѣлому и въ сущности наименѣе „подражательному" періоду дѣятельности, когда уже, говоря словами Достоевскаго,

---

[35]) Рѣчь Достоевскаго была напечатана между прочимъ и въ его „Дневникѣ писателя": см. „Единственный выпускъ" за 1880 г.

„нашъ поэтъ представляетъ собою нѣчто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигдѣ и ни у кого".

Болѣе или менѣе заслуженное сочувствіе, выпадающее у насъ на долю литературныхъ дѣятелей, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, несомнѣнно доказываетъ присутствіе и въ нашемъ образованномъ обществѣ того возвышеннаго *идеализма*, которымъ проникнута историческая жизнь западной Европы. Усвоивая себѣ плоды европейской мысли, русская интеллигенція охотно отдавалась и ея идеальному полёту, въ которомъ отчасти успѣла даже превзойти ее. Такой „полёть" становился и шире и выше уже потому, что мыслящая Россія воспринимала въ себя не одну какую-нибудь опредѣленную культуру, напримѣръ французскую или нѣмецкую, а цѣлый синтезъ многихъ національныхъ культуръ, составлявшій продуктъ сознательнаго или безсознательнаго обобщенія и извѣстный подъ названіемъ „общечеловѣческой цивилизаціи". Это приводило къ составленію новыхъ, болѣе отвлеченныхъ, синкретическихъ идеаловъ, въ которыхъ имѣлось въ виду не какое нибудь спеціальное „англійское счастье", осмѣянное гр. Л. Н. Толстымъ въ послѣднемъ его большомъ романѣ, а счастье всего человѣчества или цѣлаго міра. По справедливому и глубокому замѣчанію того-же Достоевскаго „русскому скитальцу (т. е. мечтателю, идеалисту) необходимо именно всемірное счастье, чтобы успокоиться: дешевле онъ не примирится, — конечно пока дѣло только въ теоріи". Но и высота стремленій чисто теоретическихъ достаточно опровергаетъ мнѣніе Чаадаева о „чемъ-то враждебномъ совершенствованію" и т. п. Кромѣ того она легко соединяется съ другимъ, какъ-бы природнымъ свойствомъ русскаго ума, съ тою трезвостью взгляда, которая дѣлаетъ нашихъ мыслителей и художниковъ *реалистами* по преимуществу. Въ гармоническомъ сочетаніи этихъ столь противоположныхъ повидимому качествъ заключалась можетъ быть наиболѣе выдающаяся, наиболѣе привлекательная черта нѣкоторыхъ русскихъ писателей, имѣвшихъ глубокое вліяніе на умы цѣлыхъ поколѣній. Даже самыя фантастическія мечты

не мѣшали имъ видѣть и изображать дѣйствительную жизнь во всей ея правдѣ, которая такъ часто ускользала напримѣръ отъ нѣмецкихъ идеалистовъ или вѣрнѣе идеологовъ, мало отличавшихъ „дѣйствительное" отъ „разумнаго" (Гегель), „правду" отъ „вымысла" (Гёте). Не только къ философіи или къ поэзіи, но и къ чисто „ученымъ" трудамъ какихъ нибудь Молей и Блунчли примѣнимы отчасти слова Бёрне о Гейне, что неизвѣстно, гдѣ „кончается небо и начинается иронія", т. е. трудно сказать иногда, гдѣ собственно кончаются у нихъ нѣкоторыя „скромныя пожеланія (pia desideria)" и начинается болѣе „объективное" изображеніе существующихъ государственныхъ порядковъ. Въ Россіи подобное „дешевое примиреніе" или просто наивное (съ русской точки зрѣнія) смѣшеніе фактовъ съ принципами не допускалось именно отвлеченнымъ въ высшей степени характеромъ идеаловъ, — зато при свѣтѣ ихъ особенно ярко выступали подчеркнутыя Гоголемъ „бѣдность, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни". И наоборотъ: трезвое сознаніе той или другой „гнусной дѣйствительности" вовсе не исключало, а скорѣе даже вызывало или усиливало потребность уноситься мыслью въ область разныхъ чарующихъ „надеждъ и упованій", чего такъ недоставало напримѣръ хоть у иныхъ французскихъ „натуралистовъ", въ сущности просто узкихъ эмпириковъ, а не реалистовъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Истинный реализмъ дастъ новую пищу человѣческому идеализму и самъ питается послѣднимъ, ибо главная цѣль его наблюденій состоитъ въ *реализаціи* абстрактныхъ идей, выработанныхъ предшествующимъ сознаніемъ человѣчества [36]). Такими реалистами по преимуществу являются лучшіе русскіе мыслители и художники. Они не довольствуются грубыми, внѣшними эмпирическими пріемами и кое-какими закоулками житейскаго опыта, не сторонятся отъ „широкихъ

---

[36]) Эту общую мысль, навѣянную на меня новѣйшею русскою литературою, я стараюсь положить въ основу всѣхъ своихъ курсовъ, какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ. О „реализмѣ въ политикѣ" я готовлю особую статью въ одинъ изъ нашихъ спеціальныхъ журналовъ.

задачъ" и „проклятыхъ вопросовъ". Оттого и идеализмъ ихъ не переходитъ въ туманную идеологію или въ приторную идеализацію пошлой дѣйствительности, а сохраняетъ свой строгій, неподкупный и возвышенный „полётъ".

Дѣло впрочемъ не ограничивается однимъ только книжнымъ, теоретическимъ и поэтическимъ идеализмомъ. Иные русскіе идеалы, подобно западноевропейскимъ, складываются подъ ближайшимъ вліяніемъ самой жизненной практики и въ свою очередь оказываютъ на нее обратное вліяніе. Тутъ имъ приходится сталкиваться и вести болѣе или менѣе упорную борьбу съ создаваемыми общественною средою препятствіями, — борьбу, которую они далеко не всегда выдерживаютъ. Часто и сами идеалисты первые отказываются отъ своихъ теорій, когда дѣло доходитъ до практическаго ихъ осуществленія. Но едва-ли можно сваливать всю вину на то „дѣтское легкомысліе", о которомъ говорилъ Чаадаевъ. Вопросъ этотъ — въ высшей степени серьёзный, и надъ нимъ немало задумывались именно русскіе люди. Надо принять во вниманіе и относительную высоту нашихъ идеальныхъ стремленій, далеко опережающихъ дѣйствительность, и громадную сложность русской жизни, съ ея запутанною *психологическою* подкладкою [37]). Чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ труднѣе онъ проводится въ жизнь и тѣмъ легче приводитъ къ разочарованіямъ. Однако и вполнѣ разочарованные мечтатели, безсильные дѣйствовать, все-же могутъ служить нѣкоторымъ какъ-бы живымъ укоромъ для болѣе дѣятельныхъ современниковъ, поддерживая въ нихъ сознаніе общихъ недостатковъ, которое есть уже первый шагъ къ исправленію. Самъ Чаадаевъ нѣкогда исполнялъ эту роль россійскаго Гамлета въ столичныхъ салонахъ. Типы позднѣйшихъ, скорѣе уже мѣстныхъ, провинціальныхъ „Гамлетовъ"

---

[37]) Послѣдняя сторона вопроса до сихъ поръ разработывалась преимущественно только въ беллетристической формѣ. Въ современной русской беллетристикѣ особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи разныя произведенія Г. И. Успенскаго, обнимающія собою и такъ называемую „психологію народныхъ массъ".

особенно удачно воспроизведены въ нѣкоторыхъ разсказахъ И. С. Тургенева.—Съ другой стороны чего не говорилось и западниками и незападниками о „расшатанности" убѣжденій, „распущенности" нравовъ, „разнузданности" страстей и другихъ подобныхъ свойствахъ „широкой русской натуры"? Но при этомъ забывалось нерѣдко, что къ даннымъ явленіямъ нельзя примѣнять требованія какой-нибудь узкой, условной и даже лицемѣрной „буржуазной морали", — что многія уклоненія отъ нея имѣютъ своимъ источникомъ такой искренній и чистый идеализмъ, съ точки зрѣнія котораго вся упомянутая „мораль" должна представляться „гнусною ложью",—что тутъ иногда практически вырабатываются, наперекоръ этой „лжи", новыя, уже самостоятельныя нравственныя понятія, а съ ними и новыя, болѣе широкія правила общежитія. Конечно такіе довольно исключительные случаи не слѣдуетъ возводить въ общее правило, — не слѣдуетъ однако и вовсе терять изъ виду, ибо въ нихъ — зародышъ лучшаго будущаго. Впрочемъ даже простая нравственная *безпринципность*, составляющая у насъ весьма обычное явленіе, имѣетъ несомнѣнно свои хорошія стороны, такъ какъ открываетъ просторъ всѣмъ добрымъ инстинктамъ человѣческой природы и избавляетъ людей по крайней мѣрѣ отъ ненужнаго зла, искусственно порождаемаго иными европейскими „принципами" и почти неразлучными съ ними предразсудками. Она воспитываетъ въ русскихъ людяхъ извѣстное свободомысліе и составляетъ вообще необходимый переходный моментъ на пути къ высшимъ нравственнымъ идеямъ, которыя, какъ и всѣ другія высшія идеи, должны проходить „сквозь великое горнило сомнѣнія". Самое зло проявляется въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ нибудь откровенно и нелицемѣрно, а потому всего легче можетъ подвергаться внутреннему осужденію и внѣшнему обузданію. Притомъ оно, именно въ силу той-же „безпринципности", не получаетъ строго-систематическаго характера или односторонняго напряженія, а всегда почти осложняется и смягчается другими, часто даже противоположными примѣсями. Такія психическія осложненія и противорѣчія, такое отсутствіе рѣзкой, бездушной „прямолиней-

ности" и сообщаютъ нѣкоторымъ чертамъ русскаго быта особенно „загадочный" для иностранцевъ оттѣнокъ. Подобнымъ оттѣнкомъ отличается напримѣръ та въ высшей степени язвительная насмѣшливость, которая составляетъ какъ бы спеціальность русскаго человѣка, служитъ ему главнымъ оружіемъ въ разныхъ житейскихъ столкновеніяхъ, но въ то-же время почти обезоруживаетъ противника своимъ крайне добродушнымъ и потому въ сущности необиднымъ характеромъ, а въ иныхъ случаяхъ является даже признакомъ очевиднаго расположенія къ ближнему или только продуктомъ столь-же очевиднаго несоотвѣтствія между высокимъ идеаломъ и какою-нибудь низменною, жалкою дѣйствительностью. Сюда-же относится и извѣстная склонность къ нравственному „самобичеванію"— эта основная болѣзнь и вмѣстѣ съ тѣмъ основная добродѣтель русской интеллигенціи, по крайней мѣрѣ нѣкоторой, лучшей ея части, довольно вѣрно воспроизведенной напримѣръ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" и другихъ романахъ Достоевскаго. Вообще въ Россіи постоянное соединеніе и вытекающая изъ него постоянная борьба „добра и зла" захватываютъ не только внѣшнія общественныя отношенія, но и весь внутренній міръ отдѣльныхъ личностей. Вотъ почему и въ положеніи и въ характерѣ россійскихъ людей бываетъ такъ много истиннаго, реальнаго, живого *драматизма*, чего не умѣютъ или не хотятъ замѣчать только разные „эстетики", воспитавшіеся на однихъ книжныхъ драмахъ. И въ этомъ отношеніи наша грубая, но правдивая жизнь, общественная и частная, едва-ли уступитъ западноевропейской, которая изъ прежней „ложноклассической трагедіи", съ фальшивою театральною „постановкою", все болѣе и болѣе превращается въ какую-то „мѣщанскую комедію", съ внѣшнимъ „интересомъ", внѣшнею „интригою", но безъ глубокаго внутренняго содержанія.

Такимъ содержаніемъ отличаются и политическая исторія и современный государственный бытъ Россіи. Между тѣмъ къ нимъ особенно охотно примѣнялся русскими западниками извѣстный намъ „духъ отрицанья, духъ сомнѣнья", имѣвшій

своимъ источникомъ нѣкоторое излишнее почтеніе къ „Европѣ". Этимъ духомъ вполнѣ проникнуто уже „Философическое письмо" Чаадаева, гдѣ авторъ, преклоняясь передъ средневѣковымъ католицизмомъ и его церковно-государственными построеніями, отозвался самымъ скептическимъ, самымъ отрицательнымъ образомъ о соотвѣтствующей эпохѣ русской исторіи. „Въ самомъ началѣ, писалъ онъ, у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились до настоящаго времени. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое-бы васъ остановило, ни одного памятника, который-бы высказалъ вамъ прошедшее сильно, картинно, живо." — И другіе, позднѣйшіе западники не менѣе *строго* относились иногда къ исторической Россіи, хотя уже съ другихъ предвзятыхъ „европейскихъ" точекъ зрѣнія. Напримѣръ у Герцена, въ его „Быломъ и думахъ", мы встрѣчаемъ между прочимъ такой общій выводъ о всей Московской политикѣ: „Утвердилось русское государство страшными средствами; рабствомъ, кнутомъ, казнями гнали народъ русскій къ образованію огромной имперіи; сквозь строй шелъ онъ на совершеніе судебъ своихъ." Даже въ Императорскомъ или Петербургскомъ періодѣ, сближавшемъ Россію съ „Европою", усматривались преимущественно разныя крайности „абсолютизма", „бюрократизма", „милитаризма" и т. п., которые будто-бы только задерживали или „тормозили" развитіе общественной свободы и обладали лишь самыми непривлекательными чертами, свойственными тѣмъ-же явленіямъ на „просвѣщенномъ Западѣ". Что касается собственно Герцена, то хотя онъ меньше

другихъ увлекался и послѣднимъ, но зато въ своихъ заграничныхъ изданіяхъ постоянно твердилъ о какомъ-то (horribile dictu!) „татарско-нѣмецкомъ абсолютизмѣ", ограниченномъ на практикѣ развѣ только „взятками".

Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ много пристрастной односторонности, натяжекъ и преувеличеній. Уже далекое прошлое Россіи очерчено здѣсь чересчуръ безотрадными, мрачными красками. Дабы нѣсколько возстановить истину, обратимся прежде всего хоть къ историку Соловьеву, который, по отзыву славянофиловъ, „не замѣтилъ въ русской исторіи—русскаго народа", но который въ XIII томѣ своего обширнаго труда, резюмируя и обобщая разныя лѣтописныя данныя о раннемъ періодѣ нашей государственной жизни, видитъ въ немъ далеко не одно „темное, безцвѣтное существованіе". Послѣднее относится скорѣе къ временамъ доисторическимъ, когда не было еще князей, когда изъ безразличной массы „мужиковъ" не выдѣлялись еще никакіе „мужи" или „лучшіе люди", когда безмятежное однообразіе сельскаго „родового быта" нарушалось только безпорядочными набѣгами степныхъ хищниковъ, которые изрѣдка придутъ, ограбятъ и опять надолго уйдутъ въ свои волжскія степи. Тогда, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, и „Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ и ядаху вся нечисто". Но уже въ IX вѣкѣ является „изъ за́ моря" извѣстный Рюрикъ (по народному преданію „Юрикъ Новосёлъ"), и дѣло круто измѣняется. Наступаетъ болѣе тревожное, безпокойное, зато и болѣе занимательное, „интересное" время: теперь уже „Поляне примучиваютъ Древлянъ", а между тѣмъ возникаютъ города и пригороды, — словомъ начинается настоящая *исторія* Руси. Вотъ напримѣръ яркая картина этого „начала" по Соловьеву, картина, лишенная не только извѣстной намъ Аксаковской идеализаціи, но и Чаадаевской мрачной окраски. „На высокомъ западномъ берегу Днѣпра поднимается городъ, стольный городъ княжескій, мать городовъ, Кіевъ. Князь усаживается здѣсь съ дружиною, и окрестнымъ племенамъ уже нѣтъ покоя. По всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ ходитъ князь съ дружиною, собираетъ дань;

куда не придетъ самъ князь, придетъ мужъ княжой со своею дружиною за данью; смотрятъ—гости рубятъ городки и усаживаются въ нихъ, садятся и въ старыхъ городахъ, которые повыгоднѣе стоятъ, которые побольше. Кличутъ кличъ: кто хочетъ селиться около города, будетъ защита и льгота, — кто знаетъ нужное ремесло, будетъ пожива, — дорого будутъ платить ратные люди, которымъ не самимъ-же на себя все дѣлать. И города населяются, начинаются въ нихъ торги, стягивается народъ отовсюду, — пустѣютъ села, князекъ-родопачальникъ не досчитывается многихъ своихъ — ушли въ городъ, а все были люди хорошіе, досужіе на всякое дѣло. Но села опустѣютъ еще больше; кличутъ кличъ: князь идетъ въ походъ, собирайтесь кто сможетъ! Молодежь поднимается, рубятъ лодки, уходятъ — и долго нѣтъ вѣсти; наконецъ возвращаются — другіе люди! Были они въ самомъ Цареградѣ, какія чудеса видѣли! Какія диковинныя вещи съ собой привезли! Грековъ побѣдили и, несмотря на всѣ ихъ хитрости, заставили дань платить. А кто отличился, тотъ въ дружинѣ у князя или боярина; чудное житье въ дружинѣ: пиры да ловы съ утра до вечера, — всего много у князя, ничего не жалѣетъ для дружины, а какой почетъ!" Въ этомъ реальномъ и потому правдивомъ изображеніи древней Россіи все свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ о „силѣ" и „энергіи", даже о „безмѣрной дѣятельности", которыя напрасно отрицались нашимъ пессимистомъ.

Можно найти въ достаточномъ количествѣ и „чарующія воспоминанія", а также и „сильные наставительные примѣры въ народныхъ преданіяхъ". Не говоримъ уже о цѣломъ сонмѣ святыхъ подвижниковъ и мучениковъ, признанныхъ русскою церковью. Были и другіе, чисто свѣтскіе подвижники, между прочимъ и изъ владѣтельныхъ князей того времени. Вспомнимъ напримѣръ простой, но трогательный именно въ безыскусственной простотѣ своей разсказъ лѣтописца о томъ, какъ въ такомъ-то году „преставися благовѣрный великій князь Владиміръ Мономахъ... братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за Русскую землю." А народныя пѣсни и въ особенно-

сти *былины* о разныхъ „чудо-богатыряхъ", олицетворявшихъ въ себѣ всякую силу и всякіе подвиги, не одни только физическіе, но отчасти и нравственные? Послѣдніе едва-ли даже не превышаютъ по своему общественному значенію всѣ „благородные" или просто „эффектные" поступки наиболѣе блестящихъ западныхъ „героевъ", — начиная хоть съ „неистоваго Роланда" и кончая позднѣйшими „рыцарями безъ страха и упрека", прославленными за непроизводительное служеніе „Богу и дамѣ". Знаменитый Илья Муромецъ, у котораго „сила-то по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается", которому „грузно отъ силушки, какъ отъ тяжкаго бремени", — является не простымъ искателемъ приключеній и личныхъ успѣховъ или самоотверженнымъ блюстителемъ какихъ нибудь королевскихъ интересовъ, въ родѣ германскаго Зигфрида. И онъ, и многіе другіе богатыри, эти герои русскаго народнаго эпоса, отчасти ради собственной „потѣхи молодецкой" совершаютъ разныя общеполезныя дѣла, т. е. напримѣръ истребляютъ разбойниковъ, „поганыхъ" половцевъ, татаръ и т. п., отчасти-же по доброй охотѣ, сами по себѣ и каждый по своему „страдаютъ за русскую землю", причемъ кланяются „на всѣ четыре стороны" и держатся вообще очень независимо, даже по отношенію къ „ласкову князю Владиміру" [38]). Таковы были *идеалы* общества и въ ту позднѣйшую эпоху, къ которой относится происхожденіе былинъ; таковыми остаются они отчасти и въ наше время. Нечего и говорить о сравнительномъ реализмѣ, всегда отличавшемъ нашу народную поэзію и многимъ даже препятствовавшемъ понять всю возвышенность ея духовнаго полёта. Напримѣръ жизнерадостный богатырь „Алёша-Поповичъ-младъ" занимается между прочимъ обольщеніемъ дѣвицъ и молодицъ, но употребляетъ при этомъ довольно обыкновенныя, земныя сред-

[38]) Соотвѣтствующія выдержки изъ разныхъ былинъ и пѣсенъ обильно разсѣяны въ объемистой диссертаціи О. Ѳ. *Миллера*: „Илья Муромецъ и богатырство кіевское." Самые выводы автора носятъ славянофильскій отпечатокъ: русскіе богатыри выдаются за представителей личнаго смиренія, „общиннаго начала", „земскихъ интересовъ" и т. п.

ства (кажется игру на гусляхъ и т. п.), не замѣшивая въ дѣло тѣ небесныя и „адскія" силы, которыя играютъ такую важную роль въ западныхъ легендахъ о Донъ-Жуанѣ и Фаустѣ; а главное — онъ и не думаетъ „продавать свою душу дьяволу", что́ можетъ быть всего характернѣе въ данныхъ примѣрахъ. Онъ-же льетъ въ себя безъ мѣры „турьи рога зелена́-вина", но не мечтаетъ, какъ какой-то норманнскій „викингъ" IX вѣка, объ ожидающемъ его великомъ пирѣ „въ чертогахъ Одина", гдѣ, засѣдая съ разными богами и богинями, онъ будетъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, т. е. собственно „пить пиво полными черепами", — достойная награда за длинный рядъ грабежей и убійствъ, только „насыщавшихъ волковъ", по самодовольному признанію хищнаго королька! Русскій богатырь далекъ отъ того, чтобы возводить всякую свою мерзость въ добродѣтель,— зато онъ, среди всевозможныхъ нравственныхъ паденій, способенъ совершать и высокіе нравственные подвиги. Эта, уже отмѣченная нами черта общественныхъ нравовъ проходитъ чрезъ всѣ эпохи и удивительно сближаетъ древняго Алешу Поповича съ современными „Карамазовыми", которые также сознаютъ „бездну надъ собой и бездну подъ собой". — Во всякомъ случаѣ первый, Кіевскій періодъ русской исторіи вполнѣ можетъ выдерживать сравненіе съ средневѣковымъ европейскимъ „варварствомъ", доходившимъ чуть не до настоящаго людоѣдства, далеко не безупречнымъ и по части „грубаго суевѣрія", которое производило напримѣръ династію Меровинговъ отъ „морского чудовища, похитившаго жену Хлодвига", и т. п. [39]), а впослѣдствіи додумалось до цѣлой „демонологіи".

Сравненіе это не особенно трудно провести и чрезъ всю „горестную исторію нашей юности", — чрезъ всю дальнѣйшую эволюцію общественныхъ силъ. При непредубѣжденномъ взгля-

---

[39]) Подобныя общераспространенныя суевѣрія приводятся между прочимъ у Герберта *Спенсера*, въ „Основаніяхъ соціологіи" (см. напр. „Развитіе политическихъ учрежденій", стр. 143), и у Эд. *Фримана*, въ „Сравнительной политикѣ" (ср. стр. 92, 109, 291, 310 и др.).

дѣ оно окажется даже выгоднымъ для исторической Россіи. Если въ церковномъ отношеніи послѣдняя избавилась отъ римскаго католицизма, то въ политическомъ ея устройствѣ отсутствовалъ романо-германскій феодализмъ. Сами князья долго не рѣшались смотрѣть на подчиненныя имъ „волости", какъ на свою наслѣдственную собственность, какъ на „вотчины" свои: они сознавали себя въ зависимости отъ народнаго *вѣча*, которымъ то „призывались", то „изгонялись", съ которымъ должны были не только совѣщаться, но и заключать цѣлые государственные договоры или „ряды", которое играло важную роль и въ разныхъ междукняжескихъ „усобицахъ" [40]). Особенно самостоятельное и продолжительное значеніе имѣли вѣчевыя собранія въ „сѣверноруссскихъ народоправствахъ — Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ", подробно и художественно описанныхъ историкомъ Костомаровымъ въ сочиненіи подъ этимъ заглавіемъ, причемъ уже одно „заглавіе" можетъ наводить на нѣкоторыя „лестныя" сопоставленія съ „Европою". — Вообще-же первоначальныя „вольныя" отношенія между князьями и народомъ измѣняются подъ косвеннымъ вліяніемъ монгольскаго ига, сильно ускорившаго полезное въ общей борьбѣ за существованіе дѣло политическаго объединенія, которое такъ долго затягивалось напримѣръ въ Италіи и въ Германіи, притомъ даже въ ущербъ народной свободѣ. Роковое для Княжеской Руси *татарское* владычество слѣдовало-бы считать „унизительнымъ" собственно лишь для князей, принужденныхъ ѣздить въ Орду за ханскими „ярлыками" и уплачивать за нихъ извѣстную „дань", въ чемъ и выражалось самое „иго". Будучи преимущественно только такимъ внѣшнимъ „владычествомъ", оно гораздо менѣе глубоко коснулось внутреннихъ основъ народной жизни, чѣмъ иныя западныя „завоеванія", носившія кромѣ свѣтско-государственнаго еще и религіозно-культурный харак-

---

[40]) О значеніи вѣчевыхъ собраній въ древней Россіи см. сочиненіе проф. В. И. *Сергѣевича*: „Вѣче и князь", а также статью проф. А. Д. *Градовскаго* объ этой книгѣ въ сборникѣ: „Политика, исторія и администрація".

геръ. Но и такъ называемая *удѣльная* система, установившаяся сначала на сѣверовостокѣ и оттуда постепенно распространившаяся на другія волости, мало въ сущности затрогивала упомянутыя основы. Она не успѣла образовать феодальное господство, а послужила лишь переходомъ къ единодержавію, такъ какъ сама вытекала не столько изъ какихъ нибудь патримоніальныхъ или „вотчинныхъ" понятій, допускавшихъ почти безконечное дробленіе княжескихъ удѣловъ на мелкія части, сколько изъ общей идеи о необходимости болѣе крупнаго, для всѣхъ менѣе стѣснительнаго государственнаго хозяйства, — идеи, которою направлялась и извѣстная политика французскихъ королей въ концѣ среднихъ вѣковъ [41]). Именно такая *хозяйственная* идея могла воодушевить первыхъ, весьма „прозаическихъ" по натурѣ „собирателей земли русской". Недаромъ и царь Иванъ Грозный, поэтъ въ душѣ и „словесной премудрости риторъ", въ одномъ изъ знаменитыхъ „посланій" къ князю Курбскому называетъ подданныхъ своихъ людьми „работными", т. е. отданными Богомъ ему, Царю, „въ работу". Это лишь умѣренное выраженіе, лишь скромный минимумъ тѣхъ преувеличенныхъ фискально-полицейскихъ притязаній, которыя заявлялись иными „поэтическими" государями Европы въ ихъ постоянной, разорительной для многихъ, не всегда и удачной борьбѣ съ духовенствомъ, съ рыцарствомъ, а впослѣдствіи и съ представителями городскихъ общинъ. У насъ всѣ необходимыя условія новой, широкой государственной жизни сложились безъ особенной борьбы, безъ вызываемой ею лишней „утрировки" и довольно прочно уже въ Царскомъ или Московскомъ періодѣ, къ которому наши западники относились крайне неблагосклонно, если не совсѣмъ презрительно. Приведенная выше Герценовская характеристика можетъ служить образцикомъ того общаго *тона*, который слишкомъ часто преобладалъ въ ихъ сужденіяхъ о русской исторіи. Посмотримъ, насколько

---

[41]) Такою представляется она по извѣстнымъ сочиненіямъ *Гизо*, Огюстена *Тьерри*, *Лаферрьера*, *Дареста-де-ла-Шаванна*, *Жиро-Тёлона* и другихъ историковъ.

такая характеристика и весь „топъ" ея соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ историческимъ фактамъ.

Самое элементарное знакомство съ этими фактами показываетъ, что не одними только насиліями „утвердилось русское государство". Напротивъ, въ многовѣковомъ процессѣ *собиранія* земли часто проявлялись и добровольныя государственныя стремленія самого общества. Они коренились какъ въ старинныхъ преданіяхъ о единствѣ „всея Руси", такъ и въ нарождавшемся сознаніи извѣстныхъ политическихъ интересовъ. Даже присоединеніе къ Московской державѣ бывшихъ „вольныхъ" областей Новгородской и Псковской не состояло въ однихъ завоевательныхъ актахъ, а совершилось отчасти при содѣйствіи самихъ жителей, въ средѣ которыхъ издавна образовались партіи, недовольныя мѣстными порядками и тяготѣвшія къ Москвѣ. Въ другихъ случаяхъ расширеніе внѣшнихъ предѣловъ государства обходилось уже безъ всякихъ насильственныхъ, кровавыхъ мѣръ. Мы говоримъ напримѣръ о мирномъ захватѣ разныхъ вымороченыхъ и иныхъ княжескихъ удѣловъ, расположенныхъ около Московскаго центра, а также о въ высшей степени важномъ фактѣ свободной, народной *колонизаціи* многихъ земель на болѣе отдаленномъ сѣверовостокѣ Россіи [42]). Колонизація эта производилась почти безъ всякаго участія со стороны государственной власти, какими нибудь монахами, казаками, торговыми, а иногда и просто „бѣглыми" или „гуляющими" людьми. Она значительно опережала собою поступательное движеніе самого правительства, причемъ однако верховный авторитетъ послѣдняго продолжалъ признаваться и тѣми общественными элементами, которые повидимому наименѣе удовлетворялись домашнимъ режимомъ. Такъ, едва было завое-

---

[42]) На этотъ фактъ обратилъ вниманіе и профессоръ *Градовскій* въ своей „Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи." — Вопросъ о значеніи мирной колонизаціи, мало еще разъясненный въ общихъ историческихъ трудахъ, имѣетъ уже теперь свою небольшую спеціальную литературу.

вано обширное Казанское царство при Иванѣ Грозномъ, какъ уже извѣстные „повольники" спѣшили „поклониться" ему Сибирью. Не такъ-ли распространялось въ свое время испанское, а потомъ англійское владычество въ Америкѣ, въ Индіи, на островахъ Тихаго океана, надъ „морями", „проливами" и проч.? А сколько тутъ было пущено въ ходъ напрасной жестокости со стороны разныхъ Кортецовъ и Пизарро, или безпощадной эксплуатаціи во имя какихъ нибудь „британскихъ интересовъ"!

Припомнимъ далѣе хоть *Смутное время:* при всѣхъ своихъ „ужасахъ" и даже „нелѣпостяхъ" оно было прежде всего эпохою земской, народной обороны государства отъ западныхъ враговъ. Я не стану здѣсь распространяться о подвигахъ историческихъ народныхъ героевъ, Минина и Пожарскаго, объ осадѣ Троицкой лавры или о другихъ подобныхъ-же крупныхъ и достопамятныхъ событіяхъ данной эпохи: все это событія слишкомъ извѣстныя, слишкомъ громкія, слишкомъ такъ сказать торжественныя, а потому въ нихъ многое могло дѣлаться людьми не столько по искреннему влеченію, сколько по честолюбивымъ разсчетамъ или хоть на показъ что́-ли, — такъ можетъ по крайней мѣрѣ казаться со стороны, особенно при „европейской" точкѣ зрѣнія. Но обратимъ вниманіе на факты болѣе мелкіе, менѣе замѣтные, въ которыхъ народный духъ выражался въ полной своей непосредственности, именно на безкорыстныя проявленія вѣрности Царю и отечеству при самыхъ иногда неблагодарныхъ и неэффектныхъ условіяхъ. И опять таки не какое-нибудь преданіе о знаменитомъ костромскомъ крестьянинѣ Иванѣ Сусанинѣ я тутъ вспоминаю, а напримѣръ мало кому извѣстную, хотя и напечатанную вмѣстѣ со многими другими документами въ „Актахъ Историческихъ" (изданіе археографической коммиссіи, томъ II, N⁰ 177) жалобную *грамоту*, которая послана была еще въ 1609 году царю Василію Шуйскому населеніемъ города Солигалича, или вѣрнѣе—только остаткомъ этого населенія, вынужденнаго уже передъ тѣмъ передаться польскому пану Лисовскому и его храбрымъ наѣздникамъ. Положеніе московскаго правительства было тогда са-

мое отчаянное: по словамъ одного современника „аще бо и желая отсюду помощи и отнюду, но ни откуду-же обрѣтая, царь бо, не имый сокровища многа и друговъ храбрыхъ, подобенъ есть орлу безперу и неимущу клева и ногтей". И вотъ такому-то безпомощному царю Солигаличскіе „осталцышки", какъ они сами себя назвали, посылаютъ грамоту съ выраженіемъ готовности на полное самопожертвованіе въ его пользу. „А впередъ, Государь, пишутъ они между прочимъ, хотимъ, сироты твои, за святыя Божіи церкви и за тебя Государя-царя и за всю православную крестьянскую вѣру и за домы свои биться съ измѣнниками твоими до-смерти, всѣ за единъ помереть рады". Рядомъ съ такими вѣрноподданническими чувствами заявляется и преданность тогдашнимъ государственнымъ порядкамъ, столь мало почтеннымъ въ глазахъ многихъ западниковъ, но повидимому вполнѣ соотвѣтствовавшимъ нѣкоторымъ народнымъ понятіямъ и требованіямъ. „А только, прибавляютъ тѣ-же „осталцышки", нѣтъ у нашихъ, у Галицкихъ ратныхъ людей и у Устюжанъ и у Тотьмянъ и у другихъ, опричь головъ кого, всѣмъ одного, надежнаго крѣпкаго воеводы: милостивый Царь-государь, дай намъ своего Государева воеводу, съ которымъ-бы надежно намъ службу совершать" [43]). Подобныя общественныя стремленія смѣло можно сравнивать хоть съ тѣми, которыя проявила Франція въ своей „Столѣтней" войнѣ съ Англіею или Германія въ своемъ пореформаціонномъ броженіи. Крѣпость народнаго духа конечно и спасла Московское государство отъ полнаго разгрома, которымъ грозили ему внѣшніе и внутренніе враги.

И послѣ этой „смутной" эпохи встрѣчается еще немало важныхъ фактовъ, опровергающихъ мнѣніе, что только „рабствомъ, кнутомъ и казнями гнали народъ русскій къ образованію огромной имперіи". Такъ въ царствованіе Михаила Θе-

---

[43]) Цитированная здѣсь грамота приводится между прочимъ въ исторической статьѣ г. *Голохвастова*, помѣщенной въ журналѣ „Русь" 1883 года.

доровича вольные казаки завоевываютъ на дальнемъ югѣ городъ Азовъ, а потомъ сами просятъ царя взять его подъ свою власть, „подъ свою высокую руку". Даже чисто политическій вопросъ о такомъ принятіи обсуждается въ 1642 году на одномъ изъ *земскихъ соборовъ*, созывавшихся правительствомъ и бывшихъ въ большомъ ходу именно въ періодъ окончательнаго укрѣпленія царской власти. На эти соборы [44]) сходились—иногда „со всѣхъ концовъ земли"—избиравшіеся различными слоями населенія „добрые и смышлёные люди", которые должны были разсказывать о мѣстныхъ „обидахъ, насильствахъ и разоренiяхъ", а также указывать, „чѣмъ Московскому государству полниться", „чѣмъ разныхъ людей жаловать" и какъ устроить, „чтобы пришли всѣ въ достоинство". Хотя за голосами этихъ выборныхъ народныхъ представителей не признавалось вообще никакой обязательной силы, тѣмъ не менѣе однако сама верховная власть часто считала удобнымъ осуществлять ихъ желанія въ своихъ указахъ или исполнительныхъ грамотахъ. Многія статьи „Соборнаго Уложенія", изданнаго въ 1649 году царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, прямо воспроизводятъ собою разныя „челобитныя", выработанныя на нѣкоторыхъ предшествовавшихъ земскихъ соборахъ. Совершенно аналогическія явленія видимъ мы и въ западной Европѣ, гдѣ напримѣръ „жалобныя тетради" французскихъ „генеральныхъ штатовъ" имѣли лишь фактическое, а не юридическое и притомъ далеко не полное вліяніе на содержаніе королевскихъ ордоннансовъ, — гдѣ даже англійскіе парламентскіе „билли" были первоначально только обращенными къ королямъ „петиціями коммонёровъ" и до сихъ поръ еще носятъ на себѣ слѣды этого историческаго происхожденія, хотя давно уже получили болѣе рѣшительное и самостоятельное значеніе. Главная отличительная черта нашихъ соборовъ состояла не въ совѣщательномъ ихъ характерѣ, не въ рѣд-

---

[44]) См. о нихъ спеціальныя изслѣдованія профессоровъ: *Бѣляева* (въ „Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ", 1867 года, № 1), *Сергѣевича* (въ „Сборникѣ государственныхъ знаній", томъ II) и *Дитятина* (въ „Русской Мысли", 1883 г., декабрь).

кости ихъ созванія, а скорѣе въ сравнительной неопредѣленности ихъ состава, какъ-бы унаслѣдованной ими отъ древнихъ вѣчевыхъ сходокъ, крайне безпорядочныхъ вообще. Зато такая неопредѣленность исключала и то рѣзкое раздѣленіе депутатовъ по сословіямъ, которое уже въ средніе вѣка располагало западноевропейскія правительства къ систематически-односторонней, партейной политикѣ, — тогда какъ различные „чины Московскаго государства" могли разсчитывать не только на болѣе или менѣе индифферентный произволъ, но иногда и на нѣкоторый высшій нейтралитетъ царской власти. Не мѣшаетъ вспомнить хоть то, что послѣдній остатокъ аристократическихъ порядковъ, именно „враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество" уничтожено было по единодушному желанію выборныхъ людей и боярь на послѣднемъ земскомъ соборѣ 1682 года [45]).

Остаются однако и „рабство", и „кнутъ", и „казни", поглощавшія собою вниманіе нѣкоторыхъ западниковъ и какъ-бы заслонявшія отъ нихъ другія, болѣе свѣтлыя стороны русской государственной жизни. Мы не отрицаемъ всѣ эти „страшныя средства", — охотно соглашаемся даже, что безъ нихъ пожалуй и не было-бы „огромной имперіи". Но спрашивается: какое-же цивилизованнѣйшее политическое общество обходилось въ своемъ образованіи и развитіи безъ такихъ темныхъ пятенъ, свойственныхъ—въ той или другой степени, въ той или другой формѣ—всякому вообще *господству* людей надъ людьми, т. е. государству? Ужъ не великая-ли заатлантическая республика, гдѣ рабство негровъ было отмѣнено даже позже, чѣмъ у насъ крѣпостное право, и гдѣ оно тотчасъ-же стало замѣняться новымъ, современнѣйшимъ „рабствомъ"— уже не однихъ черныхъ, но и бѣлыхъ, и желтыхъ людей? Древняя Россія повидимому еще болѣе нуждалась въ подобномъ „институтѣ", такъ какъ вступила на путь широкой національно-политической жизни при

---

[45]) Соотвѣтствующее „Соборное дѣяніе" помѣщено въ первомъ „Полномъ Собраніи Законовъ" (№ 905).

относительно очень низкомъ уровнѣ „цивилизаціи" и далеко еще не обладая тою внутреннею „дисциплиною", которая одна избавляетъ гражданъ иного государства отъ необходимости въ усиленной дисциплинѣ внѣшней. Это обнаружилось отчасти въ судьбѣ мѣстнаго самоуправленія, дарованнаго царемъ Иваномъ Грознымъ—не какимъ нибудь только „гражданамъ", а прямо *всему крестьянству*—и тотчасъ-же превратившагося изъ льготы въ тяжелую для народа повинность. Выборныя или „излюбленныя" должностныя лица оказывались столь-же безконтрольными, какъ и „приказныя" власти, которыя, при всѣхъ своихъ злоупотребленіяхъ, при всей „московской волокитѣ", спасали сельскія общины отъ худшаго, ближайшаго произвола разныхъ „мужиковъ-горлановъ", возносившихся надъ „міромъ" и выбивавшихъ изъ него лишніе „поборы".— Словомъ, Московское общество *являлось*, какъ это часто бываетъ, во многихъ отношеніяхъ „достойнымъ своего правительства." Несомнѣнныя „обиды, насильства и разоренія", которыя оно терпѣло въ особенности отъ мѣстныхъ воеводъ, объясняются прежде всего общимъ состояніемъ нравовъ. Что касается сравнительно поздняго *прикрѣпленія* крестьянъ къ землѣ, то оно было послѣдствіемъ общей системы повинностей, общаго государственнаго „тягла", наложеннаго на всѣ сословія. Поэтому и вытекавшая изъ него крѣпостная зависимость была въ сущности не такою „рабскою", какъ та, которая обусловливалась одними частными правами и интересами разныхъ европейскихъ „сеньёровъ" или американскихъ „плантаторовъ". Такъ выходитъ уже при чисто „юридическомъ" взглядѣ на дѣло.— Впрочемъ и нравы Московскаго общества, описанные очевидцами и позднѣйшими изслѣдователями, могутъ поражать насъ скорѣе только нѣкоторою первобытною грубостью, чѣмъ свирѣпою и безполезною жестокостью. Даже исторія Смутнаго времени далеко не такъ „ужасна", какъ напримѣръ многія Шекспировскія „хроники", наполненныя тѣми кровавыми, ядовитыми и просто развратными сценами, отъ которыхъ уже знаменитому Датскому

принду становилось „страшно за человѣка" [46]). По свидѣтельству извѣстнаго казначея или „келаря" Троицкой лавры Авраамія Палицына, главное зло Московскихъ смутъ заключалось въ томъ, что „всякъ отъ своего чину выше начаша восходити". Съ этой точки зрѣнія не столь уже „нелѣпыми" представляются и эпизоды съ разными „самозванцами", въ родѣ какого нибудь „Тушинскаго вора": „Царемъ-же играху яко дѣтищемъ, и всякъ выше мѣры своея жалованія хотяша". Подобное-же *безчинство*, въ соединеніи съ нѣкоторымъ *буйствомъ*, видимъ мы и въ извѣстномъ Разинскомъ бунтѣ, относящемся ко второй половинѣ XVII вѣка и картинно изображенномъ въ спеціальномъ изслѣдованіи историка Костомарова. Цѣль этого бунта, объявленная его предводителемъ еще въ Астрахани, до похода на Волгу, сводилась къ тому, чтобы „вывести воеводъ на Руси и бояръ на Москвѣ", а затѣмъ добраться до царскаго „верха" и пожечь всѣ „дѣла", причемъ главнымъ образомъ имѣлись въ виду разныя оффиціальныя „записи" о крѣпостныхъ крестьянахъ. Между тѣмъ во время дальнѣйшаго пути „Стенькины прелестники" должны были распускать въ народѣ слухи о намѣреніи Степана Тимофеевича возвести на престолъ царевича Алексѣя (который незадолго передъ тѣмъ умеръ, но считался „убѣжавшимъ отъ суровости отца и злобы бояръ"), возстановить низверженнаго патріарха Никона, а вмѣстѣ съ тѣмъ поженить своихъ „молодцовъ" на боярскихъ дочеряхъ, славившихся особенною бѣлизною тѣла. — Понятно, что съ такими „молодцами", со всею этою *вольницею*, подчинявшеюся какому нибудь завѣдомому *вору*, даже „тишайшему" царю трудно было-бы управиться одними кроткими, „отеческими" мѣрами. Приходилось кой-кого и *казнить*, вообще преслѣдовать всякіе безпорядки, а тѣмъ паче явныя преступленія, хоть для того, чтобы „другимъ неповадно было то дѣлати", какъ выражается Уложеніе. И это открытое уголовное преслѣдованіе могло грозить при случаѣ всѣмъ и

---

[46]) Дѣйствительные нравы т. н. „старой веселой Англіи (old merry England)" довольно картинно представлены у *Тэна*, въ его переведенной и на русскій языкъ „Исторіи англійской литературы".

каждому: не избавлялись отъ него ни богатые, ни знатные, ни даже власть имущіе, если обвинялись въ томъ, чего по общимъ понятіямъ „чинить было не мочно." Надо замѣтить еще, что *тѣлесныя* наказанія, преимущественно употреблявшіяся въ Россіи, были конечно менѣе „душеспасительны", чѣмъ напримѣръ костры „святѣйшей инквизиціи", но также и менѣе кровожадны, чѣмъ другія „страшныя средства", которыми не брезгала въ свое время „просвѣщенная" Европа для созданія и укрѣпленія своей государственности. — Чтобы закончить эту защиту разсматриваемаго историческаго періода, напомню еще всѣмъ извѣстный и знаменательный для насъ фактъ добровольнаго присоединенія Малороссіи или т. н. Украины къ державѣ Московской при томъ-же „тишайшемъ" царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ [47]), когда столь „пещадно" сыпались разные „батоги" на всякихъ „лиходѣевъ" и когда даже отмѣнены были послѣдніе „урочные годы", т. е. законные сроки для поимки „бѣглыхъ" крестьянъ и „кабальныхъ" холоповъ. Видно и тогда наши сѣверовосточные порядки, по которымъ „не Москва Государю указъ, а Государь — Москвѣ", могли выдерживать сравненіе съ югозападными „вольностями" и представляли свои относительныя удобства.

Теперь мы переходимъ къ разбору мнѣній, высказанныхъ нѣкоторыми западниками о томъ періодѣ русской государственной жизни, когда уже „образовалась огромная имперія" и стали „совершаться судьбы" народа. Преемники Московскихъ царей, какъ ближайшіе, такъ и болѣе отдаленные, во многихъ отношеніяхъ только продолжали политику своихъ предшественниковъ, суровую политику „рабства, кнута и казней". Если тутъ не все можно оправдать соображеніями государственной *необходимости*, то сравненіе съ *Европою* дѣлается еще нагляднѣе и потому убѣдительнѣе. Прежніе „гулящіе люди" постепенно разсажи-

---

[47]) Фактъ этотъ, не лишенный своеобразнаго драматизма, разсказанъ между прочимъ въ особой монографіи Н. И. *Костомарова* о „Богданѣ Хмѣльницкомъ".

вались по мѣстамъ, а крѣпостное право расширялось и усиливалось въ теченіи всего почти XVIII столѣтія. Но въ Россіи какъ-то не прививался тогдашній французскій принципъ о непремѣнной принадлежности всякой „земли" какому нибудь „господину" [48]). „Мы ваши, а земля наша", говорили русскіе крестьяне своимъ владѣльцамъ — и въ сущности мало ошибались, ибо дворяне-помѣщики въ большинствѣ случаевъ не были настоящими *земскими* людьми, какъ не были таковыми и правительственные чиновники, завѣдывавшіе многочисленными *казенными* крестьянами. Сами государи всероссійскіе не могли считаться, подобно инымъ западнымъ монархамъ, только „первыми жантильомами въ своей странѣ": напротивъ — императоръ Павелъ довольно мѣтко назвалъ всѣхъ помѣщиковъ своими мѣстными „полиціймейстерами". — Съ другой стороны извѣстно, что не одно только „начало славныхъ дней Петра", вспоминаемое Пушкинымъ въ одномъ замѣчательномъ стихотвореніи [49]), „мрачили мятежи и казни". Это не значитъ однако, что самый „народъ русскій" возставалъ противъ власти и „шелъ сквозь строй", какъ казалось напримѣръ Герцену. У насъ бывали разные стрѣлецкіе, казацкіе и иные, еще болѣе спеціальные *бунты* или *заговоры*, носившіе обыкновенно имена отдѣльныхъ личностей и подходившіе подъ понятіе государственныхъ преступленій. Такая „уголовщина" вездѣ подлежала смертной казни, которая на западѣ Европы обратилась въ столь обычное явленіе, что стала наконецъ практиковаться посредствомъ из-

---

[48]) См. напр. „Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ", проф. Н. И. *Карѣева*, стр. 146: „Во Франціи XVIII в. главнымъ принципомъ аграрнаго устройства была несвобода почвы, выраженная въ правилѣ *nulle terre sans seigneur*, правилѣ, поддерживавшемся короною, церковью, дворянствомъ и частью буржуазіи, которая становилась на ихъ мѣсто покупкою или арендою ихъ земель и правъ". Ср. сочиненіе того же автора: „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.", стр. 29 сл. и др.

[49]) Въ „Стансахъ" 1826 года, изъ которыхъ я беру и эпиграфъ для моего „Вступленія".

вѣстной французской машины, изобрѣтенной въ кровопролитныя времена „свободы, равенства и братства". А въ Россіи эта казнь бо́льшею частью примѣнялась лишь въ качествѣ самой исключительной и притомъ чисто-военной мѣры, каковою являлось и знаменитое „сквозь строй", введенное „Воинскимъ Артикуломъ". Бывали у насъ и разныя, вовсе не наказуемыя „похожденія петербургскихъ дѣйствъ" (такъ прозванъ былъ одинъ изъ дворцовыхъ переворотовъ прошлаго вѣка); но послѣднія мало касались собственно *народа* и происходили безъ его участія: „народъ безмолвствовалъ", какъ говорится въ концѣ извѣстной Пушкинской драмы. Полезно сопоставить наши въ высшей степени *локализированные* государственные кризисы съ другими, западноевропейскими эпизодами, въ которыхъ торжество какихъ нибудь сомнительныхъ съ точки зрѣнія народнаго блага принциповъ покупалось цѣною несомнѣнныхъ народныхъ бѣдствій. Новая русская исторія, полная всякихъ личныхъ происковъ и всякой „кружковщины", не знаетъ ни общихъ „гражданскихъ войнъ", съ свирѣпымъ пуританскимъ изувѣрствомъ, — ни общихъ политическихъ „происшествій" въ утонченнѣйшемъ парижскомъ вкусѣ, во вкусѣ „Варѳоломеевской ночи", „сентябрьскихъ убійствъ", „нантскихъ потопленій" и т. п.,—ни общей „политики крови и желѣза", свойственной не только „абсолютнымъ", но и „ограниченнымъ" государямъ въ бывшей священно-римско-нѣмецкой „республикѣ князей", гдѣ, по словамъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I, было „невозможно высунуться изъ окна безъ каски на головѣ". Почему-же въ Россіи не было, да и не могло быть ничего подобнаго? Отчасти благодаря существованію того государственнаго устройства, которое не совсѣмъ точно, какъ увидимъ сейчасъ, подводится подъ западныя понятія „абсолютизма", „бюрократизма" и „милитаризма", — выдается даже за крайнее ихъ выраженіе.

Не будемъ повторять установленное нами уже въ общемъ курсѣ воззрѣніе на монархическую власть, какъ на естественную объединительницу разрозненныхъ общественныхъ силъ.

Послѣ всего, что было сказано объ этомъ предметѣ вообще, здѣсь достаточно лишь обратить вниманіе на нѣкоторыя основныя условія политической жизни въ Россіи, именно на громадные размѣры государственной территоріи, на обиліе воинственныхъ внѣшнихъ враговъ, на большую рѣдкость населенія, на низкій уровень народнаго образованія, на отсутствіе твердыхъ соціальныхъ отношеній и т. п. Значеніе этихъ условій и вытекающія изъ нихъ послѣдствія сознавались нѣкоторыми лучшими русскими умами уже въ XVIII столѣтіи. Отмѣчу здѣсь мнѣніе извѣстнаго Татищева, написавшаго при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ первую „Исторію Россіи". Тутъ онъ прямо объяснялъ, что „въ великихъ и пространственныхъ государствахъ, окруженныхъ многими сосѣдями, особенно гдѣ народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благонравія или познанія пользы и вреда законъ хранитъ, тамъ необходимо само- или единодержавіе" [50]). Это общее замѣчаніе, относившееся и къ русской *формѣ правленія*, было повторено императрицею Екатериною II въ знаменитомъ „Наказѣ", многія части котораго носили чисто компилятивный характеръ. Къ теоретическимъ соображеніямъ Татищева мудрая государыня присоединила еще слѣдующій практическій аргументъ: „всякое иное правленіе не только было-бы въ Россіи вредно, но въ конецъ раззорительно", тѣмъ болѣе, что „лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ" [51]). Неизбѣжность усиленной правительственной опеки

---

[50]) Заимствую эту цитату, какъ и нѣкоторыя другія, изъ статьи проф. *Дитятина:* „Верховная власть въ Россіи XVIII столѣтія" („Русская Мысль" 1881 года, мартъ и апрѣль). — Мнѣ кажется, что терминъ „самодержавіе" указываетъ собственно только на источникъ, а не на характеръ власти. Такое значеніе придаютъ ему повидимому и наши „Основные Законы", въ которыхъ говорится о „Монархѣ самодержавномъ *и* неограниченномъ".

[51]) „Наказъ", изданный въ 1767 году, находится и въ „Полномъ Собраніи Законовъ" (№ 12949), гдѣ напечатаны въ два столбца оба его текста: русскій и французскій.

надъ большимъ, но мало еще сложившимся обществомъ, признается и новѣйшимъ историкомъ Соловьевымъ, который въ одной изъ своихъ статей говоритъ между прочимъ, что „обширность страны и рѣдкость населенія, вмѣстѣ съ украинностью страны, условливаютъ характеристическія явленія русской исторіи, русской народной жизни во все ея продолженіе", — что „онѣ условливаютъ продолжительность періода движенія, періодъ волнующагося, жидкаго состоянія, когда ничего твердаго, прочнаго не могло образоваться, когда правительственное начало кружило по неизмѣримымъ пространствамъ, связывая извѣстными общими интересами и общими дѣйствіями разсѣянныя племена и области; когда дешевая и пустая земля не могла привязать къ себѣ человѣка могущественными узами недвижимой собственности и создать прочную систему отношеній, когда все было похоже на перекати-поле". „Необходимымъ слѣдствіемъ" всего этого авторъ считаетъ — „слабость развитія органовъ народнаго тѣла и чрезвычайное усиленіе, чрезмѣрное напряженіе правительственнаго органа для внѣшней централизаціи народныхъ силъ и направленія ихъ къ общей дѣятельности, при недостаткѣ централизаціи внутренней, которая основывается на сплоченности народонаселенія и уничтожается его разбросанностью на обширныхъ пространствахъ" [52]).

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ принимаются въ разсчетъ лишь нѣкоторыя общія, естественныя условія русской государственной жизни, дѣйствовавшія „во все ея продолженіе". Но съ успѣхами народнаго развитія дѣйствіе ихъ постепенно ослабѣвало, и конечно это могло-бы рано или поздно отразиться, какъ отражалось въ западной Европѣ, на самой „формѣ правленія", чего однако не случилось. Чтобы вполнѣ объяснить себѣ новѣйшую Россійскую государственность, мы должны имѣть въ виду еще одно, болѣе спеціальное и такъ сказать

---

[52]) См. въ VII томѣ „Сборника государственныхъ знаній" статью С. М. Соловьева подъ заглавіемъ: „Начала русской земли".

искусственное условіе — именно ея широкій, не національный, а скорѣе международный характеръ, который всего глубже отличаетъ ее отъ западноевропейской и выработался уже преимущественно въ Императорскомъ или Петербургскомъ періодѣ русской исторіи. Неразрывная политическая связь многихъ разнородныхъ не только по происхожденію, но и по культурѣ общественныхъ элементовъ, при ихъ взаимномъ антагонизмѣ, отчасти даже сепаратизмѣ, предполагала существованіе независимой отъ общества, единой и сильной власти. Только такая власть могла искусственно объединять эти элементы, т. е. направлять ихъ дѣятельность къ извѣстнымъ общеполезнымъ цѣлямъ, особенно-же руководить ими въ общей по необходимости борьбѣ за существованіе съ сосѣдними, враждебными народностями и племенами. Для подобнаго направленія и руководства долгое время требовались усиленныя принудительныя средства, военныя и бюрократическія: отрицать это — значилобы лишь напрасно идеализировать дѣйствительность. А *дѣйствительность* была въ Россіи по крайней мѣрѣ не хуже, чѣмъ напримѣръ въ Германіи, гдѣ господствовавшія въ прошломъ вѣкѣ теорія и практика „полицейскаго государства" не привели даже къ національному объединенію, — или во Франціи, которой для такого объединенія понадобилась цѣлая система „административной централизаціи", съ королевскими и иными девизами въ родѣ „l'état c'est moi", „après nous le déluge" и проч.

Наша восточная Европа имѣла, подобно западной, и свои эпохи такъ называемаго *просвѣщеннаго* абсолютизма, эпохи, отличавшіяся особенною продолжительностью и особенно плодотворными послѣдствіями. Общественныя преобразованія „сверху" начинаются у насъ раньше, а кончаются позже, чѣмъ на Западѣ, такъ какъ встрѣчаютъ для себя болѣе благопріятную почву и производятся въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ смѣлыхъ замыслахъ русскихъ государственныхъ дѣятелей не было той узкой буржуазной ограниченности, которою запечатлѣны намѣренія многихъ европейскихъ реформаторовъ, начиная съ самого Мартина Лютера. Даже великій Ришельё, какъ

видно изъ его „политическаго завѣщанія", сознательно отвергалъ пользу всенароднаго образованія, сдѣлавшагося вскорѣ основною задачею нашей „внутренней политики" [53]). Понимая всю трудность этой задачи, до сихъ поръ еще далеко не вполнѣ рѣшенной, мы конечно не станемъ преувеличивать значеніе Петровскихъ реформъ, — не станемъ повторять льстивыя похвалы нѣкоторыхъ современниковъ, увѣрявшихъ перваго Императора Всероссійскаго, что онъ какимъ-то чудомъ возвелъ свой народъ „изъ небытія въ бытіе", — не станемъ вторить и тѣмъ, преимущественно иностраннымъ цѣнителямъ, которые серьёзно полагаютъ, что одинъ Петръ, силою своей ничѣмъ не ограниченной власти, превратилъ Россію изъ „азіатскаго" государства въ „европейское". Прямое вліяніе на русское общество западной культуры въ лицѣ ея пріѣзжихъ представителей началось по крайней мѣрѣ со временъ Ивана III, т. е. еще съ XV вѣка, когда и Московская Русь стала переживать своего рода „возрожденіе наукъ и искусствъ" — и не однихъ только византійскихъ. Тогда-же наступила для нея и эра „великихъ изобрѣтеній и открытій", ближайшимъ предметомъ которыхъ сдѣлались болѣе или менѣе чуждыя до тѣхъ поръ славянскому Востоку черты романо-германской жизни. Мы уже указали выше на общую историческую необходимость извѣстныхъ заимствованій, а теперь можемъ легко опредѣлить сравнительное ихъ значеніе для отдѣльныхъ европейскихъ странъ, въ томъ числѣ и для Россіи. Если положимъ нѣмцы, пользуясь „возродившимися" въ Италіи классическими знаніями, а также открытіями какихъ нибудь испанцевъ въ Новомъ свѣтѣ и разными изобрѣтеніями французской культуры, оставались при этомъ все таки нѣмцами, то конечно и русское общество ничего не теряло, а лишь выигрывало отъ своихъ сношеній съ опередив-

---

[53]) Этому предмету посвящено замѣчательное сочиненіе проф. М. Ф. *Владимірскаго-Буданова:* „Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII столѣтія". Нѣсколько односторонніе выводы ученаго автора дополняются рецензіею проф. И. Е. *Андреевскаго*, помѣщенною въ первомъ томѣ „Сборника государственныхъ знаній".

шими его западными народами. Въ придачу ко всѣмъ нѣмецкимъ „открытіямъ" оно какъ бы открывало еще и самихъ нѣмцевъ, что́, въ соединеніи съ нѣкоторыми зачатками тогдашней „славяно-греко-латинской" образованности, давало ему новыя преимущества, расширяя возможный для него умственный кругозоръ.

Въ сущности оно и при Петрѣ и послѣ Петра не только приближалось къ „Европѣ", но и становилось, отчасти даже вопреки намѣреніямъ своего великаго преобразователя, еще болѣе *русскимъ*,— русскимъ въ полномъ смыслѣ слова —въ смыслѣ общаго синтеза разныхъ европейскихъ элементовъ, съ примѣсью нѣкоторыхъ азіатскихъ. И въ этомъ именно смыслѣ самая личность „царя-революціонера", столь выдающаяся въ исторіи цѣлаго человѣчества, представляетъ собою „колоссальное воплощеніе народнаго генія" [54]). При всей грубости своихъ просвѣтительныхъ пріемовъ, Петръ Великій поражаетъ насъ особенно широкою многосторонностью дарованій, выразившеюся въ извѣстномъ его „мастерствѣ на всѣ руки", а также особенно возвышеннымъ полётомъ стремленій, которымъ объясняются постоянные его „несносные труды" на пользу отечества [55]). Можно сказать, что онъ олицетворяетъ собою практическую, дѣятельную сторону той „всемірной отзывчивости", которая въ области творческой мысли всего полнѣе проявилась у великаго Пушкина. Не потому-ли этотъ истинно народный и въ то же время истинно „петербургскій" поэтъ такъ часто и такъ хорошо изображалъ Петра и Петровскую эпоху въ своихъ художественныхъ созданіяхъ? Для примѣра укажу здѣсь на отчасти уже цитированное мною раньше стихотвореніе, гдѣ коротко, но ясно очерчена вся личность преобразователя. Тутъ

---

[54]) Выраженія *Леруа-Больё*, которымъ этотъ авторъ придаетъ однако иной, менѣе *русскій* смыслъ: ср. в. н. с., I, 163, 249 и др.

[55]) Такъ приблизительно смотритъ на личность Петра и Н. И. *Костомаровъ*: ср. „Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей", выпускъ VI, стр. 780—785.

сказано между прочимъ, что „самодержавною рукой онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье", а затѣмъ слѣдуетъ такая общая характеристика его дѣятельности:

„То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ —
Онъ *всеобъемлющей* душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ."

Пушкинъ не совсѣмъ напрасно обращаетъ вниманіе и на то обстоятельство, что Петръ „не презиралъ страны родной", что „онъ зналъ ея предназначенье". Надо замѣтить, что *абсолютизмъ* дошелъ до особенно вредныхъ крайностей при нѣкоторыхъ преемницахъ Петра Великаго, когда судьбами Россіи временно заправляли настоящіе западные „европейцы".

Совершенно иной характеръ носило наиболѣе продолжительное царствованіе той сначала офранцуженной, а потомъ и обрусѣвшей нѣмки, которая „цѣль самодержавія" видѣла „не въ томъ, чтобы лишить людей ихъ естественной свободы, но въ томъ, чтобы направить ихъ дѣйствія къ величайшему изъ всѣхъ благъ". Императрица Екатерина II не только усвоила себѣ удивительно хорошо весь тогдашній циклъ общеевропейскихъ политическихъ идей и вмѣстѣ весь реализмъ русскихъ житейскихъ понятій, не только выразила ихъ до извѣстной степени въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, но старалась приложить ихъ и къ практической политикѣ. Размѣры этихъ приложеній не вполнѣ зависѣли отъ императрицы, обязанной престоломъ извѣстному „петербургскому дѣйству". Она принуждена была урѣзывать свои широкіе планы въ угоду той или другой вліятельной придворной партіи. Замѣчу однако, что при всемъ умѣньи „пользоваться обстоятельствами", въ которомъ она кажется не уступала самому Фридриху Великому, ей все таки не приходило въ голову возводить, подобно этому прусскому королю-философу, „его величество Случай (sa majesté le Hasard)" въ основной принципъ своего „политическаго пове-

денія" [56]). Вотъ почему самый такъ сказать *методъ* ея государственныхъ реформъ былъ не произвольно-субъективный, свойственный многимъ „просвѣщеннымъ деспотамъ", въ томъ числѣ напримѣръ и другому современнику Екатерины — Іосифу II австрійскому, а скорѣе какъ-бы „индуктивный", основанный на опытѣ и наблюденіи. Извѣстно, что дѣло началось съ созванія выборной „Коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія", — коммиссіи, которая была вскорѣ-же распущена, не успѣвъ еще выполнить поставленную ей задачу, но которая все таки освѣтила общее положеніе страны и вызвала со стороны правительства цѣлый рядъ новыхъ мѣръ, направленныхъ на разрѣшеніе важныхъ вопросовъ, какъ административныхъ, такъ и соціальныхъ [57]). Сама государыня впослѣдствіи отозвалась о ней такимъ образомъ: „Коммиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно ..... Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ". Вообще мнѣнія, высказанныя разными депутатами, заключали въ себѣ довольно широкую фактическую подкладку для послѣдовавшихъ затѣмъ внутреннихъ преобразованій, которыя сводились къ освобожденію отдѣльныхъ сословій отъ прежняго государственнаго „тягла" и къ предоставленію имъ значительнаго участія въ мѣстномъ управленіи посредствомъ учрежденныхъ вновь выборныхъ должностей. Послѣднія учреждались и для крестьянъ, хотя личная свобода ихъ все еще продолжала ограничиваться, отчасти по желанію разныхъ сословныхъ представителей въ „Коммиссіи", гдѣ даже не было депу-

---

[56]) См. сочиненіе Фридриха: *Apologie de ma conduite politique.*

[57]) Протоколы засѣданій и другіе важные документы, касающіеся „Коммиссіи", печатались въ „Сборникѣ русскаго историческаго общества", гдѣ эти „Матеріалы", обработанные гг. Полѣновымъ и Сергѣевичемъ, занимаютъ нѣсколько большихъ томовъ. Можно указать еще на статью проф. *Сергѣевича*: „Откуда неудачи Екатеринской коммиссіи?", помѣщенную въ „Вѣстникѣ Европы" за 1878 годъ (№ 1).

татовъ отъ „сельскихъ обывателей." Несомнѣнно однако, что уже Екатерина имѣла серьёзное намѣреніе если не отмѣнить, то облегчить крѣпостную зависимость въ Россіи и что осуществленію такого намѣренія препятствовали лишь упомянутыя выше внѣшнія обстоятельства, заставлявшія нашу императрицу особенно серьёзно относиться къ ученію Монтескьё о будто-бы необходимой связи монархической власти съ дворянствомъ. Слѣдовательно не одно только чувство самосохраненія, но и теоретическое опасеніе поколебать т. н. „опору престола" боролось въ этой государынѣ съ болѣе великодушными стремленіями [58]). Подобныя же стремленія обнаруживали и ея преемники, которымъ еще нѣкоторое время приходилось довольствоваться одними полумѣрами въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта, такъ какъ окружавшая обстановка не всегда благопріятствовала коренному переустройству общественныхъ отношеній. Но эти чисто-политическія условія, носившія болѣе или менѣе случайный, временный характеръ, имѣли далеко не столь рѣшительное и постоянное значеніе, какъ тѣ непреодолимыя соціальныя преграды, которыми задерживались иныя самыя настоятельныя реформы и вызывались довольно неудачныя революціи на западѣ Европы [59]).

---

[58]) Множество любопытныхъ историческихъ матерьяловъ, относящихся къ царствованію Екатерины II, было напечатано въ журналахъ: „Русскій Архивъ" и „Русская Старина". См. также сочиненіе г. *Вейдемейера*: „Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія"; сборникъ „Восемнадцатый Вѣкъ", изданный г. *Бартеневымъ*; и проч. и проч. Положеніе крестьянскаго вопроса при Екатеринѣ описано въ спеціальномъ изслѣдованіи г. В. *Семевскаго*.

[59]) Вся первая глава моей диссертаціи („Государственная власть въ европейскомъ обществѣ. Взглядъ на политическую теорію Лоренца Штейна и на французскіе политическіе порядки") посвящена доказательству дѣйствительной *непреодолимости* этихъ преградъ, составляющей для западной цивилизаціи источникъ глубокихъ, можетъ быть даже смертельныхъ недуговъ, противъ которыхъ иные теоретики предлагаютъ, по моему мнѣнію, слишкомъ дешевыя,

Говоря о „просвѣщенномъ абсолютизмѣ", невозможно умолчать о блестящемъ во многихъ отношеніяхъ царствованіи императора Александра I, который, въ разговорѣ съ извѣстною французскою писательницею M-me de Staël, самъ назвалъ себя „счастливою случайностью для Россіи (un heureux accident pour la Russie)". Этотъ государь съ истинно русскою широкостью старался устроить „счастье" не одной только коренной Россіи, но и другихъ странъ, входившихъ или даже не входившихъ (какъ Германія и Франція) въ составъ Россійской Имперіи. Съ внѣшней стороны наиболѣе *либеральными* изъ его актовъ являлись: освобожденіе крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ и дарованіе Финляндіи и Польшѣ т. н. „свободныхъ учрежденій", которыя, по торжественному заявленію самого монарха, „не переставали быть предметомъ Его заботъ, и которыхъ благодѣтельное вліяніе надѣялся Онъ съ помощію Божіей распространить на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію Его ввѣренныя" [60]). О дѣйствительномъ существованіи подобнаго намѣренія свидѣтельствуетъ и составленный уже въ 1809 году по порученію императора „Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія" [61]). Онъ не былъ приведенъ въ исполненіе

поверхностныя и потому недѣйствительныя средства. Ту-же мысль мнѣ приходилось развивать и въ общемъ курсѣ, по поводу разныхъ соціально-политическихъ вопросовъ, связанныхъ съ современнымъ господствомъ буржуазіи въ Европѣ и въ Америкѣ.

[60]) Изъ рѣчи, произнесенной императоромъ Александромъ въ Варшавѣ, при извѣстномъ открытіи Польскаго сейма въ 1818 году. Цитирую здѣсь (въ третьемъ лицѣ) оффиціальный русскій переводъ съ подлиннаго французскаго текста, который напечатанъ между прочимъ и у г. *Богдановича*, въ „Исторіи царствованія императора Александра I": см. томъ V, особое приложеніе къ главѣ LXIV.

[61]) „Планъ" этотъ, написанный рукою извѣстнаго Сперанскаго, но нигдѣ до сихъ поръ не напечатанный вполнѣ, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Значительныя извлеченія изъ него можно найти въ сочиненіи Н. И. *Тургенева* „La Russie et les Russes", а также въ книгѣ А. Н. *Пыпина:* „Общественное движеніе при Александрѣ I". О Сперанскомъ и о многихъ его проектахъ бу-

лишь вслѣдствіе извѣстныхъ усложненій въ европейской политикѣ, повлекшихъ за собою и памятную для всѣхъ войну 1812 года. Едва-ли впрочемъ какія бы то ни было „свободныя учрежденія" могли оказать особенно „благодѣтельное вліяніе" при неотмѣненномъ еще крѣпостномъ правѣ, а одна только личная „эманципація" крестьянъ, о которой мечтали тогдашніе „аболиціонисты", должна была размножить и въ Россіи безземельный пролетаріатъ. Но тутъ, какъ и во многихъ чисто административныхъ реформахъ этого царствованія, сказывались слабыя стороны западныхъ „либеральныхъ" идей, навѣянныхъ на Александра уже въ ранней юности его наставникомъ, швейцарскимъ философомъ Лагарпомъ, потомъ поддерживавшихся въ немъ нѣкоторыми друзьями - сотрудниками и наконецъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій, перешедшихъ у него въ противоположныя, также *европейскія* крайности — въ „мистическое" и „реакціонное" настроенія. Недаромъ этотъ вѣнценосный самодержецъ въ шутку сравнивалъ нѣсколько легкомысленный „неоффиціальный комитетъ", состоявшій при немъ въ первое время послѣ вступленія на престолъ [62]), съ революціоннымъ „комитетомъ общественнаго спасенія", а впослѣдствіи уже серьёзно увлекался примѣрами Наполеона и Меттерниха, которые находили себѣ ревностныхъ подражателей во многихъ государствахъ тогдашней Европы. Во всякомъ случаѣ первенство, печальное первенство въ разныхъ политическихъ излишествахъ, насиліяхъ и коварствахъ оставалось конечно не за россійскими администраторами или дипломатами, а за ихъ западными „оригиналами", что̀ относится и къ другимъ историческимъ эпохамъ, какъ предъидущимъ, такъ и послѣдующимъ.

детъ сказано въ самомъ курсѣ, при характеристикѣ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, а здѣсь я могу только указать на полезную книгу барона М. А. *Корфа*: „Жизнь графа Сперанскаго".

[62]) О засѣданіяхъ этого „комитета", слагавшагося изъ графа Кочубея, Новосильцева, гр. Строганова и князя Ад. Чарторыскаго, велись особые протоколы, значительная часть которыхъ воспроизводится въ в. н. сочиненіи г. *Богдановича*, въ приложеніи ко II главѣ перваго тома.

Между тѣмъ новая „счастливая случайность", давно уже немыслимая на Западѣ, дала русскому и не одному только русскому народу—*Царя-Освободителя*, мирно надѣлившаго всю массу прежнихъ крѣпостныхъ крестьянъ казенною и помѣщичьею землею, которой ни за что не уступила бы имъ какая нибудь европейская буржуазія. Чтобы оцѣнить все значеніе такой „аграрной" политики, достаточно вспомнить напримѣръ, какъ французское „третье сословіе" съ шумомъ и трескомъ провозглашало извѣстные „великіе принципы", допускало по этому случаю всевозможныя насилія надъ дворянствомъ и церковью, а само скупало по удешевленной цѣнѣ конфискованныя „національныя имущества", — какъ оно заключало временные наступательные союзы съ дикою городскою чернью, потомъ подвергало эту „святую сволочь (la sainte canaille)" внезапнымъ, предательскимъ разстрѣляніямъ и наконецъ обращало всѣ пріобрѣтенія той или другой „достославной революціи" въ свою исключительную пользу. — Императоръ Александръ II, воспитанникъ русскаго поэта Жуковскаго, учившаго „быть на тронѣ человѣкомъ", съ дѣтства усвоилъ себѣ гуманнѣйшія стремленія, которыя старался провести и въ самую жизнь, притомъ уже въ жизнь цѣлой Россіи. Новое устройство крестьянскаго быта сопровождалось введеніемъ всесословныхъ земскихъ учрежденій и гласнаго судопроизводства съ присяжными, изъятіемъ столичной печати отъ предварительной цензуры и другими реформами, задуманными въ томъ-же *освободительномъ* духѣ [63]). Много было сдѣлано въ это царствованіе и для общественнаго образованія, въ частности и для образованія женскаго, солидностью котораго Россія можетъ отчасти уже гордиться и передъ западною Европою и передъ сѣверною Америкою. Нѣкоторыя вполнѣ документальныя свѣдѣнія [64]) пока-

---

[63]) См. напр. книгу г. *Головачева*: „Десять лѣтъ реформъ (1861—1871)", гдѣ сдѣлана и критическая оцѣнка важнѣйшихъ преобразованій. Болѣе спеціальныя изслѣдованія мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

[64]) Они приведены между прочимъ въ недавно вышедшей книгѣ

зываютъ, насколько самое освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было вызвано и ускорено личною волею покойнаго государя Александра Николаевича, — волею, которая при другой формѣ правленія могла-бы встрѣтить себѣ противодѣйствіе въ иныхъ вліятельнѣйшихъ слояхъ общества.

Для насъ важны однако не „формы правленія", которымъ мы уже въ общемъ курсѣ отказались придавать, по примѣру разныхъ ученыхъ „юристовъ", рѣшительное и даже просто типическое для государственной жизни значеніе. Научной оцѣнкѣ подлежитъ не тотъ или другой абстрактный „типъ" государства, а вся совокупность какъ юридическихъ, такъ и фактическихъ отношеній, существующихъ въ отдѣльныхъ странахъ между *властью* и *обществомъ*, причемъ каждый изъ этихъ двухъ сложныхъ элементовъ долженъ быть по возможности разлагаемъ на свои простѣйшія составныя части. Въ такомъ разложеніи или анализѣ будетъ заключаться все наше дальнѣйшее изложéніе „русскаго государственнаго права"; здѣсь-же мы ограничимся только общею синтетическою характеристикою данныхъ отношеній, на которую наводятъ нѣкоторые отмѣченные выше западническіе взгляды. — Что Петербургская политика не всегда „тормозила" общественное развитіе, а часто напротивъ оказывала ему положительное содѣйствіе или по крайней мѣрѣ подготовляла, воспитывала общество къ гражданской, отчасти и политической свободѣ, — это доказываютъ уже приведенныя нами черты новѣйшей русской исторіи. Къ нимъ можно было-бы присоединить еще многія другія, взятыя и изъ другихъ царствованій. Но и само общество въ свою очередь воздѣйствовало на государственную власть, что сообщало Россійскому самодержавію тотъ въ высшей степени своеобразный оттѣнокъ, который рѣзко отличалъ его не только отъ „татар-

---

проф. *Иванюкова*: „Паденіе крѣпостного права въ Россіи." Ср. также трудъ г. *Скребицкаго*: „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II" и печатавшіяся въ „Русской Старинѣ" записки сенатора Я. *Соловьева* о томъ-же предметѣ.

скаго", но и отъ „нѣмецкаго" абсолютизма, просвѣщеннаго и непросвѣщеннаго. Даже учрежденія и формы, прямо заимствованныя отъ Запада, сильно видоизмѣнялись на русской почвѣ, подъ вліяніемъ новой общественной среды [65]). Чтобы составить себѣ сколько-нибудь правильное понятіе объ этой *средѣ* и о ея вліяніи на политику, необходимо различать въ ней не менѣе трехъ главныхъ элементовъ, существенно различныхъ по своимъ политическимъ нравамъ. Мы имѣемъ въ виду: *во первыхъ* — массу т. н. „простого народа", мало культурную въ европейскомъ смыслѣ слова, *во вторыхъ* — весь образованный слой русскаго общества или т. н. „интеллигенцію" и *въ третьихъ* — спеціальное населеніе нѣкоторыхъ „окраинъ" Имперіи. Каждый элементъ приходится разсматривать отдѣльно, по многимъ причинамъ, которыя выяснятся отчасти изъ самаго разсмотрѣнія.

Что касается *народной массы*, то она постоянно обнаруживала свою крѣпкую, но весьма лишь отдаленную связь съ основнымъ источникомъ власти, который издавна все болѣе и болѣе возвышался надъ нею, не оставляя при этомъ даже промежуточныхъ инстанцій, способныхъ достойно представлять и такъ сказать „популяризировать" собою идею политическаго верховенства. Конечно между двумя крайними полюсами русской государственности — между крестьянскимъ „міромъ" и императорскимъ „самодержавіемъ" — всегда помѣщался въ качествѣ необходимаго посредника цѣлый общественный слой — именно привилегированное, преимущественно „служилое" сословіе. Но оно скорѣе представляло собою то почти непроницаемое „средо-

---

[65]) Такое видоизмѣненіе обусловливалось не только народными свойствами, но отчасти и размѣрами самой государственной территоріи. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ англійскаго логика *Бэна*, что „обладаніе абсолютною властью, будетъ-ли это въ большомъ или маленькомъ государствѣ, производитъ замѣчательно однообразныя послѣдствія" (см. извлеченіе изъ „Дедуктивной и индуктивной логики" въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" за 1882 годъ: іюнь, стр. 219).

стѣніе", о которомъ заговорили и новѣйшіе славянофилы, какъ о главномъ препятствіи для патріархальнаго „единенія" народа съ „Земскимъ Царемъ". Несомнѣнно, что лица, принадлежавшія къ этому сословію, были во многихъ отношеніяхъ совершенно оторваны отъ „земли", являлись въ глазахъ народа т. н. „господами" и внушали къ себѣ, при нѣкоторомъ наружномъ почтеніи, большое внутреннее нодовѣріе. Насколько эти „господа" сами ограждались тѣми или другими искусственными, условными границами отъ смѣшенія съ „простонародьемъ", настолько-же народная жизнь въ свою очередь была *естественно* ограждена отъ ихъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ вторженій. Въ западной Европѣ бюрократія становилась до извѣстной степени „популярною" или по крайней мѣрѣ „вездѣсущею" уже потому, что оттѣсняла и замѣняла собою прежнее феодальное господство, дававшее ей готовую почву, — тогда какъ въ Россіи господствовало въ политическомъ смыслѣ собственно только само правительство, которое, со всѣмъ своимъ военно-административнымъ аппаратомъ, не проникало, да и не могло проникать въ глубину народной жизни, раскинутой на огромныхъ пространствахъ съ рѣдкимъ населеніемъ. Крестьянскія общины, такъ легко уступавшія давленію королевскаго абсолютизма во Франціи и въ Германіи, являлись у насъ какъ-бы естественнымъ предѣломъ государственнаго вмѣшательства. Ихъ выборныя „мірскія" власти не подвергались систематическому уничтоженію, а напротивъ — служили необходимѣйшимъ орудіемъ для разныхъ правительственныхъ воздѣйствій. Эти воздѣйствія долго ограничивались одними фискальными и отчасти еще нѣкоторыми полицейскими мѣрами, причемъ не только въ селахъ, но и въ городахъ наша внѣшняя *государственная полиція*, съ ея „фискалами", „магистратами" и т. п. учрежденіями, не была такою „душою гражданства", какою представлялась она напримѣръ иностранцу Фику, „списавшему" для Петра Великаго остзейскіе городскіе „регламенты" [66]). „Госу-

---

[66]) См. „Регламентъ Главнаго Магистрата", 1721 года, гдѣ встрѣчается между прочимъ такое опредѣленіе: „Полиція есть душа

дарство", извлекавшее свои громадныя матерьяльныя силы и средства изъ т. н. „податныхъ сословій", не успѣвало вознаграждать ихъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ своими духовными дарами. Многія „общія" законодательныя постановленія, наполнившія собою обширные сборники, никогда не распространялись на массу населенія и не могли вытѣснить дѣйствовавшаго у крестьянъ *обычнаго права*, которое получило въ Россіи особенно широкое фактическое значеніе, а отчасти и юридическое признаніе. Даже самыя повидимому „коренныя" государственныя мѣропріятія, такъ или иначе опредѣлявшія весь ходъ русской исторіи, передѣлывавшія иногда всю жизнь высшихъ сословій, лишь косвенно и притомъ слабо отражались на внутренней сторонѣ народнаго быта. Послѣдній слагался и развивался вообще довольно независимо отъ всякой „внутренней политики", такъ какъ былъ почти совершенно изолированъ отъ нея, благодаря извѣстному „раздвоенію земли и государства".

Отсюда понятно, почему въ нашемъ „простомъ народѣ" всѣ высшія политическія представленія по необходимости должны были носить крайне отвлеченный и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленный характеръ. Сами по себѣ они мало говорили воображенію, не вызывали въ немъ достаточно яркихъ образовъ и естественно соединялись въ умѣ съ болѣе привычными элементами религіознаго сознанія, которое, какъ уже показано выше, также отличалось у насъ особенно слабымъ развитіемъ. По справедливому и остроумному замѣчанію одного изъ умершихъ русскихъ писателей, самое понятіе о Богѣ сводилось народомъ къ понятію о „Царѣ небесномъ", между тѣмъ какъ обладатель верховной государственной власти представлялся чѣмъ-то въ родѣ земного Бога. Въ старой русской пословицѣ: „до Бога высоко, до Царя далеко"—прямо рисуется то въ высшей степени *отдаленное* отношеніе, которое имѣли обѣ эти идеи къ обыденной народной жизни. Постоянное ихъ сопоставленіе

гражданства и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности" (первое Полн. Собр. Зак., № 3708, глава X).

поражало уже нѣкоторыхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ Московскомъ періодѣ [67]). Оно-же засвидѣтельствовано и извѣстнымъ крестьяниномъ-литераторомъ Петровскаго времени — Иваномъ Посошковымъ, въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ", гдѣ говорится между прочимъ (глава IX: „о царскомъ интересѣ"), что „мы (русскіе) своего монарха почитаемъ яко Бога и .... волю его всеусердно исполняемъ", — что „онъ, нашъ государь, подобенъ Богу .... въ своей державѣ яко Богъ" и т. д. По одному новѣйшему свидѣтельству [68]) наши крестьяне представляли себѣ „Царя-батюшку" идеальнымъ сельскимъ хозяиномъ, у котораго „болитъ сердце" при видѣ, какъ дурно распоряжаются своею землею отдѣльные помѣщики. Вообще такое благоговѣйно-любовное отношеніе народа къ *идеѣ* монархической власти не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ суевѣрнымъ и потому слѣпымъ „обожаніемъ", которымъ нѣкогда пользовались со стороны своихъ подданныхъ напримѣръ хоть „божественные" цезари древняго Рима, а впослѣдствіи разныя „христіаннѣйшія", „апостолическія" и иныя величества европейскаго Запада. Народное поклоненіе Россійскимъ Императорамъ — въ сущности самымъ „свѣтскимъ" изъ всѣхъ государей — являлось скорѣе нѣкоторымъ поклоненіемъ „невѣдомому Богу", не только не унижавшимъ, но даже возвышавшимъ духъ людей и не требовавшимъ притомъ никакихъ человѣческихъ жертвоприношеній. Оно допускало повидимому довольно справедливую, а главное — вполнѣ реальную оцѣнку многихъ правительственныхъ мѣръ, хотя-бы по Карамазовской формулѣ: „Бога пріемлю, но *міра* Его не принимаю". Подобная оцѣнка встрѣчается уже въ упомянутомъ сочиненіи Посошкова, который „всѣ пакости и непостоянства" объясняетъ тѣмъ, что „великій нашъ монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, по-

---

[67]) Ср. напр. отзывы Герберштейна, Антонія Поссевина, Флетчера и Горсея, на которыхъ ссылается проф. *Романовичъ-Славатинскій* въ своемъ „Пособіи для изученія русскаго государственнаго права" (Вып. I, стр. 23 сл.).

[68]) См. „Письма изъ деревни" А. Н. *Энгельгардта*.

тому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору аще и самъ-десятъ тянетъ, да подъ гору милліоны тянутъ, то какъ дѣло его споро будетъ?" Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своей „Правдѣ воли монаршей", написанной еще при Петрѣ Великомъ, замѣчаетъ не безъ прискорбія, что „въ народѣ обрѣтаются такъ непокойныя головы и страстію прекословія свербящая сердца́, что никаковаго уставленія, отъ державной власти произносимаго, похвалити не хотятъ". Такъ называемый „протестъ народной правды" выразился тогда и на практикѣ — въ усиленной раскольничьей колонизаціи [69]). Выражался онъ и впослѣдствіи — въ болѣе или менѣе рѣзкихъ формахъ. Не въ „протестѣ" однако была главная сила.

Главная сила заключалась въ томъ, что русскій *мужикъ* (я говорю о мужикѣ великорусскомъ, мнѣ болѣе знакомомъ), выносившій на своихъ плечахъ тяжелое бремя разныхъ государственныхъ повинностей (въ томъ числѣ и крѣпостную зависимость отъ „служилыхъ" помѣщиковъ), но сравнительно мало подвергавшійся частному господству, не успѣлъ выработать въ себѣ глубокіе рабскіе инстинкты, на которыхъ донынѣ держались всѣ историческія цивилизаціи. Такіе инстинкты долго воспитывались въ европейскихъ людяхъ мелочною опекою и столь-же мелочнымъ деспотизмомъ какихъ-нибудь феодальныхъ „патроновъ" или католическихъ „духовныхъ врачей". Политическое рабство всосалось въ плоть и кровь средневѣковыхъ „вилэновъ" и „кнехтовъ", а отъ нихъ уже перешло и къ современнымъ, болѣе или менѣе полноправнымъ пролетаріямъ, поставленнымъ въ соціальномъ отношеніи между „молотомъ и наковальнею." Западный „гражданинъ" привыкъ возлагать огромныя надежды на свое „государство", разсматривать его какъ неизсякаемый источникъ разныхъ жизненныхъ благъ — преимущественно въ смыслѣ „хлѣба и зрѣлищъ". Онъ часто бываль недоволенъ предержащими властями, но именно потому, что

---

[69]) Она описана между прочимъ въ статьѣ „Выговскіе піонеры", помѣщенной въ послѣднихъ книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ" за 1884 годъ (мартъ и апрѣль).

вѣчно ожидалъ и требовалъ отъ нихъ какого-то высшаго покровительства или по крайней мѣрѣ содѣйствія всѣмъ своимъ стремленіямъ. И чѣмъ вѣрнѣе осуществлялись (хотя-бы даже революціоннымъ путемъ), подобныя, не всегда основательныя ожиданія и требованія, тѣмъ больше было тутъ нравственнаго униженія для человѣческаго достоинства. Между тѣмъ нашъ сельскій или городской *обыватель*, пріученный обходиться въ удовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей, хозяйственныхъ и духовныхъ, одними собственными средствами, относившійся къ своимъ „господамъ" и къ разнымъ ихъ „затѣйкамъ" съ нѣкоторою довольно ѣдкою ироніей, подчинялся всякому господскому „начальству" только какъ необходимой принудительной силѣ, отъ которой можно получить при случаѣ и матерьяльную поддержку, но въ сущности необязательную и ни къ чему не обязывающую — нѣчто въ родѣ извѣстной прибавки „на чай" или „на водку". Словомъ — въ разныхъ проявленіяхъ земного могущества, столь „импозантныхъ" для каждаго западнаго европейца, *здравый смыслъ* нашего народа видѣлъ, говоря грубо-откровеннымъ „мужицкимъ" языкомъ, собственно только „дубину да полтину" — и съ этой точки зрѣнія готовъ былъ признавать за ними нѣкоторую несомнѣнную пользу въ общежитіи. При такомъ взглядѣ на дѣло человѣкъ не возмущался противъ власти политической, но и не терялъ передъ нею своей нравственной независимости, не ощущалъ „священнаго трепета", не становился „рабомъ въ душѣ" даже тогда, когда его связывали по рукамъ и по ногамъ, чтобы принести въ жертву на алтарѣ далекой государственности. — Зато и *начальство*, въ лицѣ умнѣйшихъ своихъ представителей, не разсчитывало завладѣть самыми „душами" подчиненныхъ ему „обывателей", а сознательно довольствовалось одною внѣшнею дисциплиною, составлявшею дѣйствительную общественную потребность. Это видно отчасти изъ той-же „Правды воли монаршей", которая вошла потомъ въ Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи [70]) и слѣдовательно получила высшую

---

[70]) Первое П. С. З., № 4870.

оффиціальную санкцію. Здѣсь мы читаемъ между прочимъ, что даже „уставы и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ *не просятъ аки-бы свободнаго*, но истязуютъ яко должнаго: истязуютъ-же не токмо страхомъ гнѣва властительскаго, но и страхомъ гнѣва Божія." Такимъ образомъ къ внѣшней государственной санкціи верховныхъ правъ присоединялась лишь обычная и столь-же внѣшняя санкція религіозная, удержанная и въ нашихъ „Основныхъ Законахъ". Надо замѣтить, что Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ іерарховъ православной церкви въ Россіи и въ то-же время отличался вполнѣ свѣтскимъ образованіемъ [71]). При составленіи упомянутаго здѣсь труда, онъ пользовался сочиненіями такихъ, по его словамъ, „изряднѣйшихъ законоучителей", какъ „Гугонъ Гроцій, Ѳома Гоббесъ, Самуилъ Пуффендорфъ" и др. Но хотя эти западные теоретики основывали всякую государственную жизнь на непосредственныхъ природныхъ влеченіяхъ и даже, какъ извѣстно, на взаимномъ „договорѣ" людей, все-же у нашего автора пробивалось иное, болѣе русское отношеніе къ данному вопросу. Его устами сама власть какъ-бы отказывалась отъ традиціонной мечты европейскихъ правителей — отъ мечты о непремѣнной „популярности" своихъ распоряженій; она требовала себѣ вообще только формальнаго повиновенія, „яко должнаго", не справляясь, подобно инымъ свѣтскимъ инквизиторамъ, о внутреннемъ настроеніи повинующихся; въ сознаніи собственной силы и необходимости, она гордо пренебрегала „аки-бы свободнымъ" признаніемъ своего авторитета въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; она не заискивала передъ подданными, — зато и подданнымъ нечего было передъ нею заискивать, а полагалось лишь такъ или иначе сообразовывать свои частныя дѣйствія съ ея общими

---

[71]) Очеркъ его жизни и дѣятельности можно найти въ „Русской исторіи" *Костомарова* (стр. 867 сл.). См. также спеціальныя монографіи гг. *Чистовича* и *Морозова*; г. П. *Полевой* въ своей „Исторіи русской литературы" называетъ Ѳеофана „первымъ нашимъ свѣтскимъ писателемъ" (изд. 1874 г., стр. 234).

приказаніями, сохраняя за собою полную свободу личныхъ мнѣній.

Не менѣе своеобразный характеръ носили отношенія власти къ русскому *образованному обществу*, которое сложилось уже въ Императорскомъ, Петербургскомъ періодѣ, подъ вліяніемъ новой, широкой государственной жизни. Оно долго замыкалось почти исключительно въ средѣ нашего служебнаго дворянства и заимствовало у послѣдняго всѣ свои основныя черты. Важнѣйшіе интересы его членовъ, умственные и отчасти денежные, сосредоточивались обыкновенно въ столицахъ, служившихъ для многихъ и постояннымъ мѣстопребываніемъ. Но, несмотря на свою относительную близость къ центральной политикѣ, это общество почти столь-же мало входило въ непосредственное съ нею соприкосновеніе, какъ и болѣе отдаленная масса населенія. Дѣло въ томъ, что наши образованные дворяне совсѣмъ не походили на западноевропейскихъ аристократовъ, которые прежде господствовали самостоятельно, а потомъ стремились продолжать свое господство въ союзѣ съ побѣдившею ихъ государственною властью, создавая и захватывая въ свои руки разныя вліятельныя въ политическомъ отношеніи должности—правительственныя, сословныя и представительныя. У насъ такихъ вліятельныхъ должностей всегда было сравнительно очень немного, и онѣ доставались лишь немногимъ избраннымъ, а громадному большинству служащихъ приходилось заранѣе отказываться отъ активной роли въ т. н. „высшихъ сферахъ". Для проникновенія въ эти *руководящія правительственныя сферы* требовались совершенно исключительныя общественныя связи или личныя отношенія. Главною приманкою въ погонѣ за успѣхомъ являлось то или другое „доходное мѣсто", доступное и простому смертному, но не дававшее почти никакой пищи для честолюбивыхъ помысловъ. Нечего и говорить, что мѣстное значеніе дворянина-помѣщика, какъ болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца, и даже мѣстные дворянскіе выборы имѣли лишь самое отдаленное отношеніе къ высшей политикѣ. Такимъ образомъ цѣлыя поколѣнія людей эко-

номически обезпеченныхъ и умственно образованныхъ жили *въ сторонѣ* отъ тѣхъ политическихъ интересовъ и страстей, которыми уже съ дѣтства дышали какіе-нибудь англійскіе „виги" или „торіи". Наша привилегированная интеллигенція выросла внѣ этой тлетворной атмосферы, заглушающей многія лучшія человѣческія стремленія, и успѣла выработать въ себѣ довольно опредѣленныя черты новаго, болѣе здороваго общественнаго типа, усвоеннаго отчасти и нашими интеллигентными „разночинцами" новѣйшаго происхожденія.

Спрашивается, что́ оставалось дѣлать обществу, обладавшему извѣстнымъ „философскимъ досугомъ", способному уже вполнѣ сознательно относиться къ государственнымъ вопросамъ, но исторически не призванному къ дѣятельному участію въ политикѣ? Оставалось занять чисто-наблюдательную позицію по отношенію къ высшему правительству и изображать изъ себя нѣчто въ родѣ политической *публики*, т. е. издали слѣдить за ходомъ великой жизненной драмы, высказывая ея главнымъ исполнителямъ свое одобреніе или порицаніе. Такъ именно и поступала русская интеллигенція за весь пока еще краткій періодъ своего существованія. Она уже на первыхъ порахъ проявила большую наклонность къ свободному изслѣдованію въ области практической политики и къ колебанію разныхъ случайныхъ авторитетовъ по этой части. Я не говорю здѣсь о такихъ еще слишкомъ исключительныхъ въ свое время явленіяхъ, какъ „недозрѣлый умъ" Кантемира или Ломоносовская „упрямка", а имѣю въ виду лишь болѣе общіе факты, связанные отчасти съ дальнѣйшимъ развитіемъ „Россійской словесности". Въ Екатерининскомъ „Наказѣ" мы находимъ одну чрезвычайно глубокую и какъ-бы пророческую мысль, которая блистательно оправдывалась на дѣлѣ. Ближайшею задачею „самодержавнаго правленія" императрица считаетъ „славу государства и подданныхъ"; но „отъ сія славы", замѣчаетъ она далѣе, „происходитъ въ народѣ разумъ вольности" [72]). Дѣй-

[72]) Буквальный переводъ съ французскаго: „esprit de liberté",— т. е. собственно „духъ свободы".

ствительно, свободное критическое отношеніе русскихъ образованныхъ людей къ текущимъ государственнымъ дѣламъ начинается именно въ *славное* царствованіе Екатерины, когда повидимому авторитетъ правительства могъ и долженъ былъ стоять особенно высоко во мнѣніи общества. Вмѣсто обычныхъ въ такія эпохи утонченныхъ литературныхъ льстецовъ — à la Boileau при Лудовикѣ XIV — у насъ тутъ-то и появляются первые представители такъ называемой *обличительной* публицистики, въ лицѣ Новикова, Радищева, отчасти Фонъ-Визина и др. [73]). Съ открытіемъ революціонной эры во Франціи они даже замѣтно тревожатъ наше правительство своими черезчуръ „передовыми" идеями и подвергаются нѣкоторому гоненію. Однако созданное ими *общественное мнѣніе* вполнѣ ясно даетъ себя чувствовать въ послѣдующую, „Александровскую" эпоху, которую съ этой стороны удачно характеризуетъ даже поклонникъ болѣе „патріархальной" старины — знаменитый Карамзинъ, написавшій въ соотвѣтствующемъ духѣ свою „Исторію государства Россійскаго". Еще въ „Вѣстникѣ Европы" за 1803 годъ онъ, съ свойственною ему нѣсколько приторною сантиментальностью, объясняетъ, что „уже прошло то время въ Россіи, когда одна милость государева, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго министра въ теченіи его жизни", — что „умы созрѣли въ счастливый вѣкъ Екатерины Второй", — что „теперь лестно и славно заслужить, вмѣстѣ съ милостію государя, и любовь просвѣщенныхъ россіянъ" [74]). Въ позднѣйшемъ своемъ произведеніи — въ „Запискѣ о старой и новой Россіи", поданной императору Александру I, — тотъ-же „исторіографъ" старался выразить завѣтныя политическія тенденціи, сложившіяся у него подъ вліяніемъ многолѣтнихъ наблюденій надъ русскою государственною жизнью и шедшія

---

[73]) О Радищевѣ и Новиковѣ имѣются спеціальныя изслѣдованія профессоровъ: *Сухомлинова* и *Пезеленова*.

[74]) Эти слова Карамзина приведены въ „Историческихъ очеркахъ" г. *Пыпина:* „Общественное движеніе при Александрѣ I", стр. 234.

въ разрѣзъ съ главными реформами тогдашняго царствованія. Но въ подобныхъ „Запискахъ", которыя подавались въ тѣ времена и многими другими лицами, умѣвшими, по Державину, „истину царямъ съ улыбкой говорить", слѣдуетъ видѣть не простыя выраженія какихъ нибудь единичныхъ взглядовъ, а скорѣе отголоски цѣлыхъ совѣщаній, т. е. болѣе или менѣе постоянныхъ частныхъ разговоровъ, происходившихъ въ отдѣльныхъ общественныхъ кружкахъ на разныя темы, мало еще доступныя для печатнаго обсужденія. Разговоры эти были въ свое время отмѣчены нашею художественною литературою. Ихъ общій характеръ особенно вѣрно схваченъ у Грибоѣдова, въ комедіи „Горе отъ ума", списанной, какъ извѣстно, съ дѣйствительныхъ московскихъ нравовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Припомнимъ хоть такое, нѣсколько сатирическое изображеніе:

„А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что слово — приговоръ.
Вѣдь столбовые всѣ, въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что если-бъ кто подслушалъ ихъ — бѣда!"

Положимъ, что эти вольнодумные „старички" только „придерутся къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему", — что они „поспорятъ, пошумятъ — и разойдутся". Но духъ „отцовъ" живетъ и въ *молодомъ поколѣніи*, которое, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, уже не удовлетворяется однимъ шумнымъ фрондёрствомъ и обращается къ „командующимъ классамъ" съ болѣе рѣшительными запросами, въ родѣ слѣдующихъ напримѣръ:

„Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти-ли грабительствомъ богаты?"

Конечно такія „филиппики" могли получать тѣмъ бо́льшій нравственный вѣсъ въ глазахъ самой власти, что раздавались въ привилегированной средѣ общества, наименѣе заинтересованной въ коренномъ измѣненіи существующихъ государственныхъ порядковъ. Нѣчто подобное видимъ мы, правда, и въ са-

лонахъ старой монархической Франціи, столь краснорѣчиво описанной Токвилемъ и Тэномъ [75]). Но вѣдь въ этой Франціи, въ которой господствовалъ „абсолютизмъ, ограниченный эпиграммами", все уже предвѣщало тогда страшную политическую бурю. А у насъ ....

У насъ даже при тяжеломъ для многихъ правленіи императора Николая Павловича мѣткія *эпиграммы* такихъ первостепенныхъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, не производили особенно сильнаго „зажигательнаго" дѣйствія. Столь рѣзкое различіе объясняется не только внѣшними, соціальными, но и внутренними, психологическими причинами. Большинство русскихъ образованныхъ людей, остававшееся въ политикѣ что называется „не у дѣлъ", никогда не отличалось тѣмъ истинно-политическимъ *темпераментомъ*, который слагается обыкновенно изъ двухъ основныхъ свойствъ, повидимому противоположныхъ, но въ сущности тѣсно между собою связанныхъ,— именно изъ крайняго властолюбія, соединеннаго съ крайнимъ же раболѣпствомъ передъ властью. Еще Тацитъ замѣтилъ о Римлянахъ временъ имперіи, что они „во всемъ унижаются ради господства (omnia serviliter pro dominatione)". Глубокое замѣчаніе древняго историка примѣнимо отчасти и къ новѣйшимъ западнымъ европейцамъ, какъ примѣнимы къ нимъ его-же слова о представителяхъ римской общественной мысли, „добивающихся своимъ ученымъ языкомъ владычества надъ дѣлами міра сего (professoria lingua rerum humanarum dominationem expostulantes)". Вѣдь и въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ, несмотря на всѣ преимущества парламентскаго режима, дающаго рѣшительный перевѣсъ т. н. общественному мнѣнію, все таки нѣтъ настоящей политической „публики", — потому что тамъ каждый, сколько нибудь понимающій толкъ въ государственныхъ дѣлахъ, непремѣнно желаетъ быть не

---

[75]) См. извѣстныя сочиненія этихъ авторовъ: *L'ancien régime et la révolution* и *Les origines de la France contemporaine*. Они переведены отчасти и на русскій языкъ.

простымъ зрителемъ, а дѣйствующимъ лицомъ, „актёромъ" въ политикѣ, да и дѣйствительно бываетъ такимъ актёромъ — по крайней мѣрѣ „въ душѣ". Отсюда полнѣйшее пристрастіе въ сужденіяхъ о правительствѣ, сужденіяхъ, которыя произносятся лишь съ предвзятыхъ точекъ зрѣнія, усвоенныхъ различными политическими партіями. Эти партіи постоянно соперничаютъ между собою изъ за власти и вліянія, постоянно переходятъ отъ какой-нибудь систематической оппозиціи къ столь-же систематическому сервилизму, составляющему довольно характерную черту и у самыхъ „непримиримыхъ" революціонеровъ. — Не такъ относилбсь къ политикѣ русское образованное, критически настроенное, но отнюдь не революціонное общество. Оно не вошло во вкусъ политическаго владычества, не „возвысилось" до вліятельной политической роли, — зато и само осталось внутренно почти недосягаемымъ для какого-нибудь моральнаго давленія со стороны „высшихъ сферъ". Извѣстно, какой у насъ установился мало восторженный взглядъ на всякую оффиціальность, „казенщину", а вмѣстѣ съ тѣмъ и на разныя эмблемы внѣшняго почета, на тѣ „знаки отличія", которыми можно еще сильно тронуть сердце и серьёзно „украсить" жизнь любому западному человѣку, хотя-бы и республиканцу. Правительственная власть не находила въ нашей скептической интеллигенціи ни опасныхъ соперниковъ, ни особенно ревностныхъ союзниковъ, и, за отсутствіемъ этой „моральной" оноры, принуждена была во многомъ полагаться лишь на мѣры „спасительной строгости". Но такая *строгость* не развращала, а скорѣе даже нравственно очищала слагавшееся общественное мнѣніе, помогая ему сохранять ту глубокую искренность, на которую — увы! — способенъ именно только нашъ „русскій дилеттантизмъ" въ государственныхъ вопросахъ. — Искренность русскаго ума не стѣснялась даже государственною службою, открывавшею значительный просторъ для самыхъ различныхъ политическихъ убѣжденій, — допускавшею впрочемъ и совершенное ихъ отсутствіе. Недаромъ еще Герценъ замѣтилъ, что „служить въ Россіи не значитъ, какъ во Франціи, — быть агентомъ, âme damnée власти", и въ доказательство сослался

на тотъ фактъ, что „всѣ заговорщики 14 декабря служили". Конечно къ примѣру „декабристовъ" 1825 года [76]) можно было-бы присоединить и множество другихъ, однородныхъ, притомъ новѣйшихъ примѣровъ, подтверждающихъ эту мысль. Тотъ-же Герценъ, нѣкогда самъ „служившій въ Россіи", а затѣмъ, по словамъ его автобіографіи, „жившій вездѣ и со всѣми", утверждалъ, что въ нашей служебной, преимущественно дворянской средѣ образовались „можетъ быть самые независимые люди въ Европѣ". И развѣ такой выводъ не оправдывался до послѣдняго времени? Дѣло въ томъ, что русскіе люди часто дѣлались правительственными *чиновниками* вовсе не „по призванію", а лишь вслѣдствіе матерьяльной нужды или просто „отъ нечего дѣлать", и потому были свободны отъ крайняго сервилизма, которымъ преисполнены на Западѣ не только какія-нибудь „пишущія машины" [77]), но и многіе „народные представители", наперерывъ лакействующіе и вверхъ и внизъ. Страстныя вожделѣнія, вскормленныя въ нихъ духомъ западныхъ политическихъ партій, вполнѣ замѣнялись у насъ холоднымъ разсчетомъ личныхъ выгодъ и столь-же холоднымъ, внѣшнимъ „чинопочитаніемъ". — Съ другой стороны наша своеобразная „оппозиція", пріютившаяся отчасти въ нѣдрахъ самого правительства, т. е. въ рядахъ болѣе или менѣе „высокопоставленныхъ" должностныхъ лицъ, гражданскихъ и военныхъ, также не имѣла узко-партейнаго характера, не основывалась на эгоистическомъ принципѣ: „ôte toi de là, que je m'y mette". Въ основѣ этой, едва-ли не радикальнѣйшей изъ всѣхъ оппозицій лежала скорѣе та истинно-русская черта, которая менѣе сознательно проявлялась, какъ мы видѣли, и въ народной массѣ, — именно глубоко-недовѣрчивое и какъ-бы ироническое отношеніе ко всякой вообще, мелкой и крупной „политикѣ". Его

---

[76]) Изъ нихъ многіе оставили послѣ себя автобіографическія „Записки", печатавшіяся въ различныхъ изданіяхъ.

[77]) Такъ назвалъ нѣмецкихъ чиновниковъ извѣстный прусскій министръ баронъ Штейнъ († 1831) въ одной изъ своихъ дѣловыхъ записокъ.

можно прослѣдить и въ новѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ, — особенно тамъ, гдѣ разныя „европейскія иллюзіи" рѣшительно уступали свое мѣсто нашему трезвому житейскому реализму, находившему себѣ относительно болѣе свободное выраженіе въ печати. Таковы уже „насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами" въ безсмертныхъ басняхъ Крылова; таковы „Ревизоръ" и „Мертвыя души" великаго смѣхотворца Гоголя; таковы нѣкоторые романы Гончарова и Писемскаго, нѣкоторыя комедіи Островскаго и другія отрицательныя изображенія русскихъ общественныхъ нравовъ; таковы болѣе положительные историческіе образы, столь художественно развѣнчанные авторомъ „Войны и мира"; таковы наконецъ „Губернскіе очерки", „Помпадуры и помпадурши", „Господа Ташкентцы", „Благонамѣренныя рѣчи" и прочія сатиры Щедрина, разрушившія своимъ „рабьимъ языкомъ" не одну политическую фантазію. Вездѣ такъ или иначе сказывалось отсутствіе слѣпой вѣры въ творческую силу какой-бы то ни было „оффиціальной" дѣятельности. Подобное настроеніе литературы и даже всей почти читающей „публики" конечно не мѣшало общему ходу этой дѣятельности, часто въ высшей степени благотворной. Но оно способно было отнимать у иныхъ „сильныхъ міра" по крайней мѣрѣ излишнюю самоувѣренность, — вселять въ нихъ извѣстнаго рода „стыдъ", далеко не всегда „ложный" и дѣйствовавшій подчасъ вѣрнѣе всякаго „страха іудейска". — Такимъ образомъ „абсолютно-самодержавная" Россія представляла собою сравнительно менѣе благопріятную почву для какихъ нибудь убѣжденныхъ бюрократовъ и упорныхъ милитаристовъ — въ родѣ знаменитаго графа Аракчеева, чѣмъ напримѣръ „лжеконституціонная" Европа, съ ея Наполеонами и Бисмарками [78]). Здѣсь разные „доктринёры", „бонапар-

---

[78]) Сущность и свойства западноевропейскаго „лжеконституціонализма" подробно разсматривались въ нашемъ общемъ курсѣ. Они-же составляли главный предметъ изслѣдованія въ послѣднихъ двухъ главахъ моего сочиненія: „Государственная власть въ европейскомъ обществѣ."

тисты" и другіе развязные дѣятели той-же „школы" должны были бороться съ революціонными стремленіями, но зато могли встрѣчать или хоть „фабриковать" себѣ нѣкоторое общественное сочувствіе. А наша глубокая политическая „разочарованность" ставила-бы этихъ господъ не столько въ „убійственное", сколько просто въ „смѣшное" положеніе, которое въ концѣ концовъ всего лучше доказывало, какъ трудно, выражаясь словами великой государыни, „лишить людей ихъ естественной свободы" — тамъ, гдѣ такая свобода дѣйствительно существуетъ въ самыхъ нравахъ общества.

Повидимому главными разсадниками бюрократизма и милитаризма являлись нѣкоторыя *окраины Россіи,* напоминавшія — по своему историческому прошлому и по характеру своего общественнаго устройства — или патріархальную Азію или феодально-буржуазную Европу. Однако и тутъ русская государственность, будучи довольно чуждымъ для мѣстнаго населенія элементомъ, получила не разлагающее, а широкое освободительное значеніе. Она вездѣ съ бо́льшею или меньшею рѣшимостью становилась на сторону „труждающихся и обремененныхъ" народныхъ массъ, стараясь *избавить* ихъ отъ гнета высшихъ сословій, которыя составляли обыкновенно потомство прежнихъ иноземныхъ завоевателей [79]). Подобною-же цѣлью задавалась нѣкогда „единая и нераздѣльная республика", выросшая изъ первой французской революціи и ввѣренная потомъ воинственному императору; но въ ея программу входила чуть-ли не всеобщая соціально-политическая „нивеллировка" по извѣстному парижскому шаблону, сочиненному генераломъ Лафайетомъ и аббатомъ Сійесомъ, причемъ забывалось даже древнеримское правило: „divide et impera", послужившее отчасти и Бонапартовскому деспотизму. Между тѣмъ наша обширная

---

[79]) Эта важная сторона вопроса, отмѣченная уже первыми славянофилами, затрогивается и въ вышедшей недавно брошюрѣ г. *Коялловича*: „Историческая живучесть Русскаго народа и его культурныя особенности", которая написана также въ славянофильскомъ духѣ.

и могущественная Имперія всегда допускала въ своихъ предѣлахъ многочисленныя *изъятія* или частныя отступленія отъ общаго государственнаго порядка, — разные мѣстные обычаи и областные законы, принаровленные къ тѣмъ или другимъ культурнымъ особенностямъ отдѣльныхъ племенъ и національностей. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно оригинальны напримѣръ разнообразныя льготы и привилегіи, дарованныя русскимъ законодательствомъ многимъ восточнымъ, преимущественно сибирскимъ инородцамъ — „доколѣ ихъ дикіе нравы не смягчатся" [80]). Замѣчательно также, что самыя формы нашего „полицейскаго государства" не проникали въ иныя сѣверозападныя, неславянскія области, гдѣ — благодаря укоренившейся вѣками европейской „цивилизаціи" — и безъ того почти каждый „гражданинъ" какъ-бы носилъ въ душѣ свою собственную „полицію". Наконецъ нѣкоторыя „окраины" уже одними пространствами и разстояніями, отдѣлявшими ихъ отъ руководящихъ политическихъ центровъ, были въ сущности застрахованы отъ односторонніхъ „культуртрэгерскихъ" вліяній, которыя могли имѣть полный успѣхъ развѣ только въ „мѣстахъ не столь отдаленныхъ" и пускались въ ходъ кое-гдѣ лишь въ качествѣ необходимой оборонительной мѣры противъ таковыхъ-же вліяній со стороны болѣе притязательнаго чѣмъ просвѣщеннаго Запада, — а сами по себѣ они мало соотвѣтствовали дѣйствительнымъ вкусамъ и привычкамъ русскаго общества. Этимъ не исключалось однако естественное *взаимодѣйствіе* между различными народностями, служившее, какъ мы уже видѣли, однимъ изъ главныхъ двигателей россійскаго и связаннаго съ нимъ общечеловѣческаго прогресса. Примѣняя сюда основныя понятія новѣйшей соціологіи, мы можемъ сказать,

---

[80]) См. *Сводъ Законовъ*, томъ IX, изд. 1876 года, ст. 835 и сл.: „О состояніи инородцевъ"; ср. также въ „Особомъ приложеніи" къ этому тому „Положеніе о Башкирахъ", „Положеніе о крестьянахъ Закавказскаго края" и др., а во второй части II тома (изд. 1857 г.) — особенное „Учрежденіе управленія инородцевъ", со всѣми продолженіями къ нимъ.

что высшая политическая „интеграція" обусловливалась у насъ именно высшею политическою „дифференціаціею", значительно спеціализировавшею всѣ отправленія нашего общественнаго „аггрегата" [81]). Во всякомъ случаѣ на широкомъ просторѣ, открываемомъ *всероссійскою* государственною жизнью, каждая — даже мелкая народность могла разсчитывать на болѣе мирное, свободное и самобытное развитіе, чѣмъ напримѣръ въ странѣ подлинныхъ „культуртрэгеровъ" или подъ сѣнью какихъ нибудь „британскихъ интересовъ", всецѣло господствовавшихъ въ Ирландіи, въ Индіи, въ средней Азіи и т. д. И что-же? Тогда какъ многія англійскія колоніи, съ англійскими-же переселенцами, стремились въ новѣйшее время отложиться, по примѣру сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, отъ своей далеко не безкорыстной метрополіи, — у насъ до сихъ поръ не прекращались добровольныя присоединенія къ Имперіи цѣлыхъ новыхъ и притомъ иноплеменныхъ областей на дальнемъ Востокѣ. Смѣю думать, что и населеніе западныхъ окраинъ не всегда относилось къ Русскому государству съ тою сознательною и глубокою враждебностью, которую обнаруживали даже наиболѣе трезвые представители политической мысли за границею [82]).

Всѣ изложенные нами факты и соображенія достаточно, кажется, опровергаютъ ту западническую мысль, что въ Россіи „абсолютизмъ" правительства ограничивался на практикѣ

---

[81]) Считаю нелишнимъ замѣтить, что тутъ, какъ и въ общемъ курсѣ, я далёкъ отъ т. н. „органическихъ" воззрѣній на государственную жизнь, весьма распространенныхъ въ западной наукѣ, но всего менѣе примѣнимыхъ именно къ Россіи и осужденныхъ нами даже у такого передового мыслителя, какъ Гербертъ Спенсеръ.

[82]) Ср. напр. сочиненіе прусскаго „реалиста" Константина *Франца:* „Die Naturlehre des Staates, als Grundlage aller Staatswissenschaft" (изд. 1870 г., стр. 433 сл.), значительная часть котораго переведена на русскій языкъ; *его-же:* „Die Weltpolitik", 1882; Ю. *Фрёбеля:* „Gesichtspunkte und Aufgaben der Politik", 1878, стр. 456, 464 сл.; и проч.

только чиновничьими „взятками", — хотя и онѣ (нѣтъ худа безъ добра!) могли имѣть въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣкоторое „искупительное" значеніе. Странно впрочемъ и указывать на наше относительно ничтожное „взяточничество" — въ виду тѣхъ ужасающихъ размѣровъ, въ какихъ примѣнялся *подкупъ* къ важнѣйшимъ отправленіямъ западноевропейской, а также и сѣвероамериканской общественной жизни, гдѣ напримѣръ мѣста въ представительныхъ собраніяхъ чуть не обязательно оплачивались заранѣе опредѣленными, довольно крупными денежными суммами и гдѣ самыя сдѣлки съ избирателями совершались извѣстнымъ „машиннымъ" способомъ [83]). И къ современному цивилизованному Западу могли-бы относиться приведенныя у Саллюстія слова Югурты о древнемъ Римѣ, что „этотъ городъ — продаженъ и скоро погибнетъ, если найдетъ себѣ покупщика (urbem venalem esse et mature perituram, si emptorem invenerit)". Ближайшимъ источникомъ такой „продажности" всегда было крайнее соціальное неравенство людей, сопровождавшееся вообще усиленною порчею нравовъ: недаромъ какъ по латынѣ, такъ и на новыхъ романо-германскихъ нарѣчіяхъ эта „порча (corruption)" означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и политическій „подкупъ". Но главная, психологическая причина даннаго явленія коренилась глубже, въ характерѣ самой „цивилизаціи", — именно въ неизбѣжномъ, при успѣхахъ умственнаго развитія, колебаніи тѣхъ традиціонныхъ догматовъ, которые повидимому одни только и способны сдерживать эгоистическую натуру западнаго человѣка въ опредѣленныхъ нравственныхъ границахъ и потому должны считаться дѣйстви-

---

[83]) Въ Соединенныхъ Штатахъ участіе въ политикѣ давно уже разсматривается какъ нѣкоторая выгодная „афера"; исходъ политическихъ выборовъ опредѣляется здѣсь борьбою партій, которая требуетъ прежде всего значительныхъ денежныхъ затратъ, причемъ всякая партейная клика, завѣдывающая покупкою и продажею избирательныхъ голосовъ, носитъ характерное техническое названіе: „machine". Это обстоятельство было уже указано нами въ общемъ курсѣ, въ связи съ другими, аналогическими явленіями изъ американской и европейской государственной практики.

тельными „основами" европейской государственности. Многіе люди, воспитанные въ подобныхъ догматахъ, не выдерживающихъ ни научной, ни практической провѣрки, легко теряютъ всякую въ нихъ вѣру, причемъ, разъ привыкнувъ подчинять свои дѣйствія какимъ-нибудь „разумнымъ цѣлямъ" и не находя въ душѣ своей ничего достовѣрнаго, кромѣ разныхъ корыстныхъ мечтаній, возводятъ грубый матерьяльный разсчетъ въ новый, единственный и уже непоколебимый *принципъ* своего поведенія, становятся т. н. „рыцарями матерьяльной наживы". Конечно ни одно общество не могло-бы даже существовать, если-бы оно состояло исключительно только изъ такихъ принципіальныхъ хищниковъ, если-бы въ немъ не оставалось достаточнаго количества членовъ съ иными, болѣе „альтруистическими" (хотя-бы въ Контовскомъ смыслѣ) принципами. И вотъ эта „наивная" толпа, продолжающая слѣпо вѣровать въ разные „божескіе и человѣческіе законы", дѣлается обыкновенно жертвою самой безбожной и безчеловѣчной эксплуатаціи. Ради нея проповѣдуется и та узкая, *бездушная* „мораль", которая съ безпощадною строгостью осуждаетъ каждый мелкій грѣшокъ и въ то-же время допускаетъ безнаказанное проявленіе болѣе крупнаго грѣховодничества „въ предѣлахъ закона". Послѣднее всегда находило себѣ молчаливое оправданіе или даже прямое одобреніе и въ церквяхъ, и въ школахъ, и въ судахъ, и въ парламентахъ западной Европы Противъ него возставали лишь одинокіе мыслители, въ родѣ „униженнаго и оскорбленнаго" Жанъ-Жака Руссо, безпокойнаго „нечестивца" Прудона, мрачнаго „эксцентрика" Карлейля или мечтательнаго „соціалиста" Дюринга.

Иное дѣло въ Россіи, которой, при отсутствіи общедоступной политической жизни и рѣзкихъ соціальныхъ различій, недоставало и внутреннихъ, психологическихъ условій для глубокой нравственной испорченности. Начать съ того, что связывающая всѣхъ европейскихъ дѣятелей малодушная боязнь т. н. „скандала" не вполнѣ овладѣвала у насъ и „высшими сферами", когда что-нибудь могло ихъ „компрометтировать". Если напри-

мѣръ Московскіе цари не стѣснялись открыто преслѣдовать своихъ „изворовавшихся" воеводъ, то и Петербургское правительство не разъ объявляло во всеуслышаніе о творившихся въ непосредственно подчиненной ему средѣ „неправдахъ и хищеніяхъ". Такія объявленія могли дѣлаться съ тѣмъ бо́льшею откровенностью, что сами по себѣ не возбуждали особенно сильныхъ и часто безполезныхъ „взрывовъ общественнаго негодованія". Наше въ высшей степени *свѣтское* и притомъ *безпринципное* [84]) общество довольно спокойно смотрѣло на „казенные" убытки, пока не сознавало ихъ прямой связи со многими частными интересами. Всего менѣе обижалось оно на иныхъ мелкихъ „взяточниковъ", которымъ, по Гоголевскому выраженію, „казеннаго жалованья не хватало на чай и на сахаръ". Справедливо было замѣчено, что и въ самыхъ отъявленныхъ нарушителяхъ установленнаго государственнаго порядка русскій народъ видѣлъ не столько „преступниковъ", заслуживающихъ строгаго наказанія, сколько „несчастныхъ", достойныхъ искренняго сожалѣнія. Эта народная черта проявилась отчасти и въ извѣстномъ безразлично-сострадательномъ отношеніи русской „публики" къ наиболѣе „заблуждавшимся" изъ ея членовъ. Подобная неразборчивая снисходительность къ людямъ вообще не переходила однако въ безусловную „апоѳеозу" человѣческихъ пороковъ или ошибокъ. Она не основывалась на какихъ нибудь „разрушительныхъ ученіяхъ", а зависѣла скорѣе только отъ малаго знакомства нашей во многомъ еще *темной* массы (едвали впрочемъ уступавшей въ этомъ отношеніи другимъ, западноевропейскимъ „массамъ") съ данными какой-нибудь „политической экономіи" или „юриспруденціи". Сознаніе разныхъ экономическихъ и юридическихъ законовъ, управляющихъ государственною жизнью, не могло быть навязано всему нашему обществу извнѣ — въ видѣ готовой клерикальной формулы или буржуазной доктрины; оно должно было развиваться въ русскихъ

---

[84]) Условный смыслъ, который мы придаемъ этимъ не совсѣмъ точнымъ выраженіямъ, отчасти уже разъяснялся нами выше (ср. стр. 14 и 40).

людяхъ болѣе самостоятельнымъ путемъ — подъ вліяніемъ *положительной науки* [85]), дающей вмѣстѣ съ тѣмъ и новый, болѣе вѣрный критерій для оцѣнки общественныхъ дѣятелей. Критерій этотъ заключается не въ пошлыхъ моральныхъ сентенціяхъ, а въ трезвомъ и широкомъ пониманіи дѣйствительныхъ жизненныхъ потребностей, дѣйствительной государственной пользы и дѣйствительнаго государственнаго вреда. Только такое пониманіе и основанный на немъ контроль человѣческихъ поступковъ могутъ оградить народъ отъ систематическаго эксплуататорства, которое притомъ и несовмѣстимо съ полною „безпринципностью", смѣло отвергающею всякіе произвольные догматы — въ томъ числѣ и хищническіе „принципы". Реалистическая русская мысль наиболѣе способна выработать не только матерьяльно, но и нравственно *неподкупное* общественное мнѣніе, зорко охраняющее каждую слабую личность, составляющее самую лучшую „гарантію" и противъ политическаго произвола. Безъ этой основной гарантіи любое „раздѣленіе властей" останется лишь весьма неудовлетворительною и, какъ уже объяснено въ нашемъ общемъ курсѣ, чрезвычайно неопредѣленною, абстрактною схемою.

---

[85]) Такая наука соотвѣтствуетъ, по знаменитому ученію Огюста Конта, лишь послѣднему и высшему „фазису" умственнаго развитія. Извѣстно впрочемъ, что самъ авторъ „Курса позитивной философіи" и „Системы позитивной политики" (онъ-же — „первосвященникъ человѣчества") далеко еще не освободился отъ „метафизическихъ", даже отъ „теологическихъ" пріемовъ мышленія, — не освободилъ отъ нихъ и многихъ своихъ послѣдователей въ западной Европѣ, вольныхъ и невольныхъ. Ужъ не входитъ-ли подобное *освобожденіе* въ спеціальное призваніе именно *русской* науки? На этотъ важный вопросъ, затрогивавшійся нами и въ общемъ курсѣ, я надѣюсь дать хотя частный, но подробный отвѣтъ въ предпринятомъ мною сочиненіи о „коренныхъ вопросахъ соціально-психологической политики". — Хорошимъ примѣромъ, отчасти подтверждающимъ мою мысль, можетъ служить недавно изданный трудъ Н. И. *Кареева*: „Основные вопросы философіи исторіи. Критика историософическихъ идей и опытъ научной теоріи историческаго прогресса."

На основаніи всего сказаннаго мы позволяемъ себѣ утверждать, что русская государственная жизнь въ своемъ историческомъ развитіи подготовила особенно благопріятныя условія для разрѣшенія нѣкоторыхъ въ высшей степени важныхъ вопросовъ общежитія, надъ которыми издавна и мучительно трудится мысль человѣческая. Отдавая всю должную справедливость геройскимъ усиліямъ этой мысли на культурномъ Западѣ, я не могу не высказать того убѣжденія, что дѣйствительное сочетаніе „порядка и свободы", „единства и разнообразія" едвали осуществимо тамъ даже въ самыхъ передовыхъ „республикахъ" — будутъ-ли онѣ „едиными и нераздѣльными", или хоть „федеративными" —, пока кореннымъ образомъ не измѣнятся какъ соціальныя, такъ и психологическія основы данной государственности, — пока онѣ не измѣнятся именно въ „русскомъ духѣ". Вотъ почему не только о прошедшемъ и настоящемъ, но и о будущемъ великой Россійской Имперіи странно судить по нынѣшнимъ западнымъ шаблонамъ и фасонамъ, представляющимъ собою во многихъ отношеніяхъ лишь болѣе сложныя варьяціи на элементарныя „классическія" темы, о которыхъ и теперь трактуется въ разныхъ учебникахъ „государственнаго права" почти также, какъ трактовалось еще въ „Разговорахъ" Платона и въ „Политикѣ" Аристотеля. Новое и въ полномъ смыслѣ слова оригинальное содержаніе русской жизни требуетъ и новыхъ, истинно *самобытныхъ* формъ, хотя при построеніи ихъ необходимо имѣть въ виду всю предшествующую эволюцію человѣческихъ обществъ. — Конечно и у насъ возможны разныя естественныя и искусственныя препятствія или по крайней мѣрѣ задержки на пути къ дальнѣйшему государственному развитію. Но устраненіе ихъ составляетъ скорѣе вопросъ времени, чѣмъ задачу упорной политической борьбы. Къ современной, а тѣмъ паче къ грядущей Россіи всего менѣе примѣнимо „мудрое" правило, извлеченное итальянскимъ патріотомъ Макіавелли изъ древней римской исторіи, оправдывавшееся и позднѣйшими западноевропейскими примѣрами, — правило, по которому „хорошіе законы рождаются изъ нѣкоторыхъ вол-

неній, многими неосмотрительно проклинаемыхъ" [86]). Во первыхъ — никто сильнѣе насъ не извѣдалъ на опытѣ безсиліе какихъ-бы то ни было „законовъ", когда они вызваны не общимъ ходомъ народной жизни, а частными „волненіями", или — что то-же — односторонними увлеченіями отдѣльныхъ общественныхъ кружковъ. Во вторыхъ — если не мы сами, то наши потомки и преемники должны будутъ признать за собою уже несомнѣнное право даже всячески „проклинать" эти увлеченія — какъ потому, что не дождутся отъ нихъ ничего „хорошаго", такъ и потому еще, что въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ нибудь нужна не разрушительная ломка, а творческая разработка извѣстныхъ намъ жизненныхъ основъ — прежде всего путемъ спокойнаго, мирнаго, всесторонняго и свободнаго ихъ *обсужденія*, которому очевидно мѣшаютъ „нѣкоторыя волненія". — Въ свое время такою разработкою могутъ успѣшно заняться просвѣщеннѣйшіе „всероссійскіе" люди, хорошо знающіе не одну только восточную, но и не одну только западную Европу, — не одно только прошедшее, но и не одно только настоящее своего народа, — ибо полное сопоставленіе этихъ данныхъ способно бросить яркій свѣтъ на искомое будущее развитіе, подобно тому, какъ положеніе двухъ точекъ опредѣляетъ собою дальнѣйшее направленіе проведенной между ними прямой линіи. — Подобнаго научнаго *свѣта* и не хватало инымъ либеральнѣйшимъ западникамъ, мечтавшимъ о европейскихъ „правовыхъ порядкахъ" и мѣрившимъ свое отечество на какой-то англо-французско-нѣмецкій аршинъ. Они мало какъ-то замѣчали, что имѣютъ дѣло не съ кучкою богатыхъ, солидныхъ

---

[86]) *Discorso sopra la prima deca di Tito Livio*, I, 4: „le buone leggi nascono da quelli tumulti, che molti inconsideramente damnano". Та же мысль лежитъ въ основѣ новѣйшей эволюціонно-политической теоріи, выработанной австрійскимъ ученымъ (и бывшимъ министромъ) *Шэффле*: ср. его „Bau und Leben des socialen Körpers", изд. 1881 г., IV, 394 сл. и мн. др. Мы уже замѣтили въ общемъ курсѣ, что и этотъ писатель, говоря о „формахъ правленія" и о „раздѣленіи властей", основывается главнымъ образомъ только на Аристотелѣ! Ср. IV, 273 сл. и 327 сл.

„джентльмэновъ", въ которыхъ по старому обычаю и притомъ только двумя давно опредѣленными „манерами" воплощается у англичанъ все „общественное мнѣніе страны", — а съ обширнѣйшимъ въ свѣтѣ „мужицкимъ царствомъ", т. е. съ новымъ государственнымъ міромъ, впервые еще допускающимъ рѣшительное преобладаніе сельскаго, крестьянскаго большинства надъ городскимъ, „мѣщанскимъ" меньшинствомъ. Затѣмъ они слишкомъ часто забывали также, что если напримѣръ „мѣстечко Парижъ" берется олицетворять собою всю Францію и даже величаетъ себя „столицею міра", то наше столичное общество — съ преобладающею въ немъ „казеннокоштною" интеллигенціею — едва-ли можетъ быть выдаваемо за цѣлую Россію, а тѣмъ болѣе — за цѣлую Россійскую Имперію, которая по размѣрамъ и сложности своего состава не находитъ себѣ равныхъ въ Европѣ. Наконецъ — всего чаще упускалось изъ виду и то важное обстоятельство, что у насъ политическіе вопросы усложняются не какимъ нибудь „партикуляризмомъ" германскихъ союзно-имперскихъ областей, вмѣщающихъ въ себѣ приблизительно одинаковыхъ „бюргеровъ", а многочисленными и крайне разнообразными „инородческими" элементами населенія, имѣющими каждый свои особыя свойства, интересы, стремленія, которыхъ нельзя не принимать въ разсчетъ при всякихъ общегосударственныхъ реформахъ.

Вообще наши западники пожалуй не уступали славянофиламъ въ ошибочномъ пониманіи многихъ народныхъ потребностей и даже собственныхъ своихъ стремленій, въ сущности выражавшихъ одну изъ наименѣе *европейскихъ* сторонъ „русскаго духа". Да, такое суровое, безпощадно-ругательное отношеніе къ отечеству составляло и составляетъ какъ-бы специфическую особенность именно *русскихъ* умовъ! И не слѣдуетъ думать, что оно происходитъ отъ недостатка въ „патріотическомъ" чувствѣ. Напротивъ — самое рѣзкое обличеніе всевозможныхъ отечественныхъ пороковъ нерѣдко имѣло своимъ главнымъ источникомъ ту искреннюю, возвышенную и глубокую привязанность къ родинѣ, которая не удовлетворяется

наличными достоинствами, а стремится къ безконечному совершенствованію любимаго предмета. Въ этомъ смыслѣ и проявившееся въ нашемъ западничествѣ „самобичеваніе" русской народности оправдывало отчасти русскую пословицу: „кого люблю, того и бью". Впрочемъ и отъявленнѣйшіе западники не ограничивались только „битьемъ", хотя-бы любовнымъ. Словесные удары ихъ сыпались не на одну Россію, причемъ они доходили иногда до настоящей *народной гордости*. Какимъ гордымъ сознаніемъ нашихъ „варварскихъ" преимуществъ дышатъ напримѣръ хоть слѣдующія слова Герцена, обращенныя къ европейской буржуазіи: „Вы лицемѣры, — мы будемъ циниками; вы кланяетесь, не уважая, — мы будемъ толкаться, не извиняясь"! А сколько нескрываемаго презрѣнія къ „просвѣщенному Западу" въ знаменитыхъ статьяхъ „Съ того берега", написанныхъ около 1848 года, вскорѣ послѣ того какъ авторъ уже навсегда покинулъ свое отечество и переселился въ „Европу", далеко не удовлетворившую его ожиданіямъ! Тутъ-то добровольный изгнанникъ и „сжегъ все, чему поклонялся" — и хотя не „поклонился всему, что́ сжигалъ", но рѣшительно возгордился нѣкоторыми свойствами русской народности, прежде не выдерживавшими его строгой критики. Однако если Герцену приходилось путемъ горькаго опыта *додумываться* до своего заграничнаго патріотизма, то другіе западники просто не могли отрѣшиться отъ *естественной* привязанности ко всему русскому, часто вступавшей въ прямое противорѣчіе съ ихъ космополитическими тенденціями. Это была та „странная любовь", которую признавалъ за собою нашъ байронически разочарованный Лермонтовъ въ своемъ стихотвореніи „Родина", — любовь, которую „не побѣдитъ разсудокъ". Ее горячо исповѣдывалъ и другой, недавно умершій поэтъ русскій — поэтъ „гражданской скорби" по преимуществу, примыкавшій по своимъ основнымъ убѣжденіямъ именно къ западническому лагерю. Уже въ одной изъ самыхъ раннихъ поэмъ его встрѣчается между прочимъ такое лирическое отступленіе:

„Родина-мать! Я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился.

Сколько-бъ на нивахъ безплодныхъ твоихъ
Даромъ ни сгинуло силъ молодыхъ,
Сколько-бы ранней тоски и печали
Вѣчныя бури твои ни нагнали
На боязливую душу мою —
Я побѣжденъ предъ тобою стою!"

Такъ выражалась — и не одинъ разъ — наша „муза мести и печали". Вотъ что́ заставляло многихъ искреннихъ почитателей „Европы" и сомнительныхъ „патріотовъ своего отечества" (въ родѣ Бѣлинскаго или Добролюбова) не только „работать на родной нивѣ", но и въ писаніяхъ и въ разговорахъ своихъ безпрестанно возвращаться къ извѣстнымъ русскимъ *темамъ* — по русской-же пословицѣ: „что́ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ". Говорилось-же тутъ не объ однихъ лишь нуждахъ и пользахъ россійской интеллигенціи или „мыслящаго пролетаріата", а прежде всего о „мужикѣ", объ „общинѣ" и тому подобныхъ предметахъ, занимавшихъ либеральныхъ и радикальныхъ нашихъ западниковъ по крайней мѣрѣ не меньше, чѣмъ консервативныхъ славянофиловъ. Послѣдніе являлись скорѣе лишь сотрудниками первыхъ въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія. Между тѣмъ ближайшее изученіе народной жизни невольно приводило къ признанію за нѣкоторыми ея основами высокаго, даже мірового значенія. Въ самомъ дѣлѣ — не русскій-ли народъ еще въ старыхъ былинахъ своихъ противопоставилъ западнымъ героямъ-рыцарямъ или по крайней мѣрѣ „оруженосцамъ" чисто-крестьянскій идеалъ богатыря-земледѣльца? Не онъ-ли собственнымъ умомъ своимъ дошелъ до спасительнаго сознанія, что „жестокіе, сударь, у насъ нравы!" — и проч.? Ради такого народа можно было и отказаться на время отъ мечты о неподходящихъ „правовыхъ порядкахъ"! Этотъ *мотивированный отказъ*, со всѣми своими логическими послѣдствіями, долгое время звучалъ весьма замѣтною нотою въ нашей западнической журналистикѣ, не переходя однако въ другой, болѣе „европейскій" тонъ, усвоенный т. н. „охранительною" печатью. Данное движеніе общественной мысли отразилось

отчасти и на русской наукѣ. Еще недавно напримѣръ профессоръ Кавелинъ, въ своихъ статьяхъ о „Крестьянскомъ вопросѣ", приходилъ къ тому заключенію, что собственно это — единственный пока государственный вопросъ въ Россіи. „Такъ какъ въ составѣ нашего политическаго тѣла, писалъ онъ, нѣтъ тѣхъ двухъ могущественныхъ высшихъ слоевъ, которые въ европейскихъ государствахъ сложились въ началѣ ихъ исторіи, опредѣлили ходъ ихъ развитія и формы ихъ гражданскаго, политическаго и хозяйственнаго быта, то намъ нечего и разсчитывать на эти слои, ожидать отъ нихъ того, что́ они дали Европѣ. Затѣмъ у насъ изъ всѣхъ составныхъ слоевъ общества остается одинъ низшій, въ видѣ крестьянъ, по преимуществу земледѣльцевъ" [87]). — Подобныя воззрѣнія, не лишенныя нѣкоторой односторонности, но зато свободныя отъ иныхъ, еще болѣе односторонникъ „европейскихъ иллюзій", могли сближать и дѣйствительно сближали лучшихъ западниковъ съ лучшими славянофилами.

Оба разсмотрѣнныя нами направленія „политической литературы въ Россіи и о Россіи" замѣтно начинаютъ разлагаться въ послѣднее время. Въ средѣ ихъ бывшихъ сторонниковъ можно теперь встрѣтить тенденціи самаго разнообразнаго свойства, которыя проявляются какъ въ журналистикѣ, такъ и въ газетной печати. Тенденціи эти, далеко еще не установившіяся окончательно и даже не получившія у насъ твердыхъ названій, возникаютъ отчасти вслѣдствіе новаго наплыва общеевропейскихъ идей. Вообще русская мысль переживаетъ въ высшей степени *критическую* эпоху и носитъ еще болѣе отрицательный характеръ, чѣмъ тотъ, который мы отмѣтили въ западной политической философіи. Но рядомъ съ такимъ разложе-

---

[87]) Эти статьи К. Д. Кавелина печатались въ „Вѣстникѣ Европы" 1881 года, а потомъ вышли отдѣльною книжкою. Ср. также статью того-же автора объ „освобожденіи крестьянъ" въ сентябрьской книгѣ „Вѣстника Европы" за 1883 годъ.

ніемъ происходитъ, уже подъ вліяніемъ самой русской жизни, и сліяніе славянофильства съ западничествомъ въ нѣкоторыхъ новыхъ оттѣнкахъ [88]). Оно даетъ содержаніе новому, положительному направленію, не успѣвшему еще отлиться въ вполнѣ опредѣленныя формы, но все-же поддающемуся хотя приблизительнымъ опредѣленіямъ. Признаніе европейскаго просвѣщенія теперь уже не исключаетъ въ обществѣ стремленія къ самобытности, а послѣднее легко мирится съ первымъ во имя высшаго развитія народныхъ силъ. Такое примирительное направленіе или, вѣрнѣе, пока только *настроеніе* всего раньше и сильнѣе сказалось въ разныхъ произведеніяхъ поэтическаго творчества, которое изстари является самымъ яркимъ выраженіемъ общественнаго духа. Къ нему и теперь можно отнести извѣстный стихъ Пушкина о древнихъ сказкахъ: „Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ!" Вотъ почему лучшимъ, хотя и неполнымъ обращикомъ новаго русскаго настроенія могутъ служить для насъ нѣкоторые стихи новѣйшаго, уже цитированнаго мною выше русскаго поэта, также истинно „народнаго" и вмѣстѣ съ тѣмъ истинно „петербургскаго". Приводимъ здѣсь небольшой отрывокъ изъ другой, болѣе поздней поэмы Некрасова, причемъ обращаемъ особенное вниманіе на своеобразное соединеніе прежнихъ славянофильскихъ и западническихъ идей, а также на разгадку ихъ высшаго синтеза въ будущемъ народномъ развитіи. Словами одного изъ своихъ „Несчастныхъ" поэтъ говоритъ, что „во многомъ насъ

Опередили иноземцы, —
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ-бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй —

---

[88]) Выдающимися представителями этого сліянія были недавно умершіе русскіе писатели и общественные дѣятели: князь А. И. Васильчиковъ въ Петербургѣ и А. И. Кошелевъ въ Москвѣ. Изъ живыхъ представителей назовемъ здѣсь профессора государственнаго права въ петербургскомъ университетѣ А. Д. Градовскаго и редактора московскаго журнала „Русская Мысль" С. А. Юрьева.

Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины,
Черна — куда ни погляди,
Но не проѣлъ до сердцевины
Ея порокъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ."

Слова эти произносятся именно въ Сибири. Они вложены авторомъ въ уста человѣка еще „дореформеннаго", пострадавшаго за тѣ убѣжденія, за которыя въ настоящее время больше не „страдаютъ" русскіе люди. Такимъ образомъ и жизнь и поэзія по своему уже формулировали то, что́ еще предстоитъ формулировать наукѣ — конечно также по своему. Широкая и глубокая *идея Россіи,* столь часто воплощавшаяся въ разныхъ изящныхъ искусствахъ, должна воплотиться наконецъ и въ труднѣйшемъ изъ искусствъ — въ искусствѣ отвлеченнаго мышленія вообще, а въ частности и въ мышленіи научно-политическомъ, можетъ быть наиболѣе изъ всѣхъ трудномъ: я не о внѣшнихъ только трудностяхъ говорю.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Программа лекцій по русскому государственному праву, читанныхъ доцентомъ варшавскаго университета Александромъ Блокомъ.

Вступленіе: Значеніе *Россіи* для государственной науки вообще. Иностранная точка зрѣнія. Характеръ русской политической литературы.

Писатели-*славянофилы*. Общая критическая оцѣнка ихъ ученія. Высшая прогрессивная роль славянской народности, православной вѣры и общиннаго быта въ исторической эволюціи человѣчества. Дѣйствительное происхожденіе и развитіе русской государственности. „Петербургскій періодъ". „Командующіе классы" и „интеллигенція". Отвлеченные общественные идеалы славянофильства и практическіе изъ нихъ выводы.

Русскіе *западники*. Характеристика ихъ общаго направленія. Сравненіе Россіи съ западною Европою. Соціально-психологическія основы нашей жизни: особенная широта, высота и глубина умственныхъ проявленій. Реально-эволюціонный взглядъ на первоначальную, Кіевскую эпоху русской исторіи, на позднѣйшее объединеніе Руси, на расширеніе предѣловъ государства, на „Смутное время" и на другія событія Московскаго періода. Государственные порядки и нравы общества.

Историческая необходимость новѣйшаго, Императорскаго „самодержавія". Польза „просвѣщеннаго абсолютизма". Отношеніе русскаго народа къ власти вообще. Политическія понятія и свойства образованнаго общества. Положеніе разныхъ „окраинъ" Имперіи. Соціальные недуги и средства ихъ исцѣленія. Полная самобытность Русскаго государственнаго міра. Западничество и патріотизмъ.

Современная судьба обоихъ литературныхъ направленій въ Россіи. Задача русской *науки.*

Введеніе. Основные источники русскаго государственнаго права. Внѣшній характеръ законодательства. *Полное Собраніе* и *Сводъ* Законовъ Россійской Имперіи; ихъ происхожденіе, система и общее содержаніе. Другіе, менѣе общіе *сборники*, оффиціальные и частные.

Главныя литературныя пособія; общіе ихъ недостатки, оправдываемые количествомъ и качествомъ сырого матерьяла. Важнѣйшіе *учебники*, составленные нѣкоторыми русскими профессорами; критическій разборъ этихъ трудовъ *). — Система нашего курса.

Часть первая: *о государственномъ обществѣ въ Россіи.*

§ 1. Самодержавіе верховной власти, какъ высшее юридическое основаніе всѣхъ правъ и обязанностей въ государствѣ. Наслѣдственность Русскаго ***Монарха;*** исторія ея установленія и дѣйствующая система престолонаслѣдія, съ законными отступленіями отъ нея. Порядокъ вступленія на Всероссійскій престолъ. Учрежденіе „правительства и опеки". Титулъ Императорскаго Величества, государственный гербъ и государственная печать; ихъ значеніе и употребленіе. Другія личныя „права и преимущества" Государя-Императора.

---

*) Спеціальныя изслѣдованія и монографіи указывались и отчасти разбирались въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ курса, при разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ имъ отдѣльныхъ вопросовъ.

§ 2. Общее положеніе и составъ *Императорской фамиліи.* Постановленія императора Павла и „Основныхъ Государственныхъ Законовъ". Особенныя права и обязанности членовъ царствующаго дома. Ихъ почетныя и реальныя „преимущества".

§ 3. *Дворянство,* какъ первое привилегированное сословіе въ Россіи. Постепенное образованіе и послѣдовательныя проявленія его подчиненнаго, служебнаго характера. „Жалованная грамота" 1785 года и нынѣшніе „Законы о состояніяхъ", въ связи съ „Уставами о службѣ гражданской" и другими частями „Свода". Главные разряды, способы пріобрѣтенія и привилегіи дворянства. — Общее заключеніе о соціально-политическомъ значеніи русскаго „служилаго" сословія и сравненіе его съ иностранными аристократіями.

§ 4. Отношенія православной церкви къ государству и своеобразная исторія русскаго *духовенства,* съ древнѣйшихъ временъ. Поднятый Екатерининскою „Коммиссіею" вопросъ о его сословномъ значеніи. Раздѣленіе и юридическое положеніе духовныхъ лицъ по „Своду Законовъ": привилегіи и ограниченія въ правахъ. Историческій очеркъ вопроса о вступленіи свѣтскихъ лицъ въ составъ православнаго духовенства, бѣлаго и монашествующаго. Условія выхода изъ духовнаго званія въ ихъ историческомъ развитіи; постановленія 1869 и слѣдующихъ годовъ. — Положеніе римско-католическаго, протестантскаго и армяно-грегоріанскаго духовенства въ Россіи, сравнительно съ положеніемъ православнаго; отсутствіе рѣзкихъ юридическихъ различій. Церковно-монастырская реформа 1864 года въ Царствѣ Польскомъ.

§ 5. Понятіе о „городскихъ обывателяхъ" по русскому законодательству. Высшіе, привилегированные разряды этого сословія. Ихъ государственное происхожденіе. „Грамота на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи" и новѣйшія узаконенія о „торговлѣ и другихъ промыслахъ". *Купечество* и *почетные граждане;* современное раздѣленіе и права ихъ.— Слабое развитіе средняго класса въ Россіи, въ отличіе отъ западной

Европы. Главныя причины и послѣдствія даннаго явленія — общественныя и политическія.

§ 6. Низшій классъ или „податныя сословія". Установленіе и постепенное усиленіе крѣпостной зависимости въ Россіи. Образованіе общиннаго землевладѣнія у великоруссовъ. Правительственныя мѣры по облегченію участи и по освобожденію крестьянъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи. „Положенія о сельскомъ состояніи". — Историческая судьба низшихъ разрядовъ „городскихъ обывателей въ особенности", въ связи съ исторіею русскихъ городовъ. Переходное юридическое положеніе *мѣщанъ, цеховыхъ* и т. н. *„рабочихъ людей"* въ современной Россіи. — Нѣкоторые выводы отсюда.

§ 7. Преобладающій элементъ русскаго государственнаго общества: „сельскіе обыватели". Нынѣшнее устройство ихъ быта. Законныя условія принадлежности къ этому „состоянію". Широкія права сельскихъ „обществъ" надъ ихъ членами. Отдѣльные разряды *крестьянъ* и *„поселянъ"*; ихъ поземельныя и личныя юридическія отношенія. — Общій взглядъ на экономическія и соціальныя послѣдствія крестьянской реформы въ Россіи и въ западноевропейскихъ странахъ.

§ 8. Особенности въ положеніи *иновѣрцевъ*. Общая вѣротерпимость и ея границы по законамъ Россійской Имперіи. Возможность безпрепятственнаго перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое; возсоединеніе уніатовъ. Ограниченія въ нѣкоторыхъ правахъ семейственныхъ. Новѣйшія постановленія (1874 и 1883 годовъ) относительно раскольниковъ.

§ 9. Историческая постановка вопроса о положеніи отдѣльныхъ племенъ, населяющихъ нѣкоторыя области Имперіи. Культурное значеніе національности въ Россіи. — Привилегіи калмыковъ, самоѣдовъ, сибирскихъ киргизовъ и другихъ восточныхъ *инородцевъ*. Ихъ фактическое ослабленіе. — Очеркъ прежнихъ государственныхъ мѣръ и нынѣшняго русскаго законодательства о евреяхъ.

§ 10. Общія отношенія „подданныхъ" къ государственной власти. Значеніе и особенныя права *иностранцевъ* въ Русскомъ государствѣ. Условія принятія ихъ въ Россійское подданство; льготы и исключенія изъ общихъ правилъ.

Часть вторая: *о государственной власти въ Россіи.*

§ 1. Неограниченность монархической власти — высшій юридическій принципъ Русской государственности. Прежнія, неудачныя попытки ограниченія; „Пункты" т. н. „верховниковъ" при императрицѣ Аннѣ и „Планъ" Сперанскаго, въ связи съ другими его проектами. Значеніе современныхъ „Основныхъ Государственныхъ Законовъ"; дѣйствительный смыслъ 47 статьи. — Законодательныя права *Императора.* „Власть верховнаго управленія". Законы и словесныя высочайшія повелѣнія; ихъ формальное различіе. Раздѣленіе законовъ по содержанію. — Невозможность точно опредѣлить „компетенцію" верховной власти.

§ 2. Подчиненные правительственные органы. Трудность ихъ классификаціи. Общее направленіе и разнообразный характеръ административныхъ преобразованій въ Россіи XVIII и XIX столѣтій. Высшія, центральныя или т. н. „государственныя" учрежденія по системѣ „Свода". Новая группировка ихъ — съ исторической и съ практической точекъ зрѣнія. — Министерское управленіе, какъ главный центръ правительственной дѣятельности. Исторія его образованія и развитія. Мнѣнія Трощинскаго и Карамзина. — Политическое назначеніе, общія права, власть, зависимость, отчетность, отвѣтственность и взаимныя отношенія отдѣльныхъ *министровъ* или *главноуправляющихъ* и ихъ *товарищей.* Нынѣшнее распредѣленіе государственныхъ дѣлъ по „вѣдомствамъ"; существенныя его особенности въ области финансовъ, государственнаго контроля, народнаго просвѣщенія и юстиціи. — Оберъ-прокуроръ при святѣйшемъ синодѣ, статсъ-секретарь по дѣламъ Великаго Княжества Финляндскаго и другіе *единоличные органы*, облеченные разными министерскими правами.

§ 3. Возникновеніе, первоначальная роль и дальнѣйшая судьба *комитета министровъ.* Отзывы о немъ Сперанскаго и Мордвинова. Образованіе другихъ комитетовъ и *совѣта министровъ.* Современное значеніе, составъ и дѣятельность этихъ высшихъ правительственныхъ установленій. — Вопросъ о полномъ объединеніи государственной администраціи и новѣйшія попытки его разрѣшенія.

§ 4. Коллегіальныя государственныя учрежденія, примыкающія къ министерскому управленію. Первоначальное образованіе и позднѣйшее видоизмѣненіе *государственнаго совѣта* въ Россіи. Его общій характеръ, составъ, устройство, компетенція и законныя изъятія изъ этой компетенціи. Порядокъ рѣшенія дѣлъ и представленіе ихъ на высочайшее усмотрѣніе. Нѣкоторыя *особыя учрежденія,* состоящія при государственномъ совѣтѣ. — Система законодательныхъ *коммиссій.* — Военный совѣтъ и другія *совѣщательныя коллегіи.*

§ 5. *Правительствующій сенатъ.* Краткій очеркъ его исторіи въ прошломъ столѣтіи. Преобразованіе его при императорѣ Александрѣ I. Современное значеніе и общій составъ сената. Внутреннее устройство, компетенція и дѣлопроизводство отдѣльныхъ „департаментовъ", преимущественно административныхъ **). Виды „общихъ собраній", предметы и формы ихъ дѣятельности. „Соединенныя присутствія". Степень власти правительствующаго сената и ближайшія отношенія его къ министерству юстиціи. — Аналогическое значеніе и дѣятельность *святѣйшаго правительствующаго синода* по „вѣдомству православнаго вѣроисповѣданія".

§ 6. Общія черты въ составѣ и организаціи отдѣльныхъ *министерствъ.* Роль „департаментовъ", „совѣтовъ", „канцелярій" и проч. Важнѣйшія отступленія отъ общаго типа. — Собствен-

---

**) Чисто-судебная дѣятельность сената и другихъ установленій подробно разсматривается въ спеціальныхъ курсахъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства.

ная Е. И. В. канцелярія, канцелярія по учрежденіямъ императрицы Маріи, Императорская главная квартира и иныя *центральныя установленія*, отправляющія нѣкоторыя министерскія функціи. — Замѣчаемое во всѣхъ этихъ функціяхъ соединеніе „надзора" съ „исполненіемъ", дѣлъ „судныхъ" съ „распорядительными" и т. п.

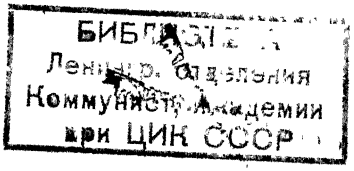
§ 7. Мѣстные органы правительства. Общая система ихъ въ историческомъ развитіи и по Екатерининскому „Учрежденію о губерніяхъ" 1775 года. Дальнѣйшая судьба этого „Учрежденія". Обзоръ II тома „Свода Законовъ". Основныя административныя дѣленія Русской государственной территоріи и соотвѣтствующіе имъ главные органы администраціи. Ихъ тѣснѣйшая связь съ разными министерствами и взаимныя отношенія, отсюда вытекающія.—Особенное положеніе *начальниковъ губерній*, какъ представителей высшаго правительства и какъ объединяющихъ центровъ въ мѣстномъ управленіи. — Нѣсколько словъ о прочихъ *должностныхъ лицахъ* въ губерніяхъ и уѣздахъ.

§ 8. Значеніе мѣстныхъ коллегій, примыкающихъ къ единоличной губернаторской власти. Отношенія ихъ къ правительствующему сенату и къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Составъ и компетенція *губернскихъ правленій*. Раздѣленіе дѣлъ по способамъ ихъ рѣшенія. — Краткій очеркъ остальныхъ *присутственныхъ мѣстъ*, губернскихъ и уѣздныхъ, „казенныхъ" и „полицейскихъ". — Администрація и новые суды послѣ 1864 г.

§ 9. Задачи мѣстнаго самоуправленія въ Царской и въ Императорской Россіи. Важныя реформы императрицы Екатерины II и императора Александра II. — *Дворянскія* собранія и разныя должности по выбору дворянства. — Сословныя учрежденія для *городскихъ* „обывателей". — Подробная характеристика *крестьянскаго* самоуправленія, сельскаго и волостного, по „Положенію" 1861 года и нѣкоторымъ позднѣйшимъ узаконеніямъ.

§ 10. Новѣйшіе органы всесословнаго, „общественнаго" управленія. Городскія избирательныя собранія, думы и управы

о *„Городовому положенію"* 1870 года. Ихъ устройство, дѣятельность и отношенія къ правительству. — Раздѣленіе, организація, предметы вѣдомства и предѣлы власти *земскихъ учрежденій,* уѣздныхъ и губернскихъ. Правительственный надзоръ за этими учрежденіями. — Сравнительно-критическія замѣчанія о дѣйствительномъ значеніи мѣстнаго представительства на Западѣ и въ Россіи.


БИБЛИОТЕКА
Ленингр. отделения
Коммунистической Академии
при ЦИК СССР

БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР